

Институт археологии им. А.Х. Халикова
Академии наук Республики Татарстан

АРХЕОЛОГИЯ ЕВРАЗИЙСКИХ СТЕПЕЙ

приложение к журналу

Выпуск 34

Е.П. Казаков

**МОГИЛЬНИКИ ПРИУСТЬЕВОГО ЗАКАМЬЯ
ПЕРЕХОДНОГО ПЕРИОДА: ОТ ЭПОХИ БРОНЗЫ
К РАННЕМУ ЖЕЛЕЗНОМУ ВЕКУ**

Казань
2025

УДК 902.03
ББК 63.442.6(2)/63.442.7(2)
К14

*Журнал «Археология евразийских степей»
приложение к журналу
издается с 2007 года
Выпуск 34*

Научное издание

Печатается по решению Ученого совета Института археологии им. А.Х. Халикова
Академии наук Республики Татарстан

Рецензенты:

д.и.н. Т.Б. Никитина, к.и.н. С.Э. Зубов

Ответственные редакторы:

к.и.н. А.В. Новиков, к.и.н. А.А. Чижевский, академик АН РТ, д.и.н. А.Г. Ситдилов

Редакционная коллегия

д.и.н. В.А. Иванов, к.и.н. М.Ш. Галимова, к.и.н. В.В. Кондрашин, к.и.н. Р.Р. Саттаров,
к.в.н. Г.Ш. Асылгараева, Р.Р. Мухаметшин

К14 Казаков Е.П.

Могильники приустьевое Закамья переходного периода: от эпохи бронзы к раннему железному веку / Е.П. Казаков; отв. ред. А.В. Новиков, А.А. Чижевский, А.Г. Ситдилов – Казань: Изд-во АН РТ, 2025. – 144 с. (Серия «Археология евразийских степей»; вып. 34).

ISBN 978-5-9690-1397-1

DOI: <https://doi.org/10.24852/978-5-9690-1397-1>

Предлагаемая книга посвящена анализу уникальных материалов разнокультурных могильников: Девичий городок IV и Измерский VII. Погребальные памятники расположены в приустьевом Закамье на территории Республики Татарстан и относятся к маклашеевской культуры финала бронзового века и постмаклашеевской культуре ананьинской культурно-исторической области раннего железного века. Могильники демонстрируют погребальный обряд и инвентарь переходной эпохи от бронзового века к раннему железному, и имеют важное научное значение в осмыслении процесса образования культур раннего железного века в Восточной Европе.

Работа представляет интерес для специалистов в области археологии и истории, а также для широкого круга читателей, интересующихся древними культурными процессами в Волго-Уральском регионе.

Монография подготовлена в рамках реализации государственного задания Академии наук Республики Татарстан на 2025 г. Издана за счет средств, выделенных на проведение Всероссийской научной конференции «Ананьинский мир: археология бронзового и раннего железного веков Северной Евразии (к 130-летию со дня рождения А.В. Шмидта)» с 11 по 14 ноября 2025 г.

ISBN 978-5-9690-1397-1

© Е.П. Казаков, 2025

© Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ, 2025

Содержание

Вступительное слово	4
Глава 1. Могильник Девичий городок IV	6
1.1. Описание раскопов.....	7
1.2. Описание погребений	9
1.3. Погребальный обряд.....	13
1.4. Вещевые комплексы.....	13
1.5. Хронология могильника	16
1.6. Выводы	18
Глава 2. Измерский VII могильник.....	20
2.1. Описание раскопов.....	20
2.2. Описание погребений	23
2.3. Погребальный обряд.....	29
2.4. Вещевой материал и хронология Измерского VII могильника.....	31
Заключение.....	33
Приложение	36
Литература	39
Список сокращений.....	42
Иллюстрации	43

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО

Памятники финала бронзового и начала раннего железного веков в окрестностях с. Измери Спасского района Республики Татарстан были открыты автором этой книги Е.П. Казаковым в первой половине 80-х гг. XX в., могильник маклашеевской культуры финала бронзового века Девичий городок IV – в 1981 г., а Измерский VII постмаклашеевской культуры ананьинской культурно-исторической области (АКИО) раннего железного века – в 1985 г.

Эти некрополи располагаются на равнине, возвышающейся над уровнем Куйбышевского водохранилища на 10 и более метров. Геология данной равнины, сложенной в основном суглинками, обусловила катастрофический характер разрушения береговой полосы в результате абразионных процессов на Куйбышевском водохранилище. С момента заполнения этого водного бассейна здесь были смыты сотни метров береговой полосы, а вместе с ними и десятки памятников археологии, самым известным из которых является городище Девичий Городок. Абразия береговой полосы и вызванные ею эрозионные процессы позволили выявить и публикуемые в данном издании могильники.

Могильник Девичий Городок IV наряду с классическим набором погребального инвентаря предоставил весьма неординарные предметы и неизвестные ранее элементы погребального обряда.

К числу не фиксировавшихся ранее элементов погребального обряда относятся поминальные комплексы, состоящие из костей ног лошади, отрубленных по колено вместе с копытами. Ранее на маклашеевских могильниках были известны лишь жертвенные комплексы из черепов лошади, которые размещали возле могил, а в мужские погребения

помещали бедренные кости коня в качестве поминальной мясной пищи.

Из числа не фиксировавшихся ранее предметов погребального обряда стоит отметить застежку от конской упряжи, выполненную из сверленной челночной кости лошади (погр. 16) (рис. 42: 4). Впоследствии такие же застежки были обнаружены в материалах погр. 1 Измерского XVI могильника (рис. 62: 1, 2).

Не меньший интерес представляет составная бляха, выполненная из двух кусков кости и имитирующая аналогичное изделие из металла из погр. 9 (рис. 21: 12).

Редкой находкой является также плоская серповидная гривна из погр. 8 (рис. 22: 6). Такие изделия ранее были известны по находкам из подъемного материала на могильниках Мурзихинский II и Гулюковский. Также редки в маклашеевских некрополях костяные кольца, которые были обнаружены в составе погребального инвентаря погр. 16 (рис. 42: 2, 3). Такие кольца изредка встречаются в составе уздечной упряжи в материалах некрополей финала бронзового века юга Европейской части Российской Федерации и в Западной Сибири. В составе конской упряжи собственно маклашеевской культуры костяные кольца встречались только в погр. 1 (С) Маклашеевского II могильника и погр. 1 Измерского XVI могильника (рис. 62: 5, 7). По современным представлениям поздний (маклашеевский) этап маклашеевской культуры датируется XII–X вв. до н.э. (Чижевский, Лыганов, Кузьминых, 2021, с. 636).

Второй могильник из числа опубликованных в данном издании, Измерский VII, сочетает погребения маклашеевской культуры финала бронзового века и постмаклашеевской культуры АКИО, которая относится уже к раннему железному веку. Об этом свидетель-

ствуют как погребения с инвентарем финала бронзового (погр. 15) (Казаков, 1994, рис. 4: 4; 8: 9–12), так и раннего железного веков (погр. 3, 5, 7, 10, 13, 18, 21, 23) (рис. 103) (Казаков, 1994, рис. 6: 1–5; 7: 1–12; 8: 1–8, 13–15). В междоельном пространстве и среди подъемного материала также встречаются материалы финала бронзового (рис. 109: 10) (Казаков, 1994, рис. 4: 4) и раннего железного веков (рис. 110) (Казаков, 1994, рис. 1: 1–4; 3: 10, 12, 13; 4: 1–3, 5–7; 9: 1–11). К сожалению, большая часть публикуемых погребений могильника либо не имеют инвентаря, либо разрушены эрозией.

Находка бронзового кинжала типа К-18, выявленного над погр. 25 в составе жертвенного комплекса, подтверждает переходный возраст Измерского VII могильника. Он, так же как и псалий типа Сержень-Юрт, вариант Камышеваха из погр. 10 (Казаков, 1994, рис. 8: 5), позволяет отнести Измерский некрополь к 1 этапу раннего периода АКИО, время существования которого ограничено рамками IX – 1 первой половины VIII вв. до н.э. (Кузьминых, Чижевский, 2014, с. 107).

Измерский VII могильник представил большую серию стел, выполненных из известняка. С учетом опубликованных ранее их число достигло 10 экз., хотя вероятнее всего их было больше, с учетом зафиксированных на территории могильника и под обрывом фрагментов. Здесь отмечены как стелы ильичевского с подпрямоугольным завершением верхней части и клиновидным основанием, так и новомордовского типов с полукруглым завершением верхней части (Чижевский, 2005).

Стелы ильичевского типа встречаются на маклашеевском могильнике Ильичевский и могильнике переходного типа Мурзихинский

II, сочетающего погребения маклашеевской и постмаклашеевской культур. На некрополях, которые содержат погребения исключительно постмаклашеевской культуры АКИО раннего железного века, стел ильичевского типа не зафиксировано. Исходя из этих фактов, стелы ильичевского типа отнесены в настоящее время к финалу бронзового века.

Время существования стел новомордовского типа определено по изображениям предметов вооружения на их поверхности. Самые ранние из стел новомордовского типа датированы таким образом IX – первой половиной VIII вв. до н.э. (Кузьминых, Чижевский, 2014, с. 103), самые поздние VI в. до н.э. (Чижевский, 2009, с. 87). Наличие стел ильичевского и новомордовского типов на территории Измерского VII является дополнительным доказательством переходного от бронзового века к раннему железному возрасту данного памятника. К сожалению, на стелах Измерского VII могильника изображения не обнаружены, поэтому более точно определить время существования данного некрополя не представляется возможным.

Суммируя все вышесказанное, хочется отметить, что публикация материалов могильников Девичий Городок IV и Измерский VII вносит большой вклад в расширение представлений о памятниках финала бронзового века и переходного времени от эпохи бронзы к раннему железному веку. Это безусловное достижение особенно важно тем, что, несмотря на солидный возраст, Евгений Петрович нашел в себе силы и не оставил пылиться в запасниках музея материалы своих многолетних раскопок, как это часто бывает, а подготовил на их основе данную монографию и вынес её на суд читателей.

А.А. Чижевский

ГЛАВА 1. МОГИЛЬНИК ДЕВИЧИЙ ГОРОДОК IV

Ярким и своеобразным культурным образованием финала эпохи бронзы Волго-Камья является маклашеевская культура. Она занимала обширную территорию Среднего Поволжья и была отнесена А.Х. Халиковым к позднему этапу приказанской культуры (Халиков, 1980). Основой хозяйства населения этой общности было скотоводство, поэтому большинство могильников, свидетельствующих о постоянном месте пребывания, было выявлено именно в богатых травами районах, по берегам больших рек: Волги и Камы.

Несомненный интерес представляют некрополи этой культуры, находящиеся в приустьевом Закамье, в их число входит и могильник Девичий городок IV (рис. 1; 2). Памятник занимает высокий (более 10 м) мыс коренной террасы, разделяющий долины рек Камы и Волги, и находится в 7 км к западу от с. Измери Спасского района республики Татарстан. Название могильник получил по расположенному недалеко средневековому городищу.

Мыс, сложенный из суглинисто-черноземных отложений и не имеющий, как на правом берегу р. Волги, каменистой подосновы, катастрофически разрушается под воздействием штормовых волн. На всем протяжении (7 км) от Девичьего городка до с. Измери (Измерский уступ) происходит постоянное и интенсивное обрушение берега. При этом погибают сотни археологических памятников: стоянок, селищ, могильников и др., которые оставляло древнее население в течение многих веков, проживая на надпойменной террасе, используя богатые биоресурсы широкой долины р. Камы в хозяйственной деятельности.

Мониторинг памятников в этой местности активно ведется с начала 60-х годов XX в. археологами Татарстана, включая сотрудников Раннеболгарской археологической экспедиции (РАЭ). Такое название экспедиция получила потому, что в её состав изначально входили участники крупных отрядов, занимавшихся раскопками значимых болгарских памятников (Измерское селище, Танкеевский могильник и др.). В осенний период часть специалистов соглашалась принимать участие и в охранно-спасательных работах на памятниках археологии в зоне Куйбышевского водохранилища.

Особое значение могильника Девичий городок IV состояло в том, что проживающее здесь маклашеевское население, находясь в исключительно выгодном географическом положении, контролировало широкую территорию долин Камы и Волги. Именно на этом памятнике изучено единственное известное сейчас захоронение одного из вождей этой общности.

Длительный мониторинг технического состояния могильника, проводившийся с 1981 по 2009 г., позволил накопить ценный материал, который полностью представлен в научных отчетах, направленных в Отдел полевых исследований Института археологии РАН. Частично сведения об археологических работах были опубликованы в отдельных статьях (Казаков, 2001, рис. 12–13; Казаков, 2002, с. 83–87). В настоящей работе представлены практически все имеющиеся на данный момент материалы, кроме некоторых данных за 2008 г., когда, наряду с погребением № 22,

было изучено сооружение позднего времени, не связанное с некрополем.

К маклашеевской культуре также относится Измерский XVI могильник, достаточно специ-

фический по материалу (Казakov, 2017, с. 80–88). Памятник расположен на надпойменной террасе левого берега р. Камы, в 3 км к северо-востоку от некрополя Девичий городок IV.

ОПИСАНИЕ РАСКОПОВ

Могильник Девичий городок IV открыт в 1981 г., когда под обрывом, в отвалившемся грунте, были обнаружены человеческие скелетированные останки со следами окиси бронзы на височных костях и лобной части черепа (рис. 3; 4).

Местность, где находится некрополь, редко посещается людьми. Поверхность памятника ровная, ранее использовалась под пашню, позднее под сенокос. Прибрежная часть памятника заросла высокой сорной травой (рис. 5–7). В береговом обрыве была зафиксирована стратиграфия: сверху дерн – 10 см, ниже чернозем – 110–120 см, подстилаемый стерильным суглинком. Всего на памятнике в разные годы заложено 5 раскопов и несколько шурфов.

Раскоп I (рис. 8; 10). В целях изучения разрушаемых захоронений вдоль берегового обрыва в 1981 г. заложен раскоп, состоящий из квадратных участков со сторонами 2 м каждый. С небольшим отклонением (31°) в направлении север-юг линии участков обозначались арабскими цифрами, в направлении запад-восток – заглавными буквами русского алфавита (рис. 8). Площадь раскопа составила 22 кв. м, выявлено 6 погребений.

Дневная поверхность раскопа покрыта травой и оказалась слегка наклонной с севера на юг. Во время исследований между участками оставались бровки шириной в 40 см. Вскрытие велось пластами по 20 см. Методика работ единая для всех последующих раскопов.

Стратиграфия в раскопе простая. Дернина имеет мощность 10 см. Ниже дерна, до глубины 120 см, залегает слой рыхлого серого чернозема, изрезанного многочисленными норами грызунов. Далее до глубины 140 см располагается переходный от чернозема к суг-

линку слой. Находок в раскопе не встречается, исключением является поминальный комплекс I на участке А/4–5, зафиксированный при прокопке чернозема на глубине 55 см. Комплекс состоял из кости ноги лошади, отрубленной по колено и лежащей копытом на ССВ (рис. 9: 1).

Раскоп II (рис. 10–11). Во время разведочных работ в июне 1985 г. в обрыве берега выявлены два новых разрушающихся захоронения № 7–8. Незамедлительно, в следующем месяце, здесь был заложен раскоп, располагающийся к северо-востоку от раскопа I, который к этому времени был полностью уничтожен штормовыми волнами. Раскоп II состоял из квадратных участков со стороной 2 м каждый. В направлении юго-запад – северо-восток линии участков обозначались заглавными буквами русского алфавита, в направлении северо-запад – юго-восток – арабскими цифрами (рис. 11).

Стратиграфия в раскопе II аналогична раскопу I. Дернина мощностью около 10 см, далее до глубины 110–120 см залегает слой чернозема, который постепенно переходит в суглинок (рис. 12).

При прокопке наслоений чернозема в восточном углу участка Д/1 на глубине 30 см были обнаружены кости ног лошади и коровы, отрезанные по колено и расположенные параллельно друг другу, копытами на юг. На участке Е/1, на этой же глубине, зафиксирована челюсть коровы (рис. 11). В юго-западном углу участка Д/2 на глубине 40 см находилась челюсть барана (рис. 9: 2; 11). При переходе напластований чернозема к суглинку, в юго-восточном углу участка Г/2, на глубине 120 см найдены предметы из кремня с налетом окремнелого известняка меньшей твердости.

Всего в раскопе II на площади 70 кв. м выявлено 7 захоронений (№ 7–13), продолжающих нумерацию погребений, вскрытых в 1981 году.

В августе 1985 г. проведен очередной мониторинг технического состояния памятника и определено, что за три летних месяца (июнь – август) берег вновь обрушился на два и более метра вглубь террасы (рис. 11).

При осмотре берегового обрыва в 1989 г. выяснилось, что по сравнению с 1985 г. берег вновь обрушился на всем протяжении памятника на глубину 12–15 м (рис. 13). В обрыве зафиксирована стратиграфия: дерн – 10 см, чернозем – 120 см, ниже – материковый суглинок. В переходном от чернозема к суглинку слое располагались человеческие останки – погребение № 14. В данном месте был заложен шурф площадью 2 кв. м.

Раскоп III (рис. 13). В 1999 г. при осмотре памятника было отмечено новое разрушение берега и выявлены следы могильной ямы с черноземным заполнением – погребение № 15. Длина объекта составляла более 4 м. На этом месте был заложен раскоп, вытянутый вдоль берегового обрыва, размерами 5×2 м, площадью 10 кв. м. Поверхность на месте исследований ровная, покрытая сорными травами, уплотненная вследствие проходившей здесь ранее полевой дороги. Последняя из-за разрушения берега ежегодно переносится вглубь террасы. Глубина раскопа составила 160 см. В раскопе изучено захоронение вождя. В обрыве, под погребением № 15, дополнительно собраны вещи из обрушенной части могильника (рис. 32: 2–4).

Раскоп IV (рис. 13). В 2001 г. в обрыве берега обнаружено новое разрушаемое погребение № 16, над которым был заложен шурф размерами 5×2 м. В 2002 г. изучено два захоронения – № 17–18. Одно из них (№ 17) полностью разрушено, во втором (№ 18) находились костяки взрослого индивида и ребенка. При шурфовке в 2003 г. (рис. 16), зафиксирована плохо прослеживаемая в черноземе яма – погребение № 19.

Раскоп V заложен рядом с шурфом 2003 г. (рис. 14–16). При осмотре берегового обрыва в 2004 г. были отмечены новые разрушения могильника и фиксировались выступающие из грунта скелетированные человеческие останки. Четыре захоронения обрушились во время сильного шторма – исследовать их не удалось (рис. 17). Над остатками еще двух погребений № 20–21 был заложен очередной раскоп. Из-за отсутствия на обширной площади каких-либо внешних отличительных знаков и в связи с ежегодным разрушением берега был снят новый план береговой линии (рис. 14). Предназначенная для вскрытия площадь располагалась вдоль разрушаемой прибрежной части и была разбита на квадратные участки со стороной 3 м каждый. В направлении юг-север линии участков обозначались заглавными буквами русского алфавита, в направлении запад-восток – арабскими цифрами (рис. 16). Поверхность на месте раскопа ровная, задернованная, с небольшим понижением к востоку (рис. 15). Ранее здесь была пашня, которая не возобновлялась в последние годы.

В 2008 г. по краю обрыва было изучено еще одно погребение – № 22.

ОПИСАНИЕ ПОГРЕБЕНИЙ

Погребение № 1. Выявлено в отвале под обрывом. В грунте собраны человеческие останки, в том числе череп и обломки украшений из бронзы. На височных костях и лобной части черепа зафиксированы следы окиси от украшений из цветного металла.

Погребение № 2 (рис. 18). В обрыве берега на глубине 100 см от дневной поверхности был зафиксирован фрагментированный череп ребенка со следами бронзовой окиси. Возможно, погребенный был ориентирован головой на юго-восток. Основная часть захоронения обрушилась в воду.

Погребение № 3 (рис. 18). Очертания могильной ямы в наслоениях чернозема не прослеживаются. На глубине 80 см зафиксировано захоронение ребенка. Погребенный лежал вытянуто на спине, голова на юге — юго-востоке, руки положены вдоль туловища. Череп запрокинут на правый бок. На правой височной кости наблюдалась окись от бронзового предмета.

Погребение № 4 (рис. 18). Очертания могильной ямы в переходном от чернозема к суглинку слое не прослеживаются. На глубине 110 см обнаружено погребение, половина которого была обрушена в реку. От костяка сохранились только смещенные кости ног и таза, около которых располагались одиночные позвонки и ребра. Судя по расположению костей ног и таза, можно предположить, что погребенный был ориентирован головой на северо-запад.

Погребение № 5 (рис. 20). Очертания могильной ямы в переходном от чернозема к суглинку слое не прослеживаются. На глубине 140 см зафиксирован костяк взрослого человека. Погребенный лежал вытянуто на спине, головой на юго-восток, руки положены вдоль туловища. Череп на затылке, слегка завален на левый бок. На лобной кости отмечалась окись от бронзового украшения. С левой стороны от покойного, в районе черепной коробки, зафиксированы угольки и лопатка барана (?). У левого плеча находился комплекс

вещей, представленный: бронзовым ножом с остатками кожи на рукояти (рис. 22: 1), двумя залощенными грифельными костями лошади шиловидной формы (рис. 21: 8–9), костяным кочедыком (?) (рис. 21: 10) и несколькими костяными проколками (рис. 21: 1–3). Кроме этого, при выборке погребения у покрытой окисью левой височной кости найдены обломки бронзового кольцевидного украшения с органическими остатками около них.

Погребение № 6 (рис. 18; 19: 1–2). Очертания могильной ямы в наслоениях чернозема не прослеживаются. На глубине 95 см обнажился костяк ребенка. Погребенный лежал вытянуто на спине, головой на юг, руки положены вдоль туловища. Череп оказался завален на левый бок. При выборке погребения у левого виска найдены две бронзовые кольцевидные подвески (рис. 19: 1–2).

Погребение 7 (рис. 18). Захоронение было обнаружено по выступающим из берегового обрыва костям человека. При расчистке выявлена плохо прослеживаемая подпрямоугольная в плане могильная яма шириной 55 см и сохранившейся длиной 110 см. На глубине 120 см зафиксирован костяк. Погребенный лежал на спине, головой на юго-запад, руки вытянуты вдоль туловища. Череп запрокинут вправо. Рядом с височными костями найдены бронзовые кольцевидные серьги, аналогичные подвескам из погребения № 6.

Погребение № 8. Погребение было выявлено на глубине 120 см от уровня дневной поверхности. От него сохранились только стопы ног, которые прослеживались в обрыве берега. Захоронение, вероятно, ориентировано на запад. В обрыве, под погребением, собрано несколько человеческих ребер и бронзовая серповидная гривна (рис. 22: 6).

Погребение № 9 (рис. 23). Погребение находилось в 10 м к юго-востоку от погребения № 7. Костные останки обнаружены после нового обвала берега. Могильная яма на фоне основного слоя слабо прослеживается в виде серо-черноземного заполнения начиная с глу-

бины 140 см. Ширина могилы около 50 см. На глубине 160 см зафиксированы костные останки. Верхняя часть скелета, до тазовых костей, обвалилась в реку. Судя по сохранившимся *in situ* костям таза, ног и кисти левой руки, погребенный лежал вытянуто на спине, головой на север – северо-запад. Пальцы левой руки были слегка согнуты. Стопа левой ноги развернута влево. Между бедренными костями индивида находились костяные детали уздечного набора (рис. 21: 11–12).

Погребение № 10 (рис. 24; 25). Захоронение, как и предыдущее, частично разрушено обрывом. Очертания могильной ямы в переходном от чернозема к суглинку слое не прослеживаются. Костные останки ребенка зафиксированы на глубине 115 см. Локтевая и лучевая кости правой руки, правая тазовая кость и бедренные кости обеих ног не сохранились (обрушены в обрыв). Черепная коробка раздавлена. Судя по сохранившимся костным останкам, погребенный лежал вытянуто на спине, головой на северо-восток, руки положены вдоль туловища. Слева от черепа находились костяные проколки и косточка птицы (рис. 21: 4–7), справа – кость животного.

Погребение № 11 оказалось обрушено в обрыв. Очертания могильной ямы в переходном от чернозема к суглинку слое не прослеживались. На глубине 120 см находился костяк ребенка. Погребенный лежал вытянуто на спине, головой на запад – юго-запад, руки положены вдоль туловища. Раздавленный череп был слегка повернут налево. Ноги в коленках немного сближены. Рядом с черепной коробкой располагались два позвонка, ребро и ключица человека, предположительно смещенные со своего места грызунами.

Погребение № 12 (рис. 26). Очертания могильной ямы размерами 250×60 см (в северной части яма сужалась на 3–4 см), вытянутой по линии ССЗ – ЮЮВ, проявились в переходном от чернозема к суглинку слое на глубине 120 см. На глубине 150 см обнажилось разграбленное захоронение. Все кости скелета смещены. Трубчатые кости ног и рук, позвонки, ребра находились в южной половине могилы, нижняя челюсть – в северной. Среди

человеческих костей в южной части могилы обнаружены два крупных обломка раковины беззубки. Один из них имел округлую форму с отверстием по центру.

Погребение № 13 (рис. 27). Очертания могильной ямы в переходном от чернозема к суглинку слое не прослеживаются. Над погребенным, на глубине 100 см, фиксировались беспорядочно лежащие ребра, позвонки и фаланги пальцев. На глубине 110 см находился костяк взрослого человека. Погребенный лежал вытянуто на спине, головой на северо-восток, руки положены вдоль туловища. Череп на затылке, слегка повернут на левый бок. Нижняя челюсть и ряд других костей скелета смещены, по всей вероятности, грызунами. За головой погребенного находились два позвонка мелкого рогатого скота. Справа от черепной коробки обнаружено бронзовое шило с остатками костяной рукояти (рис. 22: 3).

Погребение № 14 (рис. 22: 2, 4–5, 7–8, 13; 28–29). Очертания могильной ямы в переходном от чернозема к суглинку слое не прослеживаются. На глубине 110 см зафиксирован костяк взрослого человека, ориентированного головой на юг с небольшим отклонением к востоку. Погребенный лежал вытянуто на спине, руки положены вдоль туловища. Череп на затылке, слегка наклонен влево. Берцовые кости левой ноги и ступней правой ноги обрушены в реку. Под черепом находилась сильно окисленная кольцевидная серьга (рис. 22: 2). На шее расчищены четыре бронзовые пронизки (рис. 22: 4) и еще одно височное колечко (рис. 22: 5). Справа от лучевой кости правой руки находилась кость животного, а на позвонках поясничного отдела – костяная подвеска (рис. 22: 8). Справа от колена правой ноги располагалось кремневое изделие (рис. 21: 13). Правее от берцовых костей правой ноги лежали два трубчатых костяных игольника (рис. 22: 7). При выборке погребения слева от тазовых костей найдены три кремневых скола и кость животного.

Погребение № 15 (рис. 30–37). Профиль могильной ямы фиксировался в обрыве берега (рис. 30). В этом месте в воде обнаружены человеческие кости, в том числе череп, на ко-

тором сохранились следы окиси от изделий из бронзы. Рядом с костями собраны: бронзовый нож, бронзовое копье и каменная булава (рис. 32: 2–4). Над сохранившейся частью погребального комплекса был заложен раскоп III (рис. 31). При его прокопке на уровне второго пласта выявлены кости животного, уходящие в южную поперечную стенку. Здесь сделана прирезка размерами 65×30 см, и на глубине 30 см была зафиксирована челюсть крупного рогатого скота, лежащая на боку резцовой частью на юго-восток (рис. 31).

На глубине 120 см, в переходном от чернозема к суглинку слое, проявились очертания неправильной по форме ямы, заполненной черноземом. Яма вытянута по линии север-юг и углублена в материковый суглинок. Сохранившаяся ее часть имела длину более 400 см, а ширину 180 см (рис. 30–31; 34). Стенки ямы отвесные, дно плоское, находится на глубине 160 см. В центральной части фиксировалось известняковое пятно (возможно, следы от обуви) размером 15×10 см, а около него располагались кости стоп и малая берцовая кость левой ноги человека. Судя по ним, погребенный был ориентирован головой на север. В южной части могилы находился костяк овцы, а к югу от него – три уложенные друг на друга нижние челюсти лошади, обращенные резцовой частью на северо-запад и юго-восток (рис. 31).

При разборе могильной ямы в северо-восточной части на глубине 150 см найдена костяная поделка (рис. 32: 1).

Погребение № 16 (рис. 38–43). Следы могильной ямы с выступающими человеческими костями были обнаружены при осмотре берегового обрыва (рис. 38). Очертания могилы с плотным черноземно-глинистым заполнением проявились на глубине 135 см. Могильная яма имела подпрямоугольную форму и вытянута, с небольшим отклонением, по линии запад-восток (в восточной части расширялась на 8 см). Размеры 220×60–68 см. Стенки ямы отвесные, плоское дно находится на глубине 175 см (рис. 40).

На уровне 170 см зафиксированы костные останки, расположенные около северной про-

дольной стенки могилы. Костяк взрослого человека лежал вытянуто на спине, головой на восток, руки положены вдоль туловища. Череп слегка повернут на левый бок. В районе груди, над костяком, на глубине 170 см зафиксированы остатки деревянной плашки шириной 6 см, расположенной поперечно. Над головой погребенного был положен бронзовый нож (фрагментированный) (рис. 43: 6). У левой височной кости находилась серьга (рис. 43: 4), вторая аналогичная серьга (рис. 43: 5) была обнаружена в район груди (смещена). Справа от поясничного отдела позвоночника располагались бронзовые пронизки и бусина (рис. 43: 1–3). У колен погребенного размещались остатки узды, состоящие из двух костяных трехдырчатых псалий и двух костяных колец (рис. 42: 1–3). У левой плечевой кости находилась костяная проколка (рис. 43: 10), еще одна поделка из кости лежала у кисти левой руки (рис. 42: 4; 43: 7).

Погребение № 17 полностью разрушено. Под обрывом собраны человеческие кости и обнаружена бронзовая накладка (рис. 58: 1).

Погребение № 18 (рис. 44–45). Контуры частично разрушенного захоронения прослежены в переходном от чернозема к суглинку слое, на глубине 105 см. Заполненная черноземом могильная яма с подпрямоугольными углами была вытянута по линии ВСВ – ЗЮЗ и имела сохранившуюся длину 220 см при ширине 100–110 см (в северной стороне яма расширялась). На глубине 160 см выявлено парное захоронение. По определению Р.Г. Газимзянова, индивид 1 – мужчина 40–50 лет, индивид 2 – ребенок 5–7 лет.

Костяк взрослого человека находился в центре ямы, ниже поясничного отдела позвоночника был обрушен в обрыв. Погребенный лежал на спине, головой на северо-восток. Череп запрокинут влево. Кости правой руки отсутствуют, ключица смещена. Плечевая кость левой руки вытянута вдоль туловища. Слева от головы погребенного найдены позвонок и трубчатая кость животного. Слева от плечевой кости левой руки также располагались трубчатые кости крупного животного. В затылочной части головы были положе-

ны бронзовый нож, повернутый острием на юго-восток (рис. 45: 5), и костяная поделка (рис. 45: 2).

К юго-западу от скелета мужчины, у юго-восточной стенки могильной ямы, находились кости ребенка, расположенные в анатомическом порядке. Голова на востоке – северо-востоке. Погребенный лежал вытянуто на спине, руки положены вдоль туловища. Череп на затылке. В изголовье находилась косточка животного. В районе височных костей найдены бронзовые височные подвески с заходящими концами (рис. 45: 3–4). На шее – ожерелье из свернутых в трубочку листков бронзы (рис. 45: 6–8).

Погребение № 19 (рис. 46–49). Очередное разрушаемое захоронение обнаружено по выступающим из высокого берегового обрыва костям. Над погребением был заложен шурф размером 200×200 см (рис. 46). В засыпке могильной ямы на глубине 100 см встречена разломанная бронзовая очковидная подвеска (рис. 50: 1). На глубине 110 см выявлено разграбленное погребение (рис. 47).

Контурсы могильной ямы в переходном от чернозема к суглинку слое не прослеживаются. Судя по сохранившейся *in situ* плечевой кости правой руки и костям левой ноги, скелет взрослого человека лежал вытянуто на спине, головой на восток – юго-восток. Остальные кости потревожены грабителями. На многих костях сохранились следы охристой подсыпки.

Черепная крышка лежала в восточной части погребения на левом боку, лицевая часть развернута на запад. Рядом с черепом находилась костяная трубочка (рис. 50: 2), а под головой – подвеска из клыка медведя (рис. 50: 3). К западу от черепа лежала потревоженная нижняя челюсть человека со следами окиси бронзы. В восточной части захоронения и в районе плечевой кости левой руки обнаружены кремневые сколы. В восточной части захоронения

найжены семь створок раковины беззубки (рис. 50: 4).

Погребение № 20 (рис. 51–52). Захоронение было обнаружено по выступающим из берегового обрыва костям. Очертания могильной ямы в слое чернозема не прослеживаются. На глубине 86 см зафиксировано детское погребение. Верхняя часть скелета, включая череп, разрушена водохранилищем. Большие и малые берцовые кости смещены. Судя по непотревоженным костям, погребенный лежал вытянуто на спине, головой на запад.

Погребение № 21 (рис. 53–56). Погребение обнаружено по выступающим из берегового обрыва костям. Могильная яма в переходном от чернозема к суглинку слое слабо прослеживается в виде аморфного гумусированного пятна. На глубине 100 см обнажены костные человеческие останки, по всей видимости разграбленного погребения. Череп взрослого человека оказался перевернут. К западу от черепной коробки располагались смещенные кости (лопатка, трубчатые кости и ребра). К северу от человеческих костей располагались угольки и фрагменты дерева. После выборки фиксируемых костей, под ними, на глубине 110 см, также прослеживаются беспорядочно сложенные кости человека (лопатка, ребра, нижняя челюсть и позвонки) (рис. 55–56). Площадь разброса костей 50×20 см.

Погребение № 22 (рис. 57). Погребение обнаружено по выступающим из берегового обрыва костям.

Могильная яма подпрямоугольной формы размерами 195×170 см оконтурилась на фоне суглинка. На глубине 120 см находилось захоронение. Костяк взрослого человека лежал вытянуто на спине, головой на юго-восток. Череп и левая часть погребенного, обращенная в сторону обрыва, отсутствуют (разрушены обрывом). Правая рука вытянута вдоль туловища. Ступни ног слегка повернуты вправо. Сопровождающего материала не обнаружено.

ПОГРЕБАЛЬНЫЙ ОБРЯД

Могильник расположен на возвышенной части террасы (8–10 м над уровнем воды) и, вероятно, имел небольшие размеры. Всего за годы исследований на памятнике раскопами вскрыто 171 кв. м, изучено 22 погребения. Часть из обнаруженных погребений были сильно разрушены водами водохранилища (табл. I). Кроме того, на наших глазах в воду обрушилось еще около десятка могил.

Захоронения находятся довольно далеко друг от друга. Возможно, это отражает традиции курганного обряда, хотя следы самих насыпей и отсутствуют. В этой связи также отметим, что захоронения № 12, 19 и 21 оказались грабленными. Некоторые из погребений иногда расположены в одном ряду (рис. 11).

На месте могильника к р. Каме выходит массив чернозема, достигающий мощности 100–120 см (рис. 3–4). При раскопках в слое чернозема на глубине 30–55 см находились жертвенные комплексы, состоящие из костей ног лошади и коровы, отрубленных по коленный сгиб (2 комплекса), а также челюсти коровы и мелкого рогатого скота (3 комплекса) (рис. 9; 11).

Большинство исследованных могил располагались на глубине 100–120 см (табл. II). Детские погребения № 3, 20 зафиксированы на глубине 80–86 см, а богатые вещами погребения взрослых № 5, 12, 15–16, 18 расположены на глубине от 140 до 175 см. Поскольку

могильные ямы вырыты в слое чернозема или при переходе от чернозема к суглинку, их очертания зачастую не прослеживались. Размеры могильных ям определены у погребения № 22 (195×70 см), парного захоронения № 18 (230×120 см), погребения № 12 (250×60 см), погребения № 16 (195×68 см) и погребения № 15 (450 × свыше 180 см) (табл. II).

Захоронения проведены по обряду ингумации. Погребения № 2–3, 6, 10–11, 20 – детские, погребение № 18 парное, в нем находился мужчина 40–50 лет и ребенок 5–7 лет. Остальные захоронения принадлежали взрослым индивидам. Костяки во всех исследованных случаях лежали вытянуто на спине. Череп иногда оказывался запрокинутым на бок.

Костяки в погребениях № 4, 8–9, 12, 22 ориентированы на запад или северо-запад, в погребении № 10 на запад – юго-запад, в погребениях № 11, 13 – на северо-восток, в остальных на юго-восток или юг – юго-восток (табл. II).

Основные элементы погребального обряда (вытянутое положение костяков, их неустойчивая ориентировка, нахождение сравнительно небогатого, но специфического вещевого инвентаря, чаще всего в изголовье) позволяют сопоставлять могильник с небольшими маклашеевскими некрополями Закамья, расположенными на надпойменных террасах по левобережью рек Камы и Волги.

ВЕЩЕВЫЕ КОМПЛЕКСЫ

Сопровождающий материал находился во многих захоронениях и представлен бронзовыми, костяными и кремневыми изделиями.

В погребениях № 1–7, 13–14, 16, 18 у височных костей располагались бронзовые кольцевидные серьги. В погребении № 5 сохранились остатки бронзового налобного украшения. В этом же погребении в изголовье найдена лопатка мелкого рогатого скота и зафиксировано скопление угольков, а у левой плечевой кости выявлен комплекс вещей, со-

стоящий из бронзового ножа, костяного кочедыка и проколки из кости лошади.

В погребении № 10 слева от черепной коробки обнаружен комплекс костяных изделий и необработанная кость животного. Справа черепа находилась трубчатая косточка птицы. В погребении № 13 в изголовье были положены ребра, позвонки мелкого рогатого скота и бронзовое шило с костяной рукоятью. В погребении № 14 на шее индивида находились бронзовые пронизки, рядом с лучевой костью

правой руки – кость животного, в районе пояса – костяная поделка. У тазовых костей и справа от правой бедренной кости обнаружены кремневые сколы и изделие, справа от берцовых костей правой ноги – костяные игольники.

На бедренные кости погребенных в могилах № 9, 16 была положена уздечка, от которой сохранились костяные псалии. В захоронении № 16 как под погребённым, так и над ним фиксировались следы дерева. У головы находился фрагмент бронзового ножа и серьга. В нижней части грудины обнаружены бронзовые серьга, пронизка и бусина. У кисти левой руки была положена костяная поделка. Из погребения № 8 происходит бронзовая серповидная гривна. В обрыве под погребением № 15 найдены: каменная булава, бронзовые кинжал и копье. В самой могильной яме – костяная поделка.

В парном погребении № 18 у затылка мужчины были положены бронзовый нож и костяная поделка. Слева от головы погребенного находились крупные кости животных. С обеих сторон черепа ребенка находились бронзовые серьги, а на шее – ожерелье из бронзовых пронизок. В изголовье была положена косточка животного.

В разграбленном погребении № 19 в переотложенном состоянии обнаружены: бронзовая серьга, костяная трубица, зуб медведя, раковина беззубки и кремневый скол.

При осмотре памятника под обрывом берега был найден разбитый типично маклашеевский круглодонный сосуд (рис. 58: 5). По форме, технике орнаментации и построению орнаментальной композиции этот горшок стандартен для маклашеевских древностей. Высота сосуда 13 см, диаметр округлого тулова 11 см. Высокая (3 см) раструбообразная шейка четко отделена от тулова и украшена многорядным горизонтальным зигзагом из оттисков гребенчатого штампа и каплевидными насечками. Закрывает орнаментальную композицию горизонтальный ряд из сгруппированных по три ямок, нанесенных на месте перехода шейки в тулово. Небольшие размеры сосуда, четкость его изготовления могут говорить, что его специально подготовили для погребального обряда.

Изделия из бронзы представлены коротким (6,5 см) и широким (2,5 см) ножом с как бы сломанной тыльной частью рукояти (рис. 22: 1). По своим размерам он близок небольшим бронзовым ножам из раннеананьинских или переходных к раннеананьинским памятников низовий р. Камы (Беговатов, Марков, 1992, с. 67, рис. 3: 10). Характерны они и для маклашеевских комплексов (Халиков, 1980, с. 64, табл. 15). Другой нож, найденный в погребении № 18 (рис. 45: 5), также со сломанной рукояткой в тыльной части. Его длина составляла 9,5 см, ширина лезвийной части – до 2 см. Нож имел заостренную часть клинка.

Выделяется в коллекции весьма своеобразная плоская бронзовая серповидная гривна (рис. 22: 6). Длина нагрудного украшения 12,2 см, наибольшая ширина 2,5 см. В закругленных окончаниях проделано по одному округлому отверстию с каждой стороны. Аналогичное изделие, относимое к переходному от финальной бронзы к раннему железному веку времени, известно на Мурзихинском II могильнике (Беговатов, Марков, 1992, с. 67, рис. 3: 16).

Бронзовые бусы-пронизки из погребений № 14 и 18 (рис. 45: 6–8) не имеют твердой хронологической и культурной привязки.

Бронзовые круглые плоские бляхи с ушком (рис. 58: 2–3) собраны в обрыве береговой линии. На внутренней стороне одной из них сохранились следы от одежды. Ушко этой бляхи было обломано, пришивалась она с помощью двух пробитых круглых отверстий (рис. 58: 3). Аналогичные предметы являлись характерным налобным или нагрудным украшением костюма маклашеевского населения (Халиков, 1980, с. 65–66, табл. 17, 19). К этому комплексу относится и бронзовая очковидная подвеска (рис. 58: 4). Во многих маклашеевских могилах подобные височные подвески вместе с кольцевидными серьгами и выше отмеченными бляхами находятся вместе. В настоящее время только в западном Закамье известно около трех десятков очковидных подвесок из десятка могильников рубежа эпохи поздней бронзы и раннего железного века.

Бронзовые шилья, закрепленные в костяные рукояти (рис. 22: 3), не имеют твердой

хронологической и культурной привязки. Они широко встречаются в культурах эпохи поздней бронзы, второй половины II тыс. до н. э. Их находки обычны и в маклашеевских погребениях (Халиков, 1980, с. 63, табл. 13).

Характерными для маклашеевских памятников являются кольцевидные височные подвески с заходящими концами, изготовленные из узкой полоски бронзы. Диаметр представленных в могильнике изделий около 2 см (рис. 19: 1–2; 45: 3–4). Кроме того, в погребениях № 18 и 19 встречены фрагменты типично маклашеевских бронзовых очковидных сережек (рис. 50: 1).

Уникальным является комплекс изделий из погребения № 15 (рис. 32). В его состав входит костяная застёжка (рис. 32: 1); отшлифованное навершие диоритовой булавы высотой 4,5 см и диаметром 6 см (рис. 32: 4); кинжал из бронзы длиной 14 см при длине лезвийной части 10 см и ширине 2 см (рис. 32: 2); бронзовый втульчатый наконечник копья длиной 13 см (рис. 32: 3). Подобные копья с широкой и короткой втулкой имеются как в маклашеевских, так и ананьинских (постмаклашеевских) памятниках (Халиков, 1980, № 165, 207). Аналогия булаве известна в погребении № 23 Новомордовского I могильника. Несомненно, этот набор мог принадлежать только какому-то руководителю коллектива, оставившего некрополь.

Достаточно широко в некрополе представлены и изделия из кости.

С шитьем, ткачеством и плетением связаны проколки и кочедык. Все семь проколов из погребения № 10 имели длину 6–7 см (рис. 21: 4–7). В сечении они подтреугольные или овальные, один конец их заострен. Примерно такие же найдены в погребении № 5 (рис. 21: 1–3), кроме них здесь имеются проколки из грифельных костей лошади (рис. 21: 8–9). Близкие изделия встречаются как в маклашеевских (Халиков, 1980, с. 62, табл. 12), так и в раннеананьинских памятниках. Кочедык обнаружен в погребении № 5. Его длина составляет 18 см. Рабочий край отшлифован, в противоположном утолщенном окончании проделано округлое отверстие (рис. 21: 10).

Две поделки из трубчатых костей птиц находились в погребении № 14. Длина предметов 4 см, диаметр 0,8–0,9 см (рис. 22: 7). В этой же могиле встречена полуовальная поделка размером 2×1,5 см, выточенная из кости. Вдоль плоского конца изделия имеется вертикальный бортик, в котором проделано округлое отверстие (рис. 22: 8).

Высоким уровнем обработки отличаются псалии из погребения № 9. Один псалий в виде круга (дисковидный), диаметром 5 см, состоит из двух половинок (рис. 21: 2). Внешняя сторона их плоская, а на внутренней имеются выступы, в которых просверлены по два круглых отверстия. Прототипы дисковидных костяных псалий в Урало-Поволжье известны еще с эпохи развитой бронзы (Горбунов, 1992, с. 136–137). Однако представленные изделия достаточно своеобразны и, видимо, являются поздним вариантом данной группы предметов конского снаряжения.

Второй псалий – стержневой трехдырчатый с разновеликими отверстиями (крупное овальное в центре и маленькие на окончаниях стержня). Длина псалия 10, 2 см (рис. 21: 11). Центральная часть утолщена, концы оформлены округлыми шляпками. Датируются трехдырчатые стержневые псалии финалом бронзового века (Чижевский, Лыганов, Кузьминых, 2021, с. 636).

Еще два трехдырчатых стержневых псалия с отверстиями различной величины, сопровождаемые двумя костяными кольцами, обнаружены в погребении № 16 (рис. 42: 1–3). Длина псалий 13 см. Кольца округлые, диаметром 4 см, внутренний канал широкий, диаметром около 2 см (рис. 42: 2–3). Стержневые псалии описанного типа являются обычной находкой в маклашеевских погребениях (Халиков, 1980, с. 65, табл. 17). Возможная датировка данных изделий – XII–X вв. до н. э. (Чижевский, Лыганов, Кузьминых, 2021, с. 636).

Предметы из кремня обнаружены в погребениях № 14 и 19 (рис. 21: 13). Кремневые изделия встречаются в погребальных комплексах некрополей маклашеевского круга (Халиков, 1980, с. 63, табл. 13).

ХРОНОЛОГИЯ МОГИЛЬНИКА

Рассмотренный погребальный обряд и вещевой материал позволяют сделать предположение, что могильник Девичий городок IV относится к кругу маклашеевских памятников, выделенных А.Х. Халиковым как отдельный этап приказанской культуры. Об этом свидетельствуют основные элементы погребальной обрядности, специфический набор орудий, особенно костяных, а также характерные детали костюма (височные подвески в виде кольца, бронзовые бусы-пронизки, наличие налобного украшения на головном уборе). В то же время материал отражает явную хронологическую близость к раннеананьинским древностям. Например, в материале раннеананьинского Измерского VII могильника, расположенного в 3 км к востоку от могильника Девичий городок IV, имеются близкие стреловидные псалии. В ананьинское время сохраняется обычай укладывать комплекс вещей в могилах «грудкой».

Привлекает внимание и факт устройства маклашеевских и раннеананьинских могильников на одной территории, что отмечал еще В.Н. Марков (Марков, 2007, с. 59). Фактически такая картина наблюдается и в рассматриваемом регионе приустьевого Закамья. На протяжении 300 м по краю террасы изучено три некрополя: классический маклашеевский Измерский XVI и по обеим сторонам рядом с ним – ананьинские Измерский VII и XVII могильники. В одном из захоронений Измерского VII могильника встречен обломок бронзовой очковидной подвески маклашеевской культуры. Во Втором Полянском могильнике в ряду ананьинских погребений была захоронена женщина с классическими маклашеевскими украшениями (Халикова, 1967, с. 120, рис. 3).

Таким образом, возможно предполагать преемственность культуры маклашеевского и раннеананьинского населения во всем Волго-Камском регионе. Имеется целая группа могильников переходного этапа (Полянский II и др.), в которых встречены вещи, характерные как для носителей раннеананьинских,

так и маклашеевских культурных традиций: стреловидные псалии, проколки из грифельных костей лошади (шиловидной формы), небольшие бронзовые ножи, очковидные височные подвески, кремневые наконечники стрел и т. д. Не стоит забывать и об устройстве самих погребений.

Судя по данным А.Х. Халикова и других исследователей, в западном Закамье, по левобережью рек Камы и Волги, маклашеевские памятники локализуются группами, в которые входят могильники и стоянки. Располагаются кусты памятников в приустьевой части небольших рек. Например, в низовьях р. Утки находятся Маклашеевский III и Полянский II могильники; у с. Новомордово – Новомордовские V, VIII, IX могильники и Новомордовское VI селище; в низовьях р. Ахтай – стоянка «Курган». Все памятники занимают края надпойменных террас, что свидетельствует о том, что хозяйство маклашеевского населения базировалось на использовании биоресурсов Волго-Камской поймы, впрочем, как и у раннеананьинских обитателей этих мест.

Небольшие родовые коллективы проживали у подножья террас, а на самих террасах находились их могильники. Самые большие некрополи насчитывали всего 30 (Полянский II) – 50 (Новомордовский V) погребений. Около 30 могил было и на могильнике Девичий городок IV.

Необходимо отметить, что в культурах Закамья практически всегда отражались эпохальные изменения, происходившие среди населения обширных районов Евразии. В закамских памятниках четко представлены: срубно-алакульский пласт; черкаскульский, федоровский, «такталачук», «балым», сусканский, межовский и другие этапы андроновидных культур; ананьинская эпоха.

Маклашеевские вещевые комплексы и обряд существенно отличаются от «атабаевских» древностей, близких к «межовско-сусканским». Пришлый характер маклашеевского населения подтверждается тем, что

их могильники с небольшими курганными насыпями возникали на месте курганных могильников эпохи бронзы значительно более раннего времени.

Само по себе движение народов с востока, находивших приют в Урало-Поволжье, было обычным в древней истории. Например, комплексы балымско-карташихинского этапа приказанской культуры, особенно керамические, являются калькой лесостепного андрона Сибири и Урала («лесного андрона» по В.К. Сальникову) или черкаскульской культуры (Казаков, 1979, с. 145–160).

Проблемы появления маклашеевской культуры отражают глобальные изменения на широком пространстве Евразии. Сейчас можно гадать, чем они вызваны, но привело это к грандиозным перемещениям этнических групп не с плоскодонной горшковидной андронидной, а с круглодонной посудой. По смене плоскодонной керамики круглодонной было очевидно, что она привнесена новым населением (ибо чаще всего в истории круглодонную посуду, наоборот, сменяет плоскодонная).

А.Х. Халиков, жизнь которого была во многом связана с изучением примечательной приказанской культуры, полагал, что «маклашеевка» является заключительным этапом ее развития. Учитывая, что она завоевала «свою новую Родину» и вступила в тесные связи с местным населением (с сетчатой керамикой и др.), может быть, это было не совсем уж неверным. Пути перемещения населения маклашеевской культуры находят и в ирменских (Сибирь, Южный Урал), и курмантауских (Приуралье) комплексах (Марков, 2001, с. 81–82).

Относительно истоков маклашеевских древностей можно указать, что в орнаментации керамики прослеживается явное влияние поздних андронидных культур, которые, как правило, имеют восточное происхождение. По форме горловины (бочкообразность), ор-

наменту (ямки, пояски резных косо поставленных оттисков, кресты, пояски заштрихованных зигзагообразных лент и т. д.) посуда некоторых локальных маклашеевских групп находит параллели в памятниках поздней бронзы лесного Прииртышья (Косарев, 1987, с. 392, рис. 113: 1–7).

По вопросам хронологии рассматриваемой культуры имеются разные точки зрения. А.Х. Халиков относил заключительный этап приказанской культуры (маклашеевский) к первой четверти I тыс. до н. э. (Халиков, 1969, с. 289). Исследователь полагал, что изделия маклашеевского круга непосредственно предшествуют раннеананьинским (Халиков, 1980, с. 49–50). В докладе на IV Уральском археологическом совещании в г. Перми он определил рамки существования этого этапа XI–X вв. до н. э. (Халиков, 1967, с. 23).

А.А. Чижевский, скрупулезно проанализировав вещи рубежа эпохи бронзы и раннего железа, сначала датировал маклашеевский комплекс XI – первой половиной VIII вв. до н. э. (Чижевский, 1999, с. 89–92; Чижевский, 2001, с. 30–36). Впоследствии он посвятил целую главу погребальным памятникам маклашеевской культуры XI – первой половины IX вв. до н. э. (Чижевский, 2008, с. 12–23). В настоящее время А.А. Чижевский выделяет поздний (маклашеевский) этап маклашеевской культуры и датирует его XII–X вв. до н. э. (Чижевский, Лыганов, Кузьминых, 2021, с. 631–636).

Хронология непосредственно связана с выявлением происхождения и истоков конкретной общности. Широкое распространение и длительное существование той или иной группы лепной керамики позволяет выявлять движение и оседание массивов народов на протяжении столетий (Казаков, 1994, с. 60–62). Своеобразие культуры маклашеевского круга, как отмечалось выше, позволяет искать их истоки на востоке, в древностях Западной Сибири.

ВЫВОДЫ

Таким образом, могильник Девичий городок IV представляет собой весьма своеобразный некрополь маклашеевской культуры, который располагался на возвышении коренной террасы, господствующей над обширной долиной левобережья р. Камы с богатейшими биоресурсами. Общеизвестно, что население этой культуры для данного региона является пришлым. Это были скотоводы с непрочной оседлостью. В состав стада входили лошади, крупный и мелкий рогатый скот. Например, лошадь, корова, овца были принесены в жертву при похоронах «вождя», еще одна лошадь была забита во время поминального обряда. Кости животных сопровождали и другие захоронения могильника.

Население также занималось охотой и рыбной ловлей. В погребениях № 12 и 19 встречены створки раковин беззубок, причем на одном экземпляре просверлены круглые отверстия, что могло свидетельствовать об использовании его в качестве амулета. Из костей птиц изготавливались цилиндрические изделия, так называемые «игольники». Об охоте свидетельствует зуб медведя, найденный в погребении № 19.

На производственную деятельность указывают изделия из бронзы: ножи, шилья, разнообразные украшения, предметы вооружения – кинжалы, наконечники копий.

Высокое мастерство прослеживается в обработке кости. Из костей животных, прежде всего лошади, изготавливались шиловидные поделки, проколки, кочедыки. В погребениях № 9 и 16 найдены искусно сделанные детали уздечного набора: псалии и кольца.

Обобщая данные об одежде и украшениях населения, оставившего могильник Девичий городок IV, можно отметить, что на некоторых изделиях из бронзы сохранялись остатки ткани.

Обувь, скорее всего, представлялась онучами, то есть завернутыми на ногах кусками ткани или кожи, перетянутыми ремнями, что известно по данным античных народов и ски-

фов. Однако необходимая жесткая подошва обуви могла быть в виде лаптей. В то же время в захоронении вождя в погребении № 15 у ступней выявлено известняковое пятно, что может быть остатками дубленой кожи. В могиле также находился костяной стрежень с захватом – возможно, застежка (рис. 32: 1).

Реконструкция женского костюма (рис. 59) уже была опубликована ранее (Файзуллина, 2002, с. 87). Параллельно с этим имеются материалы, которые свидетельствуют, что круглые бронзовые накладки симметрично покрывали весь нагрудник маклашеевской женщины (погребение № 3 Полянского II могильника).

Несомненный интерес представляет сравнение материала памятника с Измерским XVI могильником. Дело в том, что оба могильника находятся на одной и той же территории (в 3 км друг от друга), относятся к маклашеевской культуре, содержат те же характерные предметы конского снаряжения, но имеют и отличия. К примеру, в захоронении наездника № 1 из Измерского XVI могильника в составе уздечки находились отшлифованные изделия из кости, полулунной формы, с двумя отверстиями, диаметром 0,5–0,6 см (рис. 62: 1–3). В целом предметы напоминают клык животного с острыми концами. Аналогичные изделия имеются в коллекции музея Казанского федерального университета (Чижевский и др., 2019, рис. 1: 1).

По мнению некоторых исследователей (Чижевский, 2019, с. 85), данные предметы являлись распределителями ремней. Не исключено, что они отражают один из древних способов управления конем. После того, как в IV тысячелетии до н. э. произошла domestика лошади, люди получили мощное средство передвижения, которое было заменено только в век машин.

Лошадь – сильное и свободолюбивое животное, и человечество столетиями стремилось воспользоваться его возможностями. До нашего времени придумываются способы ис-

пользования ее в качестве тяглового животного. Изобретены десятки типов седел, стремян, шпор, кнутов, чтобы заставить коня работать в качестве верхового животного.

Трудным делом было заставить повернуть коня в ту или иную сторону. Даже сильный мужчина не мог это сделать без желания самого животного. И тогда придумали метод физического воздействия на самую нижнюю часть его головы – губы. В эпоху бронзы с обеих сторон головы к уздечке прикреплялись диски из толстой кости с высеченными в них острыми шипами. В эпоху железа появились бронзовые, потом железные грызла, которые вставлялись в пасть лошади.

В рассматриваемом же случае, возможно, использовались своеобразные колючие «ёршики», которые в уздечке на 10 см спускались к морде лошади, то есть к губам, от линии псалий, фиксирующих узду. Следы клея в отверстиях данных изделий свидетельствуют, что, возможно, в них дополнительно вставляли стержни с острыми концами.

Особый интерес вызывает массовое захоронение № 4 Измерского XVII могильника. На некрополе изучено четыре погребения, не считая тех, что могли быть обрушены в во-

дохранилище. Погребение № 4 содержит костяки четырех взрослых мужчин, погибших в ожесточенной схватке (рис. 64–65). Еще в отчете 2009 г. отмечалось, что черепа погребенных пробиты ударным оружием (Казakov, 2009, с. 26, рис. 15). Такими металлическими изделиями, как замечалось в специальной статье, могли быть топоры, чеканы, кинжалы (Газимзянов, Кирягин, 2018, с. 291). На черепах отмечено от одного до семи ударов такими предметами, что говорит о характере сражения между двумя отрядами. Все четверо мужчин были захоронены, с соблюдением обряда и принесением поминальной пищи, в одной могиле на маклашеевском некрополе, функционирующем еще до указанного драматического события. По-видимому, головы мужчин были отрублены, но в период захоронения мышечные ткани еще сохранялись, судя по расположению нижних челюстей в могилах.

Определенный интерес представляет тот факт, что в ананьинском Измерском VII могильнике, располагавшемся всего в 200 м к востоку от Измерского XVI, также имеется коллективное захоронение, в котором находилось шесть костяков. О данном могильнике речь пойдет ниже.

ГЛАВА 2. ИЗМЕРСКИЙ VII МОГИЛЬНИК

Как уже отмечалось, Измерский VII могильник входит в число трех некрополей, расположенных в 2 км к северо-западу от с. Измери, на обрывистой, разрушаемой Куйбышевским водохранилищем надпойменной террасе левого берега р. Камы. Высота террасы достигает 10 м. К северо-востоку от могильника расположена округлая в плане западина диаметром 100 м, по всей вероятности карстового происхождения. Наибольшая ее глубина по центру достигает 150 см (рис. 66). Возможно, в древности это было небольшое озеро. Место могильника ранее распахивалось. Прибрежная часть памятника на момент исследований представляла собой высокую отвесную стену (рис. 67). Во время шторма под ее основание прибывают волны, которые продолжают разрушать террасу (рис. 68). По могильнику проходила полевая дорога, сейчас заросшая сорными травами (рис. 69).

Измерский VII некрополь ананьинской культуры открыт в 1985 г. Он расположен в 150 м к востоку от Измерского XVI могильни-

ка. В свою очередь, Измерский XVI могильник маклашеевской культуры находится всего в 150 м от другого (Измерского XVII) могильника ананьинской культуры. Материалы двух последних некрополей были опубликованы (Казаков, Лыганов, 2014, с. 43–57; Казаков, 2017, с. 80–88). Результаты работ на Измерском VII могильнике (раскопы I–IV) также изданы (Казаков, 1994, с. 104–182). В данной главе представлены сведения о раскопках памятника начиная с 1995 г.

Мониторинг технического состояния могильника проводился ежегодно, однако в 1991–1994 гг. новых захоронений не фиксировалось, несмотря на то, что береговая линия в этом месте каждый сезон обрушивалась в водохранилище на расстояние 3–4 м. Возможно, между захоронениями изученных раскопов I–IV и новыми могилами существовало какое-то свободное пространство шириной 12–15 м. Вряд ли стоит говорить о существовании двух некрополей. Судя по материалу, погребения тесно связаны друг с другом, хотя принадлежность их к разным родам не исключена.

ОПИСАНИЕ РАСКОПОВ

При осмотре берега в июле 1995 г. в обрыве вновь был отмечен целый ряд разрушаемых захоронений. Высота террасы в этом месте достигает 8–10 см. Стратиграфия, прослеженная в обрыве, следующая: дерн – 10 см, чернозем – до 140 см. Ниже идет слой, переходный к материковому суглинку, и глинистые отложения, из которых состоит терраса.

Остатки захоронений в виде выступающих человеческих костей выявлены на протяжении 18 м обрыва в трех пунктах. Располагались они в нижней части слоя чернозема. На откосе под обрывом также собраны: известняковая стела (рис. 70), фрагмент керамики (рис. 71: 1), железный нож (рис. 71: 2), костяной псалий (рис. 71: 3) и декоративный молот (рис. 71: 4).

Раскоп V (рис. 72). В целях исследования сохранившейся части могильника был заложен новый раскоп V. Он охватывал всю площадь, где располагались выявленные в обрыве погребения. Раскоп состоял из вытянутых вдоль обрыва по направлению юго-запад – северо-восток квадратных участков со стороны 3 м каждый, обозначенных как линия А (рис. 72). С юго-запада на северо-восток участки обозначались арабскими цифрами. Между участками оставлялись бровки шириной 40 см. Вскрытие велось пластами по 20 см. Методика работ единая для всех последующих раскопов.

При выборке слоя чернозема в раскопе обнаружены находки. В южном углу участка А/2 на глубине 20 см найден зуб лошади. В центре этого же участка на глубине 80 см расчищена тазовая кость крупного рогатого скота (определение сделано А.Г. Петренко). На этой же глубине в западной части участка А/3 встречены разбросанные зубы лошади, а в юго-восточной части этого же участка на глубине 100 см зафиксировано скопление зубов лошади. Судя по их расположению, здесь могли быть положены череп или несколько челюстей лошади.

Раскопом V изучено три погребения № 21–23.

Раскоп VI (рис. 73–74, 78). В 2001 г. при осмотре берегового обрыва снова замечены два выступающих человеческих черепа. Стратиграфия по обрыву: дерн – 10 см, чернозем – до 120 см, ниже идет материковый суглинок. На отмели, которая образовалась в результате спада воды, зафиксированы обломки стел из известнякового камня.

На месте разрушаемых погребений был заложен раскоп VI. Поверхность на его месте утрамбована проходившей здесь прибрежной дорогой. Площадь раскопа была разбита на квадратные участки со стороной 3 м каждая. По направлению северо-запад – юго-восток линии участков обозначены заглавными буквами русского алфавита, в направлении юго-запад – северо-восток – арабскими цифрами (рис. 73). Стратиграфия на участках

раскопа аналогична отмеченной в обрыве (рис. 74).

На разных глубинах раскопа встречались находки.

В уплотненном дорогой черноземе в северной части участка Б/1 на глубине 20 см найдены три фрагмента лепной керамики.

В слое чернозема на глубине 40 см в восточном углу участка А/1 обнаружен обломок верхней части лепного сосуда (рис. 109: 10). В северном углу участка Б/1 на глубине 30 см встречены обломки трубчатых костей человека и фрагмент лепной керамики. В центральной части этого же участка на глубине 40 см найдены обломок керамики и кусок обожженной глиняной обмазки.

В центральной части участка Б/1 на глубине 50 см обнаружено два обломка лепной керамики. В центральной и юго-западных частях участка Б/2 на глубине 50–60 см зафиксированы фрагменты обожженной глиняной обмазки, амулет из астрагала барана (рис. 109: 5), бабка коровы, обломок бронзовой цилиндрической пронизки, бронзовая серьга (рис. 109: 1) и бронзовый кинжал (рис. 110). Последний был ориентирован острием на запад. В восточном углу участка Б/3 на глубине 50 см находился развал лепного сосуда.

В юго-восточной части участка А/4 на глубине 70 см найдены два обломка трубчатых костей человека и амулет из сустава ноги козули (определение А.Г. Петренко) (рис. 109: 4). В восточном углу участка А/1 на глубине 90 см расчищен фрагмент детского черепа.

При раскопках выявлены погребения № 24–31.

Раскоп VII (рис. 75–78). В 2003 г. в береговом обрыве выявлено новое погребение, разрушенное в этот же год современными грабителями. На этом месте был заложен раскоп VII, состоящий из двух квадратных участков со стороной 3 м каждый.

Площадь раскопа составила 9 кв. м. Линия участков А-Б/1 вытянута вдоль берега в направлении юго-запад – северо-восток (рис. 75). Стратиграфия на участках идентична зафиксированной в обрыве берега: дерн –

10 см, чернозем – до 110 см, ниже – материковый суглинок.

Раскопом VII изучено четыре погребения: № 32–35.

При осмотре памятника в 2004 г. отмечены новые разрушения его прибрежной части. Выступающие в обрыве человеческие кости фиксировались к западу от раскопа VI и к востоку от раскопа VII. Здесь были заложены два небольших раскопа – VIII и IX.

Раскоп VIII (рис. 78, 134–135). Раскоп сделан в примыкание к раскопу VI и состоял из двух участков со сторонами 3 м, вытянутых вдоль берегового обрыва по линии юго-запад – северо-восток. Поверхность на месте раскопа ровная, задернованная. Стратиграфия аналогична зафиксированной при предыдущих исследованиях памятника: дерн – 10 см, чернозем – 100 см, ниже – материковый суглинок.

Раскопом VIII изучено два погребения: № 36–37. Вне могил, в южном углу участка 2, на глубине 60 см обнаружен обломок челюсти лошади.

Раскоп IX (рис. 79–82). Раскоп был заложен в примыкание к раскопу VII, над выступающими в обрыве костями. Он состоял из одного квадратного участка (уч. А/1) со сторонами 3 м. При прокопке на глубине 40 см в восточном углу участка найден крупный кремневый скол. В северном углу раскопа на глубине 45 см встречено скопление обожженной глины размерами 15×15 см, а около него на глубине 50 см – фрагмент лепной керамики.

В западной части участка раскопа выявлены остатки сооружения.

Объект № 1 (рис. 81–82) проявился на глубине 45 см. Остатки сооружения, занимающего площадь 150×50 см, представлены кусками обожженной глины и глиняной обмазки. Объект вытянут по линии северо-запад – юго-восток. Вероятно, это могли быть остатки от «домика мертвых», сооружаемого над погребениями. Аналогичный комплекс был изучен в раскопе VI.

Раскопом IX также изучено два погребения: № 38–39.

Раскоп X (рис. 83–92).

Летом 2005 г. в береговом обрыве обнаружены новые разрушаемые захоронения. Кроме того, на площади некрополя отмечено три свежих грабительских вкопа (рис. 83), расположенных над погребениями (рис. 84). В целях исследования остатков погребений к востоку от раскопа IX был заложен раскоп X. Площадь раскопа, ранее бывшая под пашней, располагалась на проходившей здесь ранее прибрежной грунтовой дороге, которая в связи с разрушением берега ежегодно переносится вглубь террасы. Поверхность на месте исследований ровная, задернованная, слегка понижающаяся к востоку (рис. 83). Раскоп разбит на квадратные участки со сторонами 3 м. В направлении с юго-запада на северо-восток линии участков обозначены арабскими цифрами, в направлении северо-запад – юго-восток – заглавными буквами русского алфавита (рис. 83–84).

Стратиграфия выглядит следующим образом: дерн – 10 см, ниже чернозем до глубины 110 см, подстилаемый материковым суглинком (рис. 85). Контуры могильных ям как в черноземе, так и в суглинке, не прослеживаются.

Раскопом вскрыто 60 кв. м, выявлены погребения № 40–46. При прокопке чернозема у юго-восточной стенки участка А/3 на глубине 40 см найдены два обломка трубчатой кости, а в северо-западном углу участка Б/2 на глубине 50 см зафиксированы кусочки пережженной глины, раскиданные на площади 120×50 см.

Жертвенная площадка (рис. 87–92).

На участке Б/2 раскопа X в слое чернозема на глубине 60 см зафиксирована выступающая из юго-восточной стенки часть известняковой стелы. В данном месте к раскопу была сделана прирезка (уч. Б/2–3) и изучена жертвенная площадка размерами 240×80 см, вытянутая по линии юго-запад – северо-восток. В юго-западной части комплекса находилась известняковая стела высотой 53 см, шириной 16–23 см (рис. 87). Судя по тому, что нижняя, наиболее узкая ее часть находилась на глубине 60 см, а верхняя, расширенная (толщиной 20 см) – на глубине 20 см с отклонением к востоку от вертикальной оси на 30 см, стела

была наклонена. В северо-восточной части площадки на глубине 60 см располагалась вторая стела, также изготовленная из известнякового камня. Она лежала плашмя по линии север-юг. Длина стелы 35 см, ширина в северной части 10 см, в южной – 14 см. Расстояние между стелами составляло 150 см. С западной стороны от стелы № 2 на глубине 40–60 см зафиксировано скопление известняковых плиток и фрагменты керамики. Между стелами находились уложенные вместе две челюсти лошади на правом и левом боку, резцами на юг.

Раскоп XI (рис. 93–98). Раскоп был вытянут вдоль берега, разрушаемого водохранилищем, по линии юго-запад – северо-восток и состоял из трех квадратных участков со сторонами 3 м каждый (рис. 93). Поверхность раскопа ровная, заросшая полынью и другими сорными травами. Стратиграфия: дерн – 10 см, черно-

зем – до 110 см, ниже материковый суглинок (рис. 94).

Находки в раскопе малочисленны, что, вероятно, связано с тем, что в восточном направлении могильник заканчивается.

На участке Б/1 на глубине 60–65 см встречены две обломанные косточки животных, а на глубине 90 см зафиксированы *in situ* кости ног лошади – комплекс 2 (рис. 96, 98).

На участке Б/2 на глубине 60 см зафиксирована округлая площадка диаметром 25 см со скоплением тонких известняковых пластин – комплекс 1 (рис. 95, 97).

Комплексы 1 и 2, несомненно, связаны с погребениями ананьинской культуры. В частности, в раскопе X рядом с надмогильными известняковыми стелами малого размера были встречены скопления явно культовых тонких известняковых пластин, таких же, как в комплексе 1 раскопа XI.

ОПИСАНИЕ ПОГРЕБЕНИЙ

Погребение № 21 (рис. 99). Слабые очертания могильной ямы шириной 105 см и сохранившейся длиной около 130 см выявлены на участке А/6 в переходном от чернозема к суглинку слое на глубине 140 см. Значительная часть ямы оказалась разрушенной. Ориентирована могила по линии северо-запад – юго-восток. При прокопке на глубине 120 см встречено два зуба лошади.

Погребение содержало остатки нескольких костяков.

В сохранившейся северо-восточной части могилы фиксировались беспорядочно расположенные трубчатые и тазовые кости, позвонки и ребра взрослого человека. Над костями, у северной продольной стенки могильной ямы, был размещен бронзовый кельт ананьинских типов с линзовидной втулкой (рис. 103: 3), в котором сохранились остатки деревянной рукояти.

Под хаотично раскиданными костями, в центральной части могильной ямы, на глубине 190 см находился костяк взрослого чело-

века в анатомическом порядке. Погребенный лежал вытянуто на спине, головой на юго-восток, руки положены вдоль туловища. Череп был положен на левый бок, нижняя челюсть отсутствовала. Тазовые кости и кости ног разрушены обрывом. К юго-востоку от головы погребенного находился еще один череп взрослого человека, развернутый лицевой частью вверх.

Вдоль южной продольной стенки погребальной ямы зафиксированы фрагменты черепа, кость ноги и обломок тазовой кости еще одного индивида. Судя по сохранившимся костям, погребенный лежал вытянуто на спине, головой на юго-восток. Слева от черепа острием на восток было положено железное копьё (рис. 103: 4), а слева от остатков тазовых костей находился лепной круглодонный сосуд, положенный вверх дном (рис. 103: 8).

Погребение № 22 (рис. 100). Погребение выявлено на участке А/4–5. Очертания могильной ямы в слое чернозема не прослеживаются. На глубине 110 см зафиксировано

частично разрушенное водохранилищем коллективное погребение, занимавшее площадку размерами 170×100 см, вытянутую по линии северо-запад – юго-восток.

В юго-западной части вытянуто на спине, головой на юго-восток был положен костяк взрослого индивида. Череп смещен и лежал на затылке, нижняя челюсть отсутствует. Также не имеется плечевой кости правой руки и ребер с правой стороны, лучевой и локтевой костей левой руки и костей правой ноги. Левая нога слегка согнута в колене. С правой стороны от тазовых костей находились кости птицы, а на месте соединения бедренной и берцовых костей правой ноги располагалась левая плечевая кость лошади (определение А.Г. Петренко). Рядом с ней, черепной крышкой вниз и лицевой частью развернутый на юго-восток, находился череп взрослого человека. Нижняя челюсть отсутствовала.

В северо-восточной части захоронения размещался костяк подростка. Погребенный лежал вытянуто на спине, головой на юго-восток. Череп его обращен лицевой частью вверх. Локтевые и лучевые кости рук, кости таза, правой ноги и берцовые кости левой ноги отсутствуют.

В ногах данного индивида находился сильно потревоженный костяк ребенка. *In situ* сохранились грудные кости, ориентированные по линии север-юг и две трубчатые кости ног, направленные с северо-запада на юго-восток. Также от него остался руинированный череп, смещенные кости таза и некоторые трубчатые кости.

Погребение № 23 (рис. 101; 102; 103: 1, 2, 5–7). Погребение выявлено на участке А/1. Очертания могильной ямы в слое чернозема не прослеживаются. На глубине 110 см, на площадке размерами 100×100 см зафиксировано частично разрушенное водохранилищем погребение. Скелет взрослого человека находился у самого обрыва, в северо-западной части погребения. *In situ* сохранился только позвоночный столб и руинированный череп, судя по которым погребенный был ориентирован головой на юго-запад. На месте тазо-

вых костей размещались сломанные трубчатые кости и обломки костей таза. Справа от позвоночника располагалась смещенная плечевая кость, рядом с которой найдена подвеска из клыка хищника (рис. 103: 1) и лепной круглодонный сосуд (рис. 103: 6). Внутри большого сосуда находился другой, меньший по диаметру, лепной круглодонный сосудик (рис. 103: 7).

К востоку от данного индивида обнаружены: разбитый череп, обломки трубчатых костей, позвонки, разломанные тазовые кости ребенка, который также мог быть ориентирован головой на юго-запад. В изголовье вверх дном помещен лепной круглодонный сосуд (рис. 103: 5).

К юго-востоку от детского черепа находился череп взрослого человека, лежащий на левом боку, лицевой частью повернутый на юг. К юго-западу от черепа найдена костяная поделка (рис. 103: 2).

После выборки костей на глубине 120 см показали новые костные останки (рис. 102). Непосредственно под черепом ребенка выявлены лежащие *in situ* кости груди и плечевые кости взрослого человека. Судя по их расположению, погребенный лежал на спине, головой, предположительно, на северо-запад. Слева от левой плечевой кости была положена правая плечевая кость лошади. К югу и северу от анатомически сохранившихся частей скелета находились раскиданные кости таза, позвонки, ребра и нижняя челюсть человека.

После разбора костных останков, у самого обрыва, на глубине 140 см, снова выявлены обломки бедренной кости и фрагмент черепной крышки человека.

Погребение № 24 (рис. 104–108). Захоронение было выявлено в обрыве по выступающим из слоя чернозема человеческим черепам (рис. 104). Очертания могильной ямы в слое чернозема не прослеживаются. На глубине 60 см зафиксировано коллективное захоронение. Шесть индивидов лежали на спине, головой на ССЗ, в одном ряду, ориентированном по линии ССВ – ЮЮЗ. Площадка, занятая погребенными, достигала размеров 300×180 см.

В направлении с ЮЮЗ на ССВ костяки были обозначены порядковыми номерами № 1–6.

Череп индивида № 1 слегка повернут на левый бок, правая рука вытянута вдоль туловища, локтевая и лучевая кости левой руки, малая берцовая кость левой ноги и ребра смещены. Берцовые кости правой ноги отсутствуют. С внешней стороны от правой бедренной кости на глубине 50 см находилась костяная проколка (рис. 109: 8). В двух местах, к юго-востоку от костяка, на глубине 50 см фиксировались пятна обожженной глины.

Индивид № 2 лежал вытянуто на спине, руки положены вдоль туловища. Череп слегка повернут на правый бок. Берцовые кости немного смещены. В районе шеи находилась низка из плохо сохранившихся цилиндрических бронзовых пронизок. На левой стороне груди зафиксировано смещенное ребро человека и фрагмент обожженной глиняной обмазки. Аналогичный обломок обмазки находился у головки бедренной кости правой ноги. Справа от берцовой кости правой ноги положена кость ноги лошади.

У индивида № 3 череп и верхняя часть грудины оказались смещенными вправо. Череп лежал на затылке. Руки раскинуты в стороны, справа от черепа лежали ребра человека, возможно от индивида № 2. На левой стороне груди находилась бронзовая обоймица (рис. 109: 2).

Череп индивида № 4 лежал на левом боку, левая рука находилась вдоль скелета, правая согнута и положена на тазовые кости.

Череп индивида № 5 также повернут на левый бок. У коленного сустава на глубине 50 см располагалась бабка лошади. Слева от берцовых костей левой ноги была положена проколка из метакарпальной кости лошади (рис. 109: 7).

Плохо сохранившийся костяк индивида № 6 принадлежал подростку. Кости грудины, локтевая и лучевая кости левой руки и кости левой ноги отсутствуют. Слева от плечевой кости левой руки находилась бабка лошади.

Погребение № 25 (рис. 111–113). Очертания овальной в плане ямы длиной 295 см прояви-

лись на участке А-Б/1-2 после выборки погребения № 26 и фиксировались в переходном от чернозема к суглинку слое на глубине 120 см. Могильная яма вытягивается по направлению юго-восток – северо-запад.

В северо-западной части погребения зафиксирована яма шириной 120–170 см. На глубине 110 см, над центральной ее частью, находились фрагменты деревянной плахи, лежащей поперек могилы. На глубине 130 см отмечено зольное пятно. На этой же глубине, за пределами ямы, оконтурилось пятно размерами 20×16 см, возможно от столба.

На глубине 135 см зафиксированы костные останки. В суженной юго-восточной части могилы в анатомическом порядке сохранились кости ног и таза трех индивидов (в центре взрослый, а по бокам от него два подростка). Судя по всему, погребенные лежали вытянуто на спине, головой на северо-запад.

Коллективное погребение было нарушено кострищем, которое фиксировалось в расширенной северо-западной части могилы. Кострище сооружено в округлой яме диаметром 120 см. Глубина сооружения, заполненного золой, составляла 10 см. При его устройстве часть костных останков погребенных была вынута из могилы. В юго-западной части объекта обнаружены две проколки и нижняя челюсть лошади (зубы отсутствовали, жевательная часть обработана срезами).

Погребение № 26 (рис. 114). Могильная яма в слое чернозема не прослеживается. На глубине 65 см на участке Б/2 зафиксировано коллективное захоронение, состоящее из трех индивидов. Костные останки плохой сохранности. Вероятно, ребенок и подросток лежали вытянуто на спине, головой на северо-запад. В изголовье, в ногах и у лучевой кости правой руки ребенка были положены кости ноги лошади, а на правой стороне таза располагался кусок обожженной глиняной обмазки. Справа от ног подростка, занимавшего центральную часть захоронения, находилась кость ноги лошади и мелкие фрагменты обожженной глиняной обмазки.

От третьего костяка, находящегося в ЮЗ части погребения, *in situ* сохранились толь-

ко берцовые кости ног. Судя по ним, погребенный также был ориентирован головой на северо-запад. В ногах была положена каменная поделка (рис. 109: 9). В западной части погребения имелись скопления кусочков обожженной глиняной обмазки и пережженных костей взрослого человека. Среди них найден обожженный амулет из клыка медведя (рис. 109: 3) и костяной трехгранный наконечник стрелы (рис. 109: 6).

Погребение № 27 (рис. 115–116). Погребение выявлено на участке Б/4–5. Очертания могильной ямы в слое чернозема не прослеживаются. На глубине 80 см зафиксирован костяк взрослого человека. Погребенный лежал вытянуто на спине, головой на ССЗ, руки положены вдоль туловища. Костные останки относительно хорошей сохранности, нижняя челюсть отсутствовала. Рядом со стопой левой ноги находились кость животного и позвонок человека. С юго-западной стороны от погребенного (в 20 см) располагались два переотложенных черепа и раскиданные человеческие ребра. Нижние челюсти находились под черепами.

Погребение № 28 (рис. 117–118). Погребение выявлено на участке А-Б/3–4. Очертания могильной ямы выявились в переходном от чернозема к суглинку слое на глубине 110 см. Заполнение – плотный чернозем. Длина могильной ямы 210 см, ориентирована по линии юго-восток – северо-запад. Юго-восточная часть могилы имела подпрямоугольные углы и достигла 70 см в поперечнике. В северо-западной части яма резко расширялась, приобретая округлую форму диаметром 150 см.

При разборе чернозема над фиксируемыми контурами могильной ямы на глубине 100 см найден кусочек глиняной обмазки. На глубине 120 см выявлены костные останки (разломанные человеческие трубчатые кости), находящиеся в юго-восточной части могилы. В расширенной северо-западной части зафиксированы золистые следы от кострища.

Погребение № 29 (рис. 119–120). Погребение выявлено на участке А-Б/2–3. Очертания подпрямоугольной в плане могильной ямы проявились в переходном от чернозема к суг-

линку слое на глубине 110 см. Заполнение – чернозем. Размеры 220×70 см. Ориентирована по линии юго-восток – северо-запад. На глубине 120 см выявлены костные останки. Погребенный лежал вытянуто на спине, головой на северо-запад, руки положены вдоль туловища. Голова покоится на затылке. Вещей при разборе погребения не обнаружено.

Погребение № 30 (рис. 121–122). Погребение выявлено на участке А-Б/4. Очертания могильной ямы в верхнем слое суглинка не прослеживаются. На глубине 130 см зафиксирован костяк подростка, лежащий вытянуто на спине, головой на ССЗ. Голова покоится на затылке. Руки согнуты и уложены на тазовые кости. Слева от черепной коробки лежала кость животного. На шейных позвонках обнаружен фрагмент бронзовой гривны, под которой фиксировались остатки меха. Кроме того, в районе головы найдены остатки гробовища.

Погребение № 31 (рис. 123–124).

Погребение выявлено на участке Б/4. Очертания могильной ямы в верхнем слое суглинка не прослеживаются. На глубине 130–140 см зафиксированы костные останки, размещенные на площадке размерами 130×90 см. Ребра и позвонки находились в беспорядочном состоянии. В восточной части хаотичного скопления костей лежала плечевая кость человека. В центральной части заполнение углисто-золистое, с органическими остатками. В нем встречаются обожженные человеческие кости.

Погребение № 32 (рис. 125). Погребение выявлено на участке Б/1. Данное захоронение, по всей вероятности, было разрушено весной 2003 г. На краю обрыва фиксировался грабительский котлован размерами 180×140 см и глубиной 110 см. Под ним находилась выброшенная из него земля и человеческие кости. Высота обрыва в данном месте 6 м. При расчистке грабительского вкопа выявлены остатки разрушенного погребения. Разброс трубчатых человеческих костей отмечался на площади 110×40 см, вытянутой с юго-востока на северо-запад. Здесь же найдена костяная проколка и кость крупного рогатого скота.

Погребение № 33 (рис. 126–132). Коллективное погребение выявлено на участке А/1. В погребении зафиксированы четыре костяка, расположенные практически друг над другом, в три уровня. Размеры могилы, вытянутой по линии юго-восток – северо-запад, составляли 140×80 см.

На глубине 60 см в северо-восточной части погребения находился скелет, над ним располагался еще один погребённый – необожженный, разрубленный пополам, тяготеющий к южной части могилы. Туловище взрослого человека, ориентированного головой на юго-восток, лежало слегка повернутым на левый бок. Череп раздавлен и обращен лицевой частью на запад. Нижняя челюсть смещена, левая рука находилась вдоль туловища, правая слегка откинута в сторону. К востоку от данных костей располагалась остальная часть скелета. Кости ног располагались стопами на восток, при этом стопа правой ноги была положена под стопу левой. В свою очередь, при захоронении указанных останков были сильно потревожены кости обожженных скелетов, оказавшихся плохой сохранности.

На этом же уровне над индивидом, находившимся с левой стороны, лежал еще один частично обожженный и потревоженный человеческий костяк, ориентированный головой на северо-запад.

На глубине 65–70 см расчищены остатки двух сильно обожженных костяков, лежащих вытянуто на спине головой на северо-запад. В юго-восточной части погребения отмечен прокол.

В центральной части могильной ямы зафиксирована округлая площадка (40×40 см), где находились фрагменты обожженной глины. Здесь же обнаружена створка раковины беззубки, кусок кремня, лепной круглодонный сосуд и костяная проколка (рис. 132).

Погребение № 34. Погребение выявлено в южном углу участка А/1. На глубине 60–80 см находились фрагменты детской черепной коробки.

Погребение № 35 (рис. 133). Погребение выявлено на участке А/1 после выборки погребения № 33. При прокопке слоя чернозе-

ма на глубине 90 см была найдена разломанная височная очковидная подвеска. Костные останки находились в переходном от чернозема к суглинку слое, на глубине 110 см. Погребенный лежал вытянуто на спине, головой на северо-запад, руки положены вдоль туловища. Череп на затылке. В изголовье помещены три позвонка животного. Северо-западнее позвонков зафиксированы довольно крупные фрагменты дерева (возможно, от столба).

Погребение № 36 (рис. 134–137). Погребение выявлено на участке 2. Очертания могильной ямы в слое чернозема не прослеживаются. На глубине 85 см зафиксирован костяк ребенка. Погребенный лежал вытянуто на спине, головой на северо-запад. Череп запрокинут на правый бок и обращен лицевой частью на юг. Кости рук смещены. Бедренная кость левой ноги отсутствует. Берцовые кости левой ноги обломаны, что может свидетельствовать либо о прижизненной травме, либо о ритуальной практике.

Погребение № 37 (рис. 135, 138–139). Погребение выявлено на участке 1–2. Слабые гумусированные очертания могильной ямы показались в переходном от чернозема к суглинку слое, на глубине 100 см. Сохранившаяся длина могилы 180 см, ширина 65 см. Глубина могильной ямы от уровня дневной поверхности 110 см. Стенки отвесные, дно плоское. Погребенный лежал вытянуто на спине, головой на северо-запад, руки положены вдоль туловища. Северо-западная часть погребения разрушена обрывом. Вероятно, череп взрослого человека, найденный под обрывом у воды, относится к данному погребению.

Погребение № 38 (рис. 140–144). Очертания могильной ямы в слое чернозема не прослеживаются. Частично парное погребение оказалось перекрыто объектом № 1. На глубине 55 см зафиксированы костные останки двух взрослых индивидов. Погребенные лежали вытянуто на спине, головой на северо-запад, руки положены вдоль туловища.

У индивида, расположенного с левой стороны, левая рука несколько откинута от туловища и согнута. Череп отсутствует, сохранилась только нижняя челюсть, судя по рас-

положению которой голова была повернута на юго-запад. Справа от стопы правой ноги (кости ее не сохранились) была положена кость ноги лошади.

Череп у индивида, расположенного юго-западнее, также отсутствует (разрушен обрывом). В позвонке грудного отдела зафиксирован сильно окислившийся бронзовый наконечник стрелы, направленный острием от спины к животу (рис. 70). Кости ног сдвинуты от ног индивида № 1, стопы практически сомкнуты. На освободившееся пространство между стоп погребенных и была положена вышеуказанная кость лошади.

Погребение № 39 (рис. 145–146). Очертания могильной ямы в нижних наслоениях чернозема не прослеживаются. Погребение располагалось под захоронением № 38. На глубине 95 см зафиксированы костные останки подростка. В анатомическом порядке находились: череп, позвонки, ребра, плечевая кость правой руки. Погребенный лежал вытянуто на спине, головой на ЗСЗ. Череп на затылке, раздавлен земляной массой. Бедренные кости смещены и уложены рядом, с правой стороны от покойного. Смещенными оказались также кости левой руки и таза. Берцовые кости были уложены в восточной части, поперёк могильной ямы. Данное обстоятельство, а также расположение погребения под непотревоженным погребением № 38 позволяет предполагать ритуальный характер захоронения.

Погребение № 40 (рис. 147–148). Парное погребение выявлено на участке А/5. Над захоронением, остатки которого наблюдались в береговом обрыве, зафиксирован грабительский вкоп подквадратной в плане формы размерами 100×100 см.

На глубине 120 см обнаружены костные останки двух индивидов (взрослый человек и подросток). Погребенные лежали вытянуто на спине, головой на северо-запад. Черепа оказались обрушенными в водохранилище.

Костяк, располагавшийся с северо-восточной, левой стороны, принадлежал взрослому человеку. Справа от него был захоронен подросток. Центральная часть подросткового захоронения нарушена грабительским вкопом,

который на данном уровне имел овальную в плане форму размерами 65×30–43 см. Частично вкоп потревожил локтевую и лучевую кости правой руки взрослого индивида.

В грабительском вкопе обнаружены: обломки двух головок бедренных костей, лучевая и тазовая кость подростка. На одной из головок наблюдалась окись бронзы. Во вкопе также зафиксированы фрагменты дерева.

Погребение № 41 (рис. 149–150). Парное погребение выявлено на глубине 80 см на участке Б/1. Кости выступали в обрыве берега. Очертания могильной ямы в наслоениях чернозема не прослеживаются. Сохранились только берцовые кости ног двух взрослых индивидов. Вероятно, погребенные лежали вытянуто на спине, головой на северо-запад. Над стопами погребенных на глубине 70 см находилась трубчатая кость. На дне могилы, в ногах у одного из индивидов, положена костяная проколка (рис. 151).

Погребение № 42 (рис. 152). Погребение выявлено на участке А-Б/2. Кости выступали в обрыве берега. Учитывая это, а также предполагая, что могилы вытянуты в северо-западном направлении, грабители заложили над захоронением подпрямоугольный в плане шурф размером 100×60 см.

Очертания могильной ямы в наслоениях чернозема не прослеживаются. На глубине 80 см *in situ* зафиксированы бедренные кости подростка (?). Вероятно, погребенный лежал вытянуто на спине, головой на северо-запад. Расположение берцовых костей нарушено грабительским вкопом, который на этой глубине имел в плане округлую форму размерами 30×25 см.

Погребение № 43 (рис. 153–154). Парное погребение выявлено на участке А-Б/1–2. Кости выступали в обрыве берега. Ориентируясь по ним, грабители заложили над могильной ямой вкоп размерами 70×55 см.

Очертания могильной ямы в слое чернозема не прослеживаются. На глубине 60 см зафиксированы костные останки двух индивидов. Центральная часть захоронения была разрушена грабительским вкопом. При этом были выброшены кости таза, бедренные кости

индивида расположены справа и частично нарушены у костяка, находившегося слева.

Вероятно, погребенные лежали вытянуто на спине, головой на северо-запад. Черепа обоих индивидов обрушены в воду. Кости левой руки, берцовые кости ног и грудины с левой стороны у индивида № 1, находившегося северо-восточнее, были сильно обожжены.

Справа от берцовых костей индивида № 2 располагались бабка и плечевая кость лошади.

Погребение № 44 (рис. 155–157). Погребение выявлено на участке Б/1. Захоронение фиксировалось по выступающим в береговом обрыве костям. Можно предположить, что захоронение совершено ранее погребения № 41, так как частично перекрывалось им, однако очертания могильных ям не фиксировались. На глубине 100 см находились берцовые кости ног, другие части скелета обрушены в водохранилище. Возможно, погребенный лежал вытянуто на спине, головой на северо-запад.

Со стороны правой ноги погребенного сохранились остатки боковой стенки от деревянного гробовища, а к юго-востоку от стоп ног – фрагменты деревянной крышки гроба. У стопы левой ноги зафиксированы золистые и углистые включения.

Погребение № 45 (рис. 158–160). Захоронение было обнаружено по выступающему из берегового обрыва черепу. Очертания могильной ямы в наслоениях чернозема не прослеживаются. Коллективное захоронение, состоящее из трех индивидов, находилось на глубине 80 см (участок А-Б/3–4). Погребенные лежали вытянуто на спине, головой на северо-запад, руки положены вдоль туловища. Посередине находился скелет взрослого человека. Судя по сохранившейся нижней челюсти, голова лежала на левом боку (черепная коробка обрушена в водохранилище). С двух сторон от взрослого индивида находились детские костяки. Голова одного на затылке, слегка наклонена влево, у другого не сохранилась. У ребенка, расположенного в северо-восточной части могилы, сохранились только кости правой руки и кости обеих ног.

Погребение № 46 (рис. 161–165). Захоронение было обнаружено по выступающему из берегового обрыва черепу. Очертания могильной ямы в наслоениях чернозема не прослеживаются. Погребенный обнаружен на глубине 100 см (участок А-Б/3). Костяк взрослого человека лежал вытянуто на спине, головой на северо-запад, руки положены вдоль туловища. Череп смещен.

ПОГРЕБАЛЬНЫЙ ОБРЯД

Всего в период 1995–2005 гг. на могильнике заложено семь раскопов и изучено 26 захоронений (табл. III).

Весьма интересно и своеобразно выглядят жертвенные и поминальные комплексы.

Первое культовое сооружение было зафиксировано над погребениями № 25–26 на глубине 50–60 см. В его состав входили обломки керамики, трубчатые кости животных, костяные поделки, бронзовый кинжал, серьга и пронизка. Вокруг были разбросаны куски обожженной глины (рис. 73). Можно предположить, что над погребениями было сделано сооружение из обожженной глины (рис. 111–114). Имелись и пережженные кости взросло-

го человека. Вероятно, захоронения совершены с применением культа огня.

Второе культовое сооружение выявлено в юго-восточной части раскопа X на глубине 20–60 см. На площадке размерами 150×80 см, вытянутой по линии юго-запад – северо-восток, зафиксированы две известняковые стелы, между которыми лежали фрагменты керамики, две челюсти лошади и скопление разломанных известняковых плиток (рис. 87–89). Предположительно, стелы были повалены в древности.

Третье культовое сооружение выявлено на раскопе XI и состояло из двух изолированных друг от друга комплексов (рис. 93, 95–96).

Комплекс 1 представлял собой скопление тонких известняковых пластин (рис. 95). В комплекс 2 входили кости ноги лошади, отрубленной по колено (рис. 96).

Могильные ямы в основном располагались в ряд. Половина захоронений находилась на глубине от 60 до 80 см, другая – от 100 до 140 см (табл. IV). Самое глубокое захоронение № 21 располагалось на глубине 190 см. Очертания могильных ям прослежены только в пяти случаях, в большинстве они сливаются со слоем чернозема.

Четыре захоронения были парными, еще в четырех находилось три индивида, в погребениях № 22 и 33 захоронено по четыре человека. Наибольшее количество костяков (6) находилось в погребении № 24 (табл. IV).

В прослеженных случаях погребённые лежали вытянуто на спине, чаще всего головой на северо-запад. Аналогичная ориентировка головы прослеживалась и у большинства захороненных, изученных ранее (Казаков, 1994, с. 111, табл. I). Руки погребенных вытянуты вдоль туловища, за исключением погребения № 30, где руки захороненного были согнуты и уложены на тазовые кости.

С иной ориентировкой головы, на юго-восток, лежали индивиды в коллективных погребениях № 21–23 (рис. 99–102). Данные погребения находились на достаточно большой глубине и оказались разрушенными. Вполне вероятно, разрушение было специальным, так как кости, особенно черепа, смещены со своего места, но оставлены в могиле. Судя по положению костей, это произошло, когда мышечные ткани уже истлели. Сохранены в могилах и довольно ценные для того времени изделия: железное копье и бронзовый кельт. Два керамических сосуда перевернуты вверх дном.

Скорее всего, данная группа захоронений была иной родовой принадлежности, в отличие от погребенных головой на северо-запад. Последние могли разрушить их могилы. Возможно, с этими тремя могилами также связана найденная на отмели стела. Вышеизложенное свидетельствует, что Измерский VII могильник оставлен несколькими родовыми или

кровнородственными коллективами, которые иногда и враждовали между собой.

Большинство погребений, изученных раскопами, были разрушены при обвале берега, грабителями или при ритуальных действиях в древности. Редко захоронения сохраняются целиком (погребения № 29–30, 35, 46).

У небольшого ряда захоронений сохраняются остатки деревянных элементов (табл. IV). В погребении № 44 расчищен целый кусок от крышки гробовища шириной 35 см (рис. 155).

В погребально-поминальной обрядности у населения, оставившего данный памятник, четко прослеживается культ огня.

В погребении № 33 кости захороненных оказались обожжёнными. Над ногами погребенных, расположенных в несколько уровней, разжигались костры, рядом с которыми встречены раковина, костяная проколка и кусок кремня (рис. 128, 131). Похожее захоронение с кострищем в могиле, сопровождаемое комплексом ритуальных вещей, встречалось на памятнике ранее – погребение № 18 (Казаков, 1994, с. 119, рис. 6).

Возможно, по такому же обряду было совершено захоронение в сильно разрушенном погребении № 26 (рис. 114). Данные погребения находились на небольшой глубине (табл. IV), и в них обязательно встречались кусочки обожженной глины, угли, зола. Не исключено, что над данными погребениями практиковалось сооружение каких-то срубно-каркасных, обмазанных глиной культовых домиков, в которых иногда хранились комплексы вещей.

Другой хорошо документированный материалами элемент обрядности, связанный с культом огня, отмечен в двух иных погребениях, имеющих достаточно большую глубину. Спустя какое-то время после похорон, когда мышечные ткани разлагались, в северо-западной части могилы выкапывалась округлая яма, при этом кости скелета выше таза выбрасывались, и на этом месте устраивалось мощное кострище.

В коллективном захоронении № 25 диаметр ямы составлял около 170 см, в центральной части которой находилась округлая яма, заполненная золой. Диаметр последней – 110 см,

глубина 15 см. В западной части лежала обработанная челюсть лошади, а в восточной зафиксированы фрагменты дерева и кусочки обожженной глиняной обмазки (рис. 111, 113). Выделим, что над этим погребением расчищен жертвенный комплекс, из которого происходят кинжал и другие изделия (рис. 109–111).

В погребении № 28 яма имела диаметр 150 см, при ее разборе фиксировалось скопление золы и фрагмент глиняной обмазки.

В парном погребении № 43 кости одного индивида также были обожжены. Обожженные кости встречались и в погребении № 31.

В погребениях находятся остатки костей птиц и животных. Например, в погребении № 22 отмечены кости птицы, в погребении № 27 – бедренная кость мелкого рогатого скота, положенная в ногах у захороненного, а в погребении № 35 в изголовье лежали три позвонка крупного рогатого скота (в сочленении). Несколько косточек крупного рогатого скота имелись в погребениях № 30 и 32. В ряде могил находились кости ног лошади, положенные в ногах погребенных. Встречаются бабки, но преобладают плечевые кости, зафиксированные в 12 могилах.

Ранее при раскопках памятника отмечено, что в одних погребениях были положены только правые плечевые кости, в других – только левые (Казаков, 1994, с. 106) (определение выполнено А.Г. Петренко). Возможно, эти кости являлись онгоном той или иной группы населения.

Памятник входит в число некрополей со стелами (Казаков, 1994, с. 106–107). Все они изготовлены из известнякового камня.

Стела, найденная на отмели под обрывом, имеет следы обработки поверхности и закругленные поперечные окончания. Габариты находки – 130×50×20 см (рис. 70).

Стелы из жертвенного комплекса раскопа X имеют явные следы, указывающие на угасание этого элемента обрядности. После первичной вырубki их поверхность дополнительно не обрабатывалась, сохранились продольные грани, а поперечные края просто обломаны. Впечатляют и малые размеры этих изделий. Одна из стел имеет размеры 50×20 см при толщине 16–23 см. Вторая – высотой 35 см, шириной 10–14 см (рис. 92). Около малой стелы находились обломки тонких известняковых пластин. Такие же пластины, практически полностью переработанные в известняковый порошок, зафиксированы в комплексе 2 раскопа XI (рис. 98).

Данные материалы указывают не только на прекращение использования стел в погребальном обряде, но и на то, что почитался в том числе сам известняковый камень.

Стелы, видимо, являлись символами единства родового коллектива, их количество на некрополе зависело от его размеров. Больше их обнаружено на Тетюшском и Новомордовском могильниках, которые могли являться племенными. На других некрополях, относимых к раннеананьинскому времени, они встречаются реже и представлены более простыми формами и характером обработки. Эти памятники можно назвать родовыми, но и на них около каждой стелы был центр почитания своего родового комплекса (Казаков, 1994, с. 106–107).

ВЕЩЕВОЙ МАТЕРИАЛ И ХРОНОЛОГИЯ ИЗМЕРСКОГО VII МОГИЛЬНИКА

Находки из памятника представлены керамикой, железными, бронзовыми, костяными и каменными изделиями.

На отмели под обрывом у раскопа V собраны: фрагмент керамики, характерный для маклашеевской культуры, железный нож,

костяной стержневой псалий и каменный молот (рис. 71). В самих раскопах на глубине 40–60 см встречались редкие фрагменты керамики, обломки черепа и зубы лошади, обломки трубчатых костей мелкого рогатого скота, а также единичные кости промысло-

вых животных: кабана, косули. Иногда такие находки располагались на глубине 80–100 см, вероятно в погребальных ямах.

Керамика лепная, округлодонная, чашевидной формы, со слабо выраженной шейкой или совсем без нее (рис. 103: 5–8; 132: 2). В формовочную массу добавлялся шамот. Орнамент состоял из косо поставленных оттисков гребенчатого штампа с широкой амплитудой шага, насечек и ямок. Украшалась только верхняя часть сосуда. Ширина по тулову всегда превышает высоту чаши. Аналогичная глиняная чашевидная посуда представлена в раннеананьинских памятниках (Мурзихинский I могильник и др.) с постмаклашеевскими комплексами (Беговатов и др., 1993, рис. 12; Чижевский, Волкова, 2021, рис. 5).

Изделия из камня представлены массивным диоритовым (?) шлифованным топором-молотом. Высота предмета 12 см, диаметр округлого отверстия 2,2 см (рис. 71: 4). Аналогичный молот был найден при исследованиях памятника в предыдущие годы (Казаков, 1994, с. 122, рис. 9: 4). Подобные изделия из камня известны на Семеновском VI могильнике (Казаков, 1977, с. 200, рис. 3: 1). Находки трех таких близких между собой артефактов на двух некрополях могут говорить о довольно массовом их производстве в среде раннеананьинского населения приустьевого Закамья.

Схожие предметы встречаются и на других раннеананьинских памятниках (Халиков, 1977, с. 140). Подробный анализ этой категории находок выполнен А.А. Чижевским, связывающим их распространение с IX – первой половиной VII вв. до н. э. (Чижевский, 2022).

Железный наконечник копья из погребения № 21 (рис. 103: 4) сопоставим по форме с бронзовыми наконечниками копий типа I, 1 Аа по А.Х. Халикову (Халиков, 1977, рис. 71, с. 184).

Трехгранный костяной наконечник стрелы (рис. 109: 6), как и металлический, застрявший в позвоночнике костяка из погребения № 38 (рис. 144), были распространены и часто встречаются на ананьинских памятниках.

Трехдырчатый стержневой псалий датируется XII–X вв. до н. э. (Чижевский, Лыганов, Кузьминых, 2021, с. 636).

Бронзовый кельт ананьинских типов с линзовидной втулкой из погребения № 21 (рис. 103: 3) схож с кельтами типа I, 1 Б, В по А.Х. Халикову (Халиков, 1977, с. 109, рис. 41).

Уникальной представляется находка бронзового кинжала. Длина клинкового оружия – 31 см (рукоять – 10 см) (рис. 110). Описание кинжала было опубликовано (Чижевский, Волкова, 2021, с. 178, рис. 8: 49). Находка кинжала в своеобразном жертвенном комплексе, под которым находились три погребенных индивида (взрослый и два подростка), свидетельствует, что в данном погребении был захоронен выдающийся член коллектива.

Проколки из метакарпальных или грифельных костей животных (рис. 109: 7–8, 11–12), украшения из кости (рис. 109: 1–2, 3–5) типичны для носителей ананьинских культурных традиций и встречаются на всей территории ананьинской культурно-исторической области (АКИО).

Изделия из бронзы (рис. 109: 1–2) также могут быть широко датированы в рамках развития АКИО.

В первой публикации (Казаков, 1994) Измерский VII могильник отнесен к раннеананьинскому времени и датирован концом VIII–VII вв. до н. э. В последних научных отчетах Е.П. Казаков соотносит материалы памятника с IX–VIII вв. до н. э. Могильники этого времени хорошо известны в Нижнекамском регионе (Семеновский VI, Мурзихинский II и другие некрополи) (Казаков, 1977; Халиков, 1977, рис. 5; Чижевский, 2008, рис. 30). Учитывая несомненную близость данных памятников с маклашеевской культурой (Казаков, 1994, с. 110), но в то же время отличие от классической ананьинской общности, В.Н. Марков предложил объединить их комплексы в особую постмаклашеевскую группу.

Авторы многотомного академического издания «Археология Волго-Уралья» (т. III, 2021) уже прямо рассматривают данные памятники как часть постмаклашеевской культуры и датируют их начиная с IX в. до н. э. до

последних веков до н. э., что, конечно, проблематично. Однако здесь следует подчеркнуть, что они разделяют материалы на три хронологических периода и ряд этапов внутри них.

Комплекс вещей из Измерского VII могильника, представленный на рис. 8, датируется ими IX – серединой VIII вв. до н. э. (Чижевский, Волкова, 2021, рис. 8, с. 181).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Археологические культуры финала эпохи бронзы – начального этапа раннего железного века Среднего Поволжья и Нижнего Прикамья, как правило, датируются концом II тыс. до н. э. – началом I тыс. до н. э. Вопросы узкой хронологии комплексов являются дискуссионными и обсуждаются исследователями, несмотря на наличие калиброванных радиоуглеродных дат ^{14}C и использования их при анализе материалов.

Раннеболгарская археологическая экспедиция за многолетний период работ на левом берегу р. Камы, на территории, вытянутой вдоль берега на 6 км, исследовала несколько могильников финала эпохи бронзы – начала раннего железного века – Семеновский VI, Девичий городок IV, Измерский VII, XVI, XVII. Всего было изучено около 80 погребений, не считая большого количества могил, разрушенных водохранилищем.

Настоящая работа подготовлена практически еще в 2021 г., когда только были изданы тома II и III «Археологии Волго-Уралья», в связи с чем вопросы датировок комплексов рассматривались преимущественно на основе материалов, изданных А.Х. Халиковым, В.Н. Марковым, А.А. Чижевским и др. до этого времени. В «Археологии Волго-Уралья» авторы статей подробно и целиком не рассматривали материалы могильников Девичий городок IV и Измерский VII, анализируя только отдельные комплексы вещей (Чижевский, Лыганов, Кузьминых, 2021, с. 630, рис. 15: 5–10; Чижевский, Волкова, 2021, с. 174, рис. 8; 37, 39–40, 49).

Сравнительный анализ материалов близкорасположенных могильников Девичий городок IV и Измерский VII представляет несомненный интерес. Они вместе с могильниками Измерский XVI и XVII, находящими-

ся в непосредственной близости, свидетельствуют о присутствии двух культур в этом регионе: маклашеевской и раннеананьинской (постмаклашеевской).

Представители этих культурных образований являются пришлыми на данной территории. Их материальная культура резко отличается от комплексов предшествующей приказанской культуры на всех этапах ее формирования. Приказанская культура была выделена А.Х. Халиковым в 50-е гг. XX в. На балымско-карташихинском этапе ее развития материал имеет отчетливую связь с лесостепными культурами «андроноидной» общности, которые К.В. Сальников называл «лесной андрон».

Самое основное, что можно выделить, – это плоскодонная горшковидная керамика из памятников приказанской культуры, отличающаяся от круглодонной посуды культуры переселенцев. Причины и характер миграций народов были различными, но если не принимать во внимание иногда появляющиеся экзотические точки зрения по вопросу возникновения и исчезновения культур, то это, скорее всего, вызывалось природными и военно-политическими изменениями.

А.Х. Халиков отмечал взаимодействие населения приказанской культуры (он полагал, что маклашеевский этап является последним в рамках ее развития) с племенами Зауралья и Южной Сибири (Халиков, 1969, с. 317). В.Н. Марков прямо говорил о связях маклашеевского населения с племенами Южной Сибири (Марков, 2001, с. 81). Действительно, круглодонная форма посуды, орнамент (особенно сгруппированные по три ямки) сохраняются до средневековья у населения лесостепной Южной Сибири, являющегося потомками восточноугорского (хантыйского) и южносамодийского (селькупского).

О том, что маклашеевская и раннеананьинская (постмаклашеевская) общности принадлежат культурам, пришедшим и распространившимся в Среднее Поволжье в разное время, свидетельствуют различия в их материальных комплексах, особенно в керамике (Халиков, 1980, с. 101).

Маклашеевская керамика – это горшки с округлым дном и выделяющейся шейкой (иногда довольно высокой), орнаментированные ямками (иногда сгруппированными по три), насечками, оттисками гребенчатого штампа и резными линиями (Халиков, 1980).

Постмаклашеевская керамика чаще всего представлена округлодонными чашами, ширина тулова которых превосходит высоту сосуда. Шейка отсутствует или слабовыделенная. Орнамент состоял из косо поставленных оттисков гребенчатого штампа с широкой амплитудой шага, насечек и ямок. Украшалась верхняя часть чаши. Именно такая посуда находилась на Измерском VII могильнике (рис. 103: 5–8).

Несмотря на выявляющиеся различия в вещевых комплексах, маклашеевские и раннеананьинские постмаклашеевские (IX–VIII вв. до н. э.) памятники близки, между ними имеется преемственность. Их погребальные обряды имеют следующие общие черты: ингумация; поминальные комплексы с костями животных у могил; в основном широтная ориентировка погребенных; отдельные скопления сопровождающего инвентаря; редкое положение керамики в могилы. Для обеих групп погребальных памятников практически идентичными являются бронзовые ножи, костяные стержневые псалии, костяные проколки и ряд других изделий. Типичны и сравнительно небольшие размеры некрополей с рядовым расположением могил, оставленных, по всей вероятности, малочисленными родовыми коллективами.

Таким образом, на основании состава инвентаря и расположения некрополей на надпойменных террасах можно заключить, что хозяйство местного населения как в маклашеевское, так и в раннеананьинское время во многом базировалось на использовании богатейших биоресурсов широкой поймы приустьевой Камы.

Судя по имеющимся данным, между этими двумя группами населения могли существовать различные типы отношений – от дружеских до враждебных. Например, погибшие в ожесточенной схватке четверо мужчин были погребены в общей могиле по устоявшемуся погребальному обряду (рис. 64). Практически сразу после завершения сражения их тела были похоронены на могильнике вместе с другими сородичами, умершими обычной смертью. Этот случай зафиксирован на маклашеевском Измерском XVI могильнике, расположенном всего в 150 м от постмаклашевского Измерского VII некрополя, на котором также изучено коллективное погребение, состоящее из 6 человек, положенных в один ряд (рис. 106–108).

Кроме того, жители могли подвергаться опасности из-за набегов степных кочевников. В парном погребении № 38 Измерского VII могильника были захоронены два взрослых индивида, в позвонке грудного отдела одного из них зафиксирован бронзовый наконечник стрелы, который мог привести к смерти (рис. 142).

В раннеананьинских памятниках символами воинов-родоначальников или прародителей рода могут выступать каменные стелы, расположенные на культовых площадках в центре могильников. На Измерском VII могильнике изучен комплекс с заброшенными стелами, указывающий на угасание этого элемента обрядности (рис. 87–89, 92). Известняковые пластины, практически полностью переработанные в порошок, зафиксированы в комплексе из раскопа XI этого могильника (рис. 97). Данные материалы могут свидетельствовать не только об использовании стел в погребальном обряде, но и о том, что жители почитали камень, из которого они изготавливались.

Предположение об исчезновении раннеананьинских памятников в Западном Закамье в результате вторжения кочевников, а не как следствие грандиозного природного катаклизма имеет свое обоснование. В пользу этого обстоятельства говорит и наличие погребений со стрелами в костях, и разрушенные стелы на могильниках. Пришельцев привлекали на

новых местах прежде всего богатые биоресурсы региона, особенно луговые травы по левобережью рек Камы и Волги.

Широкое русло р. Камы с сильным течением воды было практически непроходимым для степняков. Поэтому в поисках защиты от них люди перебирались на другой берег реки. Данные, свидетельствующие о миграции постмаклашевского населения на северо-запад, представлены в крупных поликультурных могильниках АКИО, находящихся на территории Марийского Поволжья (Чижевский, Кузьминых, Патрушев, 2021, с. 151). Наиболее близко к реке оказались расположены погребения именно постмаклашевской культуры, далее аозинско-ахмыловской и вятско-ветлужской культур АКИО (Чижевский, Кузьминых, Патрушев, 2021, рис. 7).

В заключение необходимо отметить, что, несмотря на продолжительный период изуче-

ния древностей переходного от эпохи бронзы к раннему железному веку периода, не сформировалось единой устоявшейся точки зрения на их формирование, материалы до сих пор остаются малоизученными. Многие вопросы хронологии, происхождения и развития археологических культур Среднего Поволжья и Нижнего Прикамья исследователями рассматриваются по-разному. Территория еще очень перспективна в археологическом отношении.

Настоящая работа не претендует на решение многих сложных и спорных вопросов и нацелена в первую очередь на наиболее полное освещение материалов многолетних раскопок «гибнущих» уникальных погребальных памятников, имеющих важное значение для понимания культурогенеза во всей Восточной Европе. Насколько это удалось осуществить – судить читателю.

Приложение

Таблица I. Могильник Девичий городок IV. Общие данные

Год раскопок	№ раскопа	Площадь работ	№ погребений	Примечания
1981	I	22 кв. м	1–6	разрушено три погребения
1985	II	70 кв. м	7–13	
1989	шурф	2 кв. м	14	
1999	III	6 кв. м	15	
2001	IV	10 кв. м	16	
2002	шурф	3 кв. м	17–18	разрушено два погребения
2003	–//–	2 кв. м	19	
2004	V	54 кв. м	20–21	разрушено четыре погребения
2008	–		22	
Всего исследовано		171 кв. м	22 погребения	9 разрушенных погребений

Таблица II. Могильник Девичий городок IV. Характеристика погребений

№ погребения	Возраст	Глубина могил, см	Размеры могильных ям, см	Расположение головы погребённых	Вещевой материал	Примечания
1	Обнаружено в обрыве		На черепе окись бронзы			
2	дет.	100	?	ЮВ	На черепе окись бронзы	
3	дет.	80	?	ЮЮВ	На черепе окись бронзы	
4	взросл.	110	?	СЗ	Бронзовые нож, серьги, налобное украшение. Костяные проколки, кочедык.	Лопатка мелкого рогатого скота, угли
5	взросл.	140	?	ЮВ	Бронзовые серьги	
6	дет.			ЮЮВ	Бронзовые серьги	
7	взросл.	120		ЮЮВ	Бронзовая гривна	
8	взросл.	120	?	З	Костяные псалии	
9	взросл.	160	?	ССЗ	Костяные проколки	Кость птицы и животного
10	дет.	115	?	СВ		
11	дет.	120	?	ЗЮЗ		
12	взросл.	150	250 × 60	ССЗ	Раковины	
13	взросл.	110	?	СВ	Бронзовое шило	Позвонки животного
14	взросл.	110	?	ЮЮВ	Бронзовые серьги, пронизки, костяные и кремневые изделия	Кости животного
15	взросл.	160	450 × бол. 180	ССВ	Бронзовый кинжал, копье, каменная булава, костяные застёжка	Кости коровы, лошади, овцы
16	взросл.	175	195 × 68	ВСВ	Бронзовые пронизки, серьги, нож, костяные детали узды	Дерево
17	жен.	Обрушено в обрыв			Бронзовая накладка	
18	парное	160	бол. 230 × 120	ВСВ	Бронзовые серьги, нож, костяная поделка	Кости животного

19	взросл.	110	?	ВЮВ	Бронзовая серьга, зуб медведя, костяная трубка, раковины	Грабленное
20	дет.	86	?	В		
21	взросл.	100	?	В	Грабленное	Угли, дерево
22	взросл.	120	195 × 70	ЮЗ		

Таблица III. Измерский VII могильник. Общие данные

Год раскопа	№ раскопа	Площадь раскопа, кв. м	Погребения		Примечания
			Кол-во	№	
1995	V	63	3	21–23	
2001	VI	45	8	24–31	Жертвенный комплекс
2003	VII	18	4	32–35	
2004	VIII	18	2	36–37	
2004	IX	18	2	38–39	
2005	X	60	7	40–46	Жертвенный комплекс, стелы
2006	XI	28			Ритуальный комплекс
Всего	7	250	26		

Таблица IV. Измерский VII могильник. Характеристика погребений

№ погребения	Размеры могил, см			Расположение головы погребённых	Кол-во костяков	Кости животных	Орудия			Примечания
	Длина	Ширина	Глубина				Каменные	Костяные	Металлические	
21	130?	105	190	ЮВ	Коллективное					Копье, кельт, сосуд
22	?	?	110	ЮВ	4	Лошадь				Птица
23	?	?	110	ЮВ, ЮЗ	Коллективное	Лошадь		+		3 сосуда
24	?	?	60	ЮЗ	6	Лошадь		+	+	Фрагмент сосуда
25	295	120 – 170	145	СЗ	3	„				Обожжённая глина
26	?	?	65	СЗ	3	„	+	+		
27	?	?	80	ССЗ	3?					
28	210	70 – 150	120	СЗ	1?	+				Обожжённая глина
29	220	70	120	СЗ	1					
30	?	?	130	ССЗ	1	+			+	Дерево, мех
31	?	?	140	?	1?					Обожжённые кости
32	?	?	110	ССЗ	1	+		+		
33	?	?	70	СЗ	Коллективное	+		+		Обожжённые кости, кремь, сосуд, раковина
34	?	?	80	?						
35	?	?	110	СЗ	1	+				Дерево
36	?	?	85	СЗ	1					

37	180?	65	110	СЗ	1					
38	?	?	55	СЗ	2	Лошадь			+	Стрела
39	?	?	95	З	1					
40	?	?	120	СЗ	2				+	Дерево
41	?	?	80	СЗ	2			+		
42	?	?	80	СЗ	1					
43	?	?	60	СЗ	2	Лошадь				Обожжённые кости
44	?	?	100	СЗ	1					Дерево, угли
45	?	?	80	СЗ	3					
46	?	?	100	СЗ	1					

ЛИТЕРАТУРА

Археологическая карта Татарской АССР. Западное Закамье Ч. I / Отв. ред. П.Н. Старостин. Казань: ИЯЛИ КФАН СССР, 1986. 112 с.

Беговатов Е.А., Марков В.Н. Мурзихинский II могильник // Археологические памятники зоны водохранилищ Волго-Камского каскада / Отв. ред. П. Н. Старостин. Казань: ИЯЛИ, 1992. С. 57–72.

Беговатов Е.А., Истомин К.А., Марков В.Н., Руденко К.А., Чижевский А.А. Новые находки ананьинского времени с Мурзихинского могильника // Финно-угры России. Памятники с ниточно-рябчатой керамикой. Вып. 1 / Отв. ред. В.С. Патрушев. Йошкар-Ола: МарГУ, 1993. С. 126–155.

Газимзянов И.Р., Кирягин К.В. Антропологическая и патолого-посттравматическая характеристика человеческих останков из захоронений Измерского XVI могильника по данным краниологии // Поволжская археология. 2018. № 1 (23). С. 275–293.

Горбунов В.С. Бронзовый век Волго-Уральской степи. Уфа: БГПИ, 1992. 223 с.

Казаков Е.П. Новый ананьинский могильник в низовьях р. Камы // СА. 1977. № 3. С. 197–203.

Казаков Е.П. Памятники черкаскульской культуры в восточных районах Татарии // СА. 1979. № 1. С. 145–160.

Казаков Е.П. Измерский VII могильник // Памятники древней истории Волго-Камья / Отв. ред. П.Н. Старостин. Казань: ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова, 1994. С. 104–122.

Казаков Е.П. Памятники эпохи бронзы // Очерки по археологии Татарстана. Учебное пособие / Отв. ред. П.Н. Старостин. Казань: Школа, 2001. С. 56–73.

Казаков Е.П. О некоторых итогах работы Раннеболгарской экспедиции в 2001 году // Археологические открытия в Татарстане: 2001 год / Отв. ред. Ф.Ш. Хузин. Казань: Школа, 2002. С. 83–87.

Казаков Е.П. Отчет о работе Раннеболгарской экспедиции 2008 г. Казань, 2009. 81 с. // Архив ИА РАН.

Казаков Е.П. XVI Измерский могильник маклашеевской культуры // Археология Евразийских степей. 2017. № 3. С. 80–88.

Казаков Е.П. Постпетрогром в системе средневековых угорских культур Урало-Поволжья // Поволжская археология. 2022. № 2 (40). С. 102–113.

Казаков Е.П., Лыганов А.В. Итоги изучения Измерского XVII могильника // Поволжская археология. 2014. № 4 (10). С. 43–57.

Косарев М.Ф. Эпоха поздней бронзы и переходное время от бронзового века к железнному // Эпоха бронзы лесной полосы СССР / Отв. ред. О.Н. Бадер, Д.А. Крайнов, М.Ф. Косарев. М.: Наука, 1987. С. 289–304.

Кузьминых С.В. О некоторых дискуссионных проблемах бронзового века Среднего Поволжья (в связи с работами 70–90-х гг. XX в.) // Вопросы древней истории Волго-Камья / Ред. Е.П. Казаков, С.И. Валиулина, Р.М. Валеев. Казань: Мастер Лайн, 2001. С. 14–29.

Кузьминых С.В., Чижевский А.А. Хронология раннего периода ананьинской культурно-исторической области // Поволжская археология. 2014. № 3 (9). С. 101–137.

Марков В.Н. Ананьинская проблема (некоторые итоги и задачи ее решения) // Памятники древней истории Волго-Камья / Отв. ред. П.Н. Старостин. Казань: ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова, 1994. С. 48–87.

Марков В.Н. Общая характеристика раннего железного века. Памятники Нижнего Прикамья VIII–V вв. до н. э. // Очерки по археологии Татарстана. Учебное пособие / Отв. ред. П.Н. Старостин. Казань: Школа, 2001. С. 74–83.

Марков В.Н. Нижнее Прикамье в ананьинскую эпоху: (Об этнокультурных компонентах ананьинской общности) / Археология евразийских степей. Вып. 4. Казань: Институт истории АН РТ, 2007. 136 с.

Файзуллина Д.Ф. Женский маклашеевский костюм: реконструкция и семантика // Проблемы древней и средневековой истории Среднего Поволжья. Материалы II Халиковских чтений / Отв. ред. П.Н. Старостин. Казань: ИИ АНТ, 2002. С. 82–88.

Чижевский А.А. О хронологических границах маклашеевского этапа приказанской культуры // Европейский Север в культурно-историческом процессе: (к 625-летию города Кирова): материалы междунар. конф. / Отв. ред. В.В. Низов. Киров: КОГУП Кировская областная типография, 1999. С. 89–92.

Чижевский А.А. Е.А. Халикова и проблема хронологии маклашеевского этапа приказанской культуры // Вопросы древней истории Волго-Камья / Отв. ред. Е.П. Казаков. Казань: Мастер-Лайн, 2001. С. 30–36.

Чижевский А.А. Ананьинские (постмаклашеевские) стелы // Древности Евразии: от ранней бронзы до раннего средневековья. Памяти Валерия Сергеевича Ольховского / Гл. ред. В.И. Гуляев. М.: ИА РАН, 2005. С. 268–300.

Чижевский А.А. Погребальные памятники населения Волго-Камья в финале бронзового – раннем железном веке (предананьинская и раннеананьинская культурно-исторические области) / Археология евразийских степей. Вып. 5. Казань: Школа, 2008. 172 с.

Чижевский А.А. Проблема генезиса и хронологии ананьинских (постмаклашеевских) стел // РА. 2009. № 1. С. 81–90.

Чижевский А.А. Каменные молоты ананьинской культурно-исторической области // Поволжская археология. 2022. № 1 (39). С. 159–177.

Чижевский А.А., Антипина Е.Е., Асылгараева Г.Ш., Нуретдинова А.Р. Коллекция археологического музея Казанского (Приволжского) университета. Ч. 2 // Поволжская археология. 2019. № 1 (27). С. 84–103.

Чижевский А.А., Волкова Е.В. Ананьинская культурно-историческая область. Постмаклашеевская культура // Ранний железный век / Археология Волго-Уралья. Т. 3 / Под общ ред. А.Г. Ситдикова, отв. ред. А.А. Чижевский. Казань: ИА АН РТ, 2021. С. 162–185.

Чижевский А.А., Кузьминых С.В., Патрушев В.С. Ананьинская культурно-историческая область. Культура текстильной керамики (акозинско-ахмыловская) // Ранний железный век / Археология Волго-Уралья. Т. 3 / Под общ ред. А.Г. Ситдикова, отв. ред. А.А. Чижевский. Казань: ИА АН РТ, 2021. С. 141–161.

Чижевский А.А., Лыганов А.В., Кузьминых С.В. Маклашеевская культура // Энеолит и бронзовый век / Археология Волго-Уралья. Т. 2 / Под общ ред. А.Г. Ситдикова, отв. ред. А.А. Чижевский. Казань: ИА АН РТ, 2021. С. 601–637.

Халиков А.Х. Приказанская культура и ее роль в формировании ананьинской культуры // Труды IV Уральского археологического совещания / Ученые записки ПГУ. № 148 / Отв. ред. В.А. Оборин. Пермь: ПГУ, 1967. С. 7–28.

Халиков А.Х. Древняя история Среднего Поволжья. М.: Наука, 1969. 395 с.

Халиков А.Х. Волго-Камье в начале эпохи раннего железа (VIII–VI вв. до н. э.). М.: Наука, 1977. 264 с.

Халиков А.Х. Приказанская культура / САИ. Вып. В1–24. М.: Наука, 1980. 129 с.

Халикова Е.А. Второй Полянский могильник // Труды IV Уральского археологического совещания / Ученые записки ПГУ. № 148/ Отв. ред. В.А. Оборин. Пермь: ПГУ, 1967. С. 116–132.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АКИО – ананьинской культурно-исторической область

АН РТ – Академия наук Республики Татарстан

ИА АН РТ – Институт археологии им. А.Х. Халикова Академии наук Республики Татарстан

ИИ АНТ – Институт истории им. Ш. Марджани Академии наук Татарстана

ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова – Институт языка, литературы и истории им. Г. Ибрагимова

КФАН СССР – Казанский филиал Академии наук СССР

МарГУ – Марийский государственный университет

ПГУ – Пермский государственный университет

РА – Российская археология

РАЭ – Раннеболгарская археологическая экспедиция

СА – Советская археология

САИ – Свод археологических источников

ИЛЛЮСТРАЦИИ

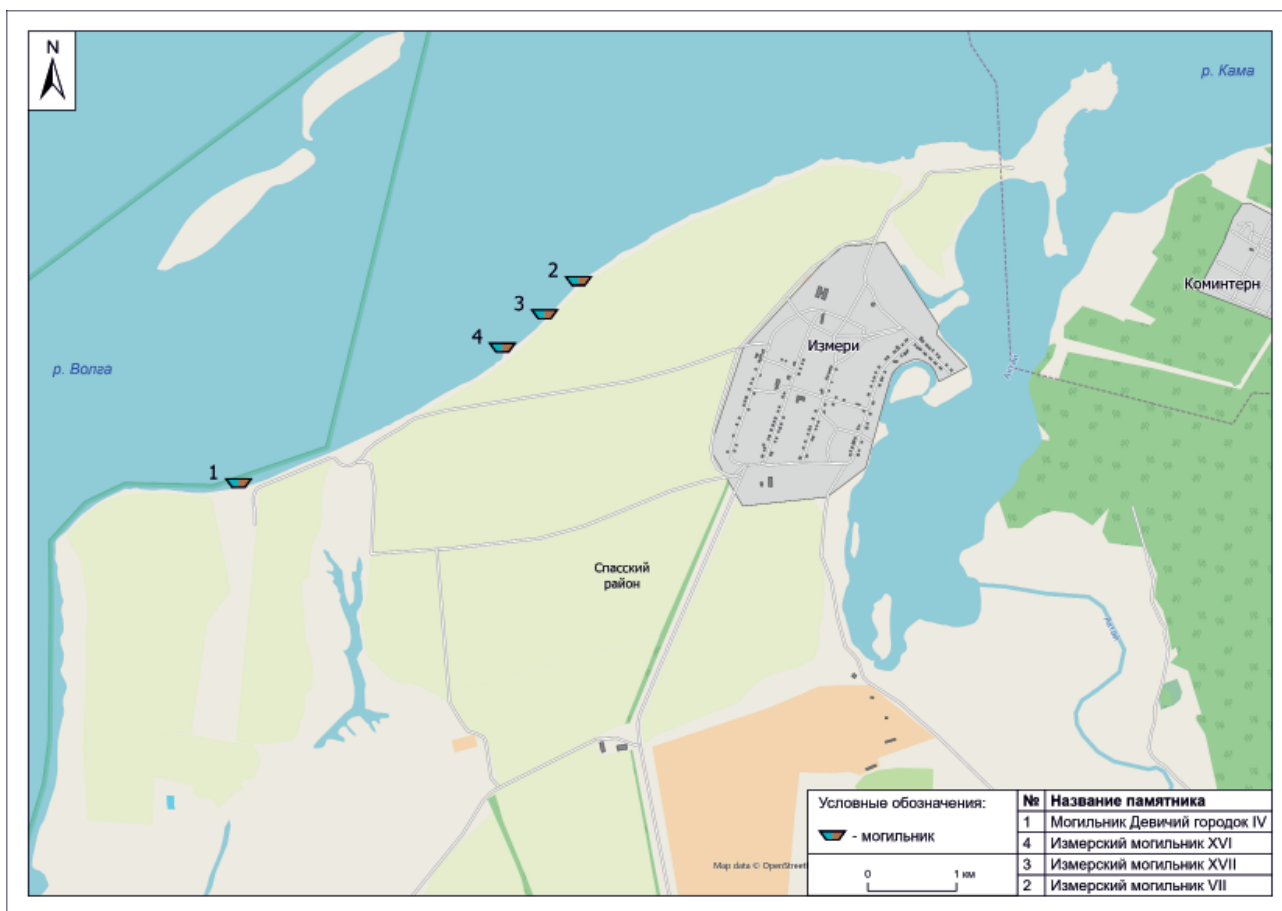

Рис. 1. План местности с месторасположением могильников Девичий городок IV, Измерский VII, XVI–XVII до образования Куйбышевского водохранилища.

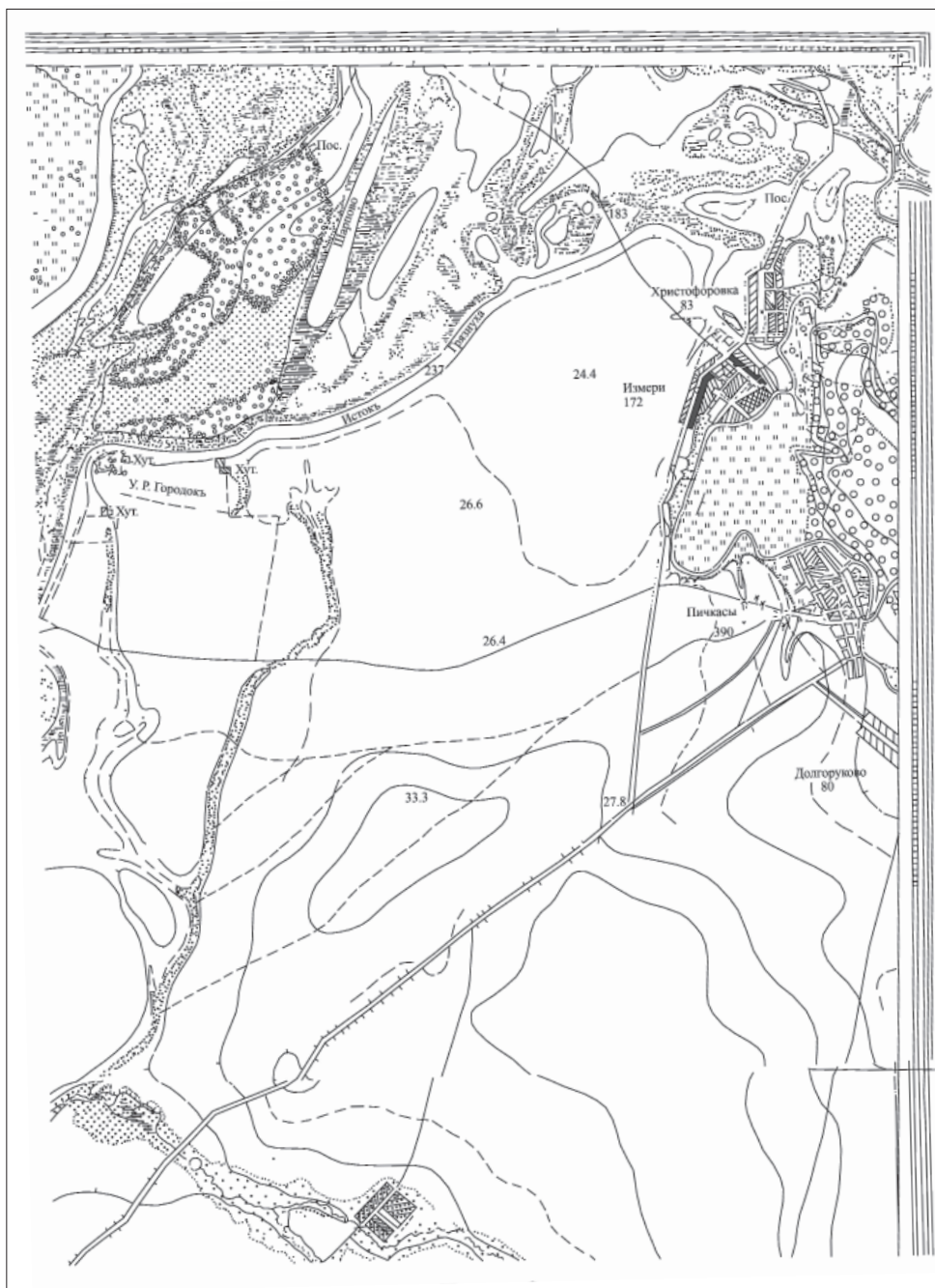

Рис. 2. Береговая линия до наполнения Куйбышевского водохранилища на топографической карте.

Рис. 3. Отвесный береговой обрыв.

Рис. 4. Археологическое обследование берегового обрыва.

Рис. 5. Процесс археологических работ на могильнике Девичий городок IV.

Рис. 6. Раскопки могильника Девичий городок IV.

Рис. 7. Начало археологических работ на могильнике Девичий городок IV. Вид с юга.

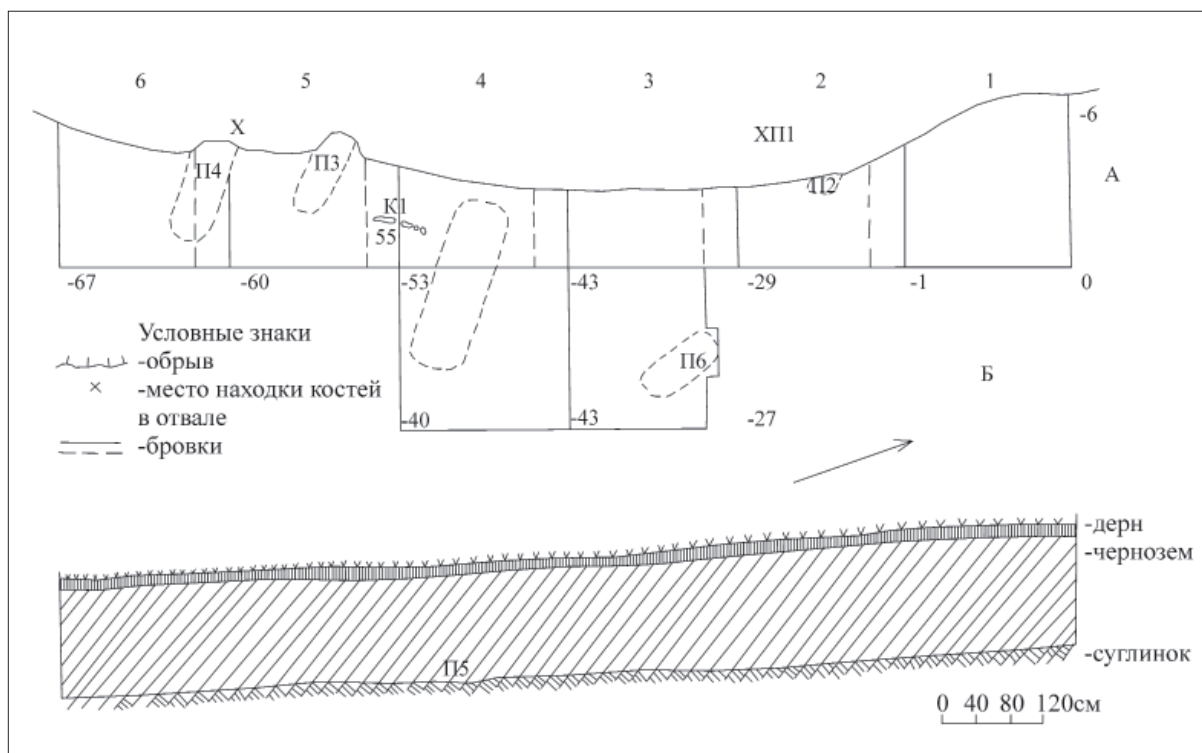

Рис. 8. Девичий городок IV, план раскопа I с контурами погребений № 1–6 и стратиграфия участка.

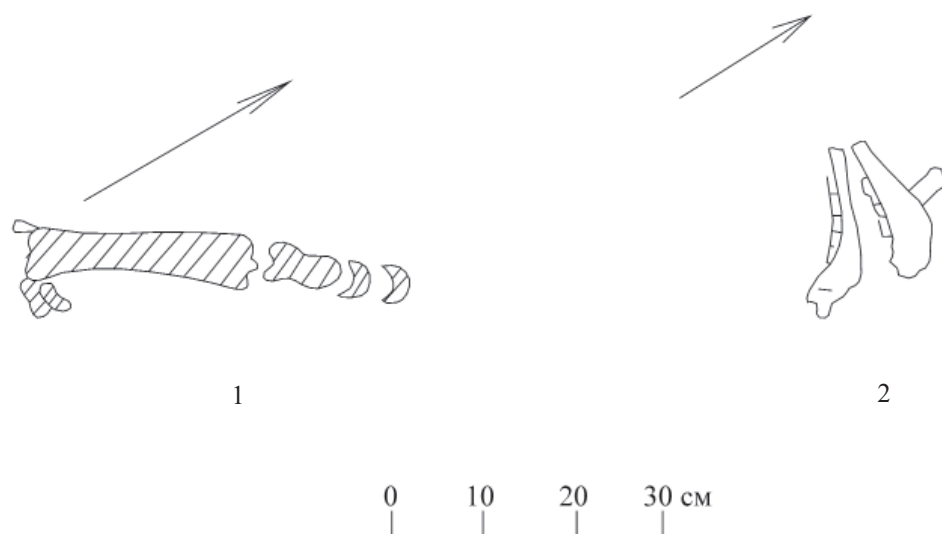

Рис. 9. Девичий городок IV, поминальные комплексы: 1 – комплекс 1, раскоп 1, глубина 55 см (кость лошади); 2 – раскоп II, участок Д2, глубина 40 см (челюсть барана).

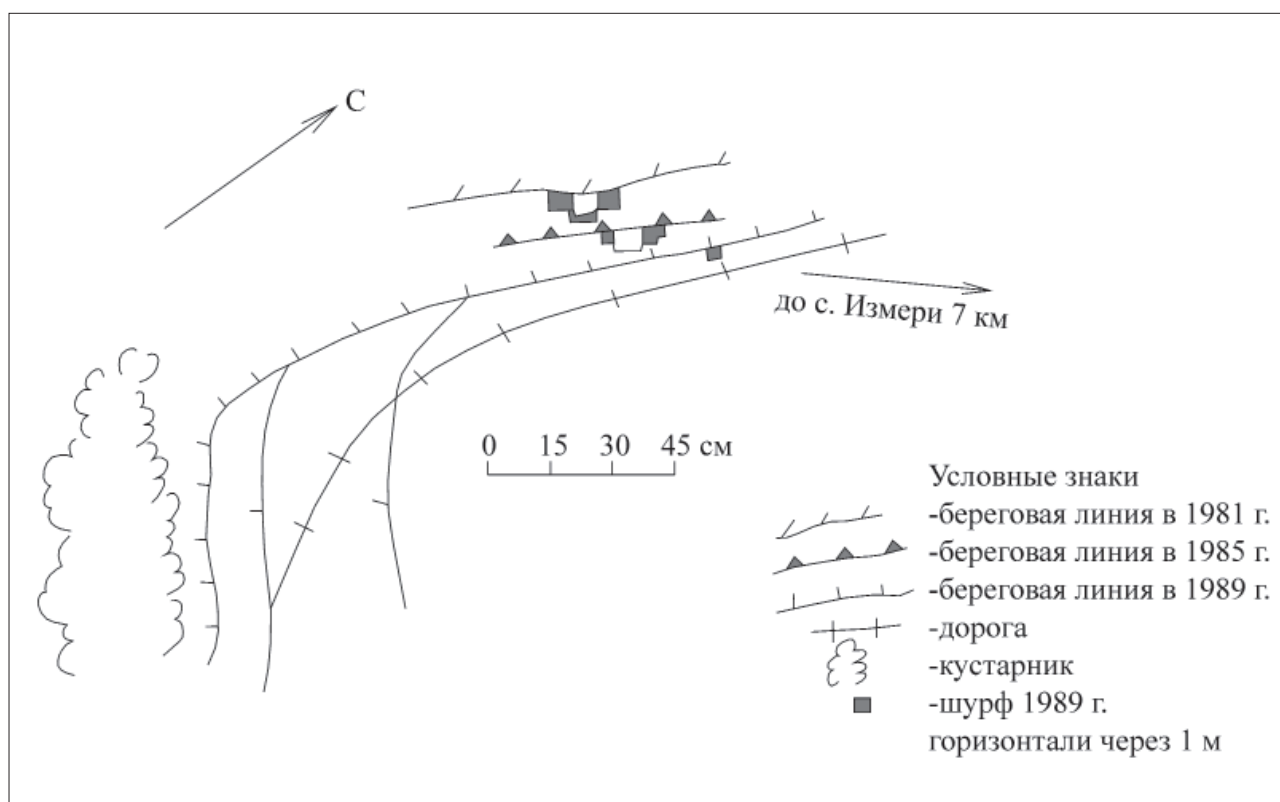

Рис. 10. Девичий городок IV, план памятника с месторасположением раскопов I, II и шурфа. Динамика разрушения берега с 1981 по 1989 гг.

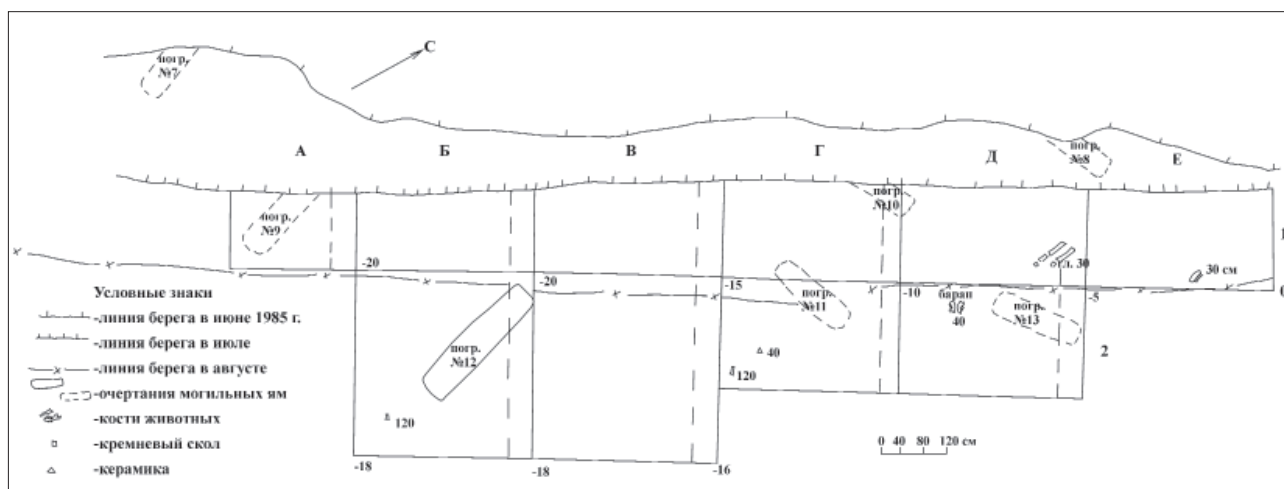

Рис. 11. Девичий городок IV, план раскопа II с контурами погребений № 7–13.

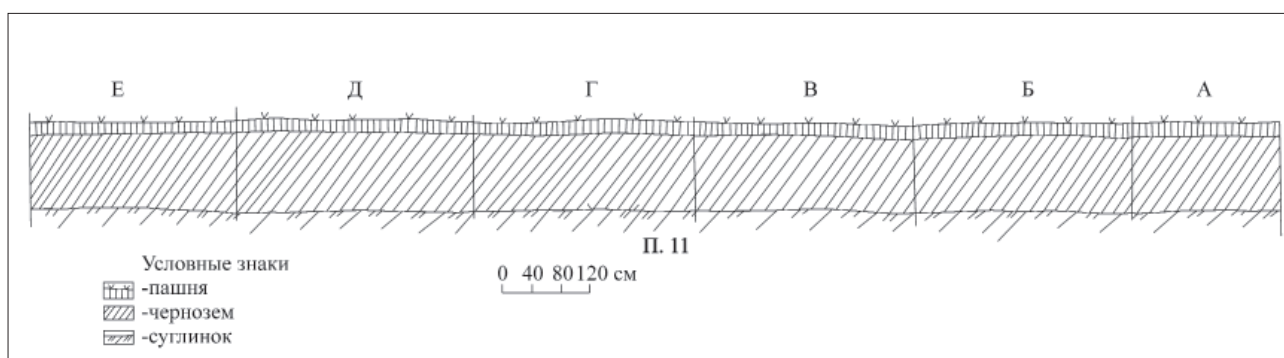

Рис. 12. Девичий городок IV, профиль юго-восточной стенки раскопа II.

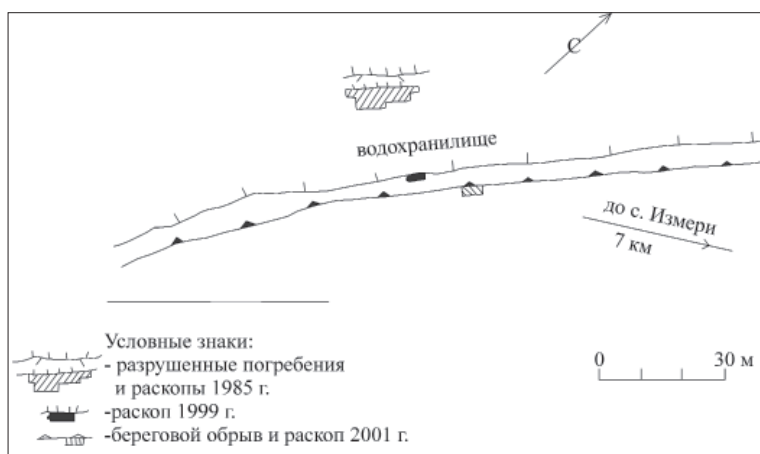

Рис. 13. Местонахождение раскопов 1985, 1999 и 2001 гг. на могильнике Девичий городок IV.

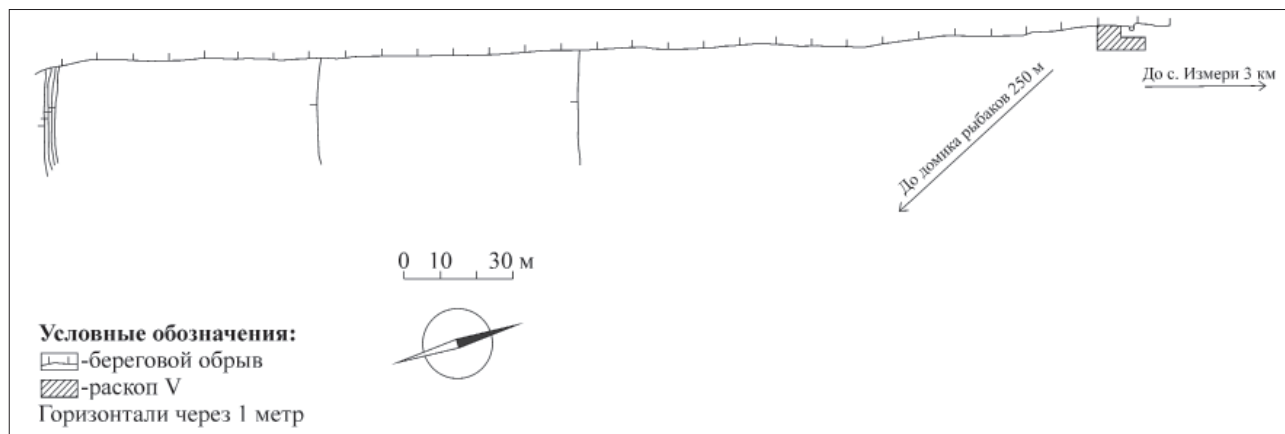

Рис. 14. Девичий городок IV, план береговой линии по состоянию на 2004 г. с месторасположением раскопа V.

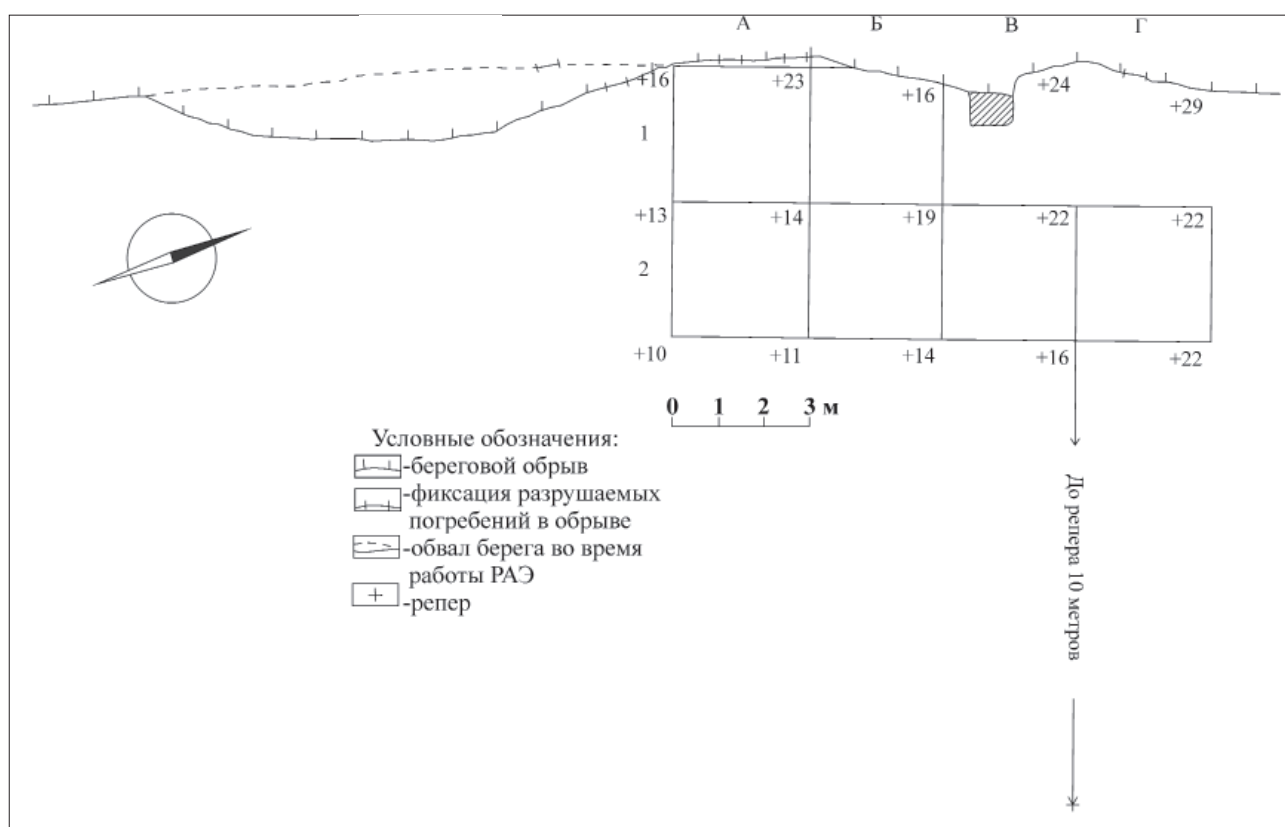

Рис. 15. Девичий городок IV, нивелировочные отметки дневного уровня раскопа V.

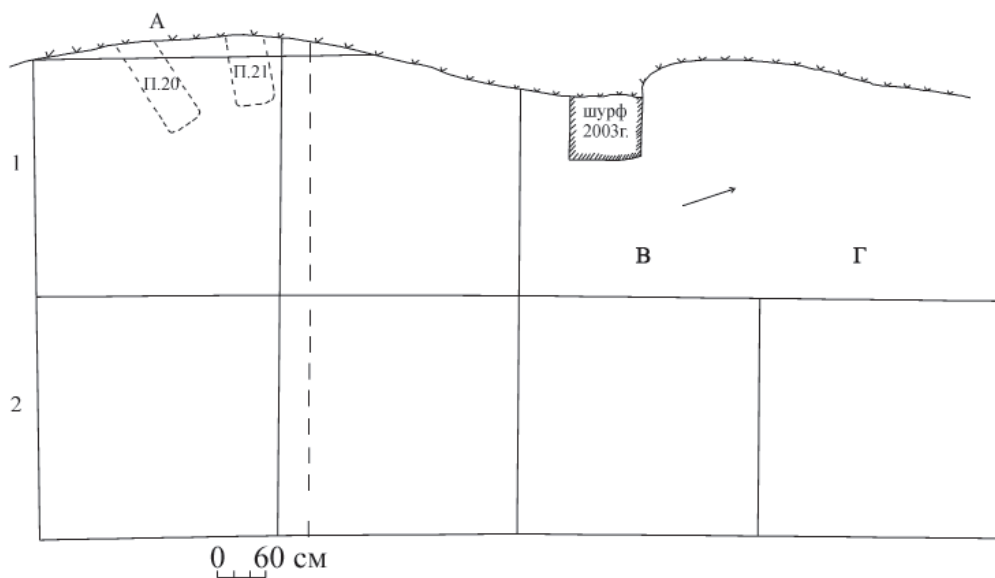

Рис. 16. Девичий городок IV, план раскопа V.

Рис. 17. Девичий городок IV, процесс разрушения клифа и обрушение погребений.

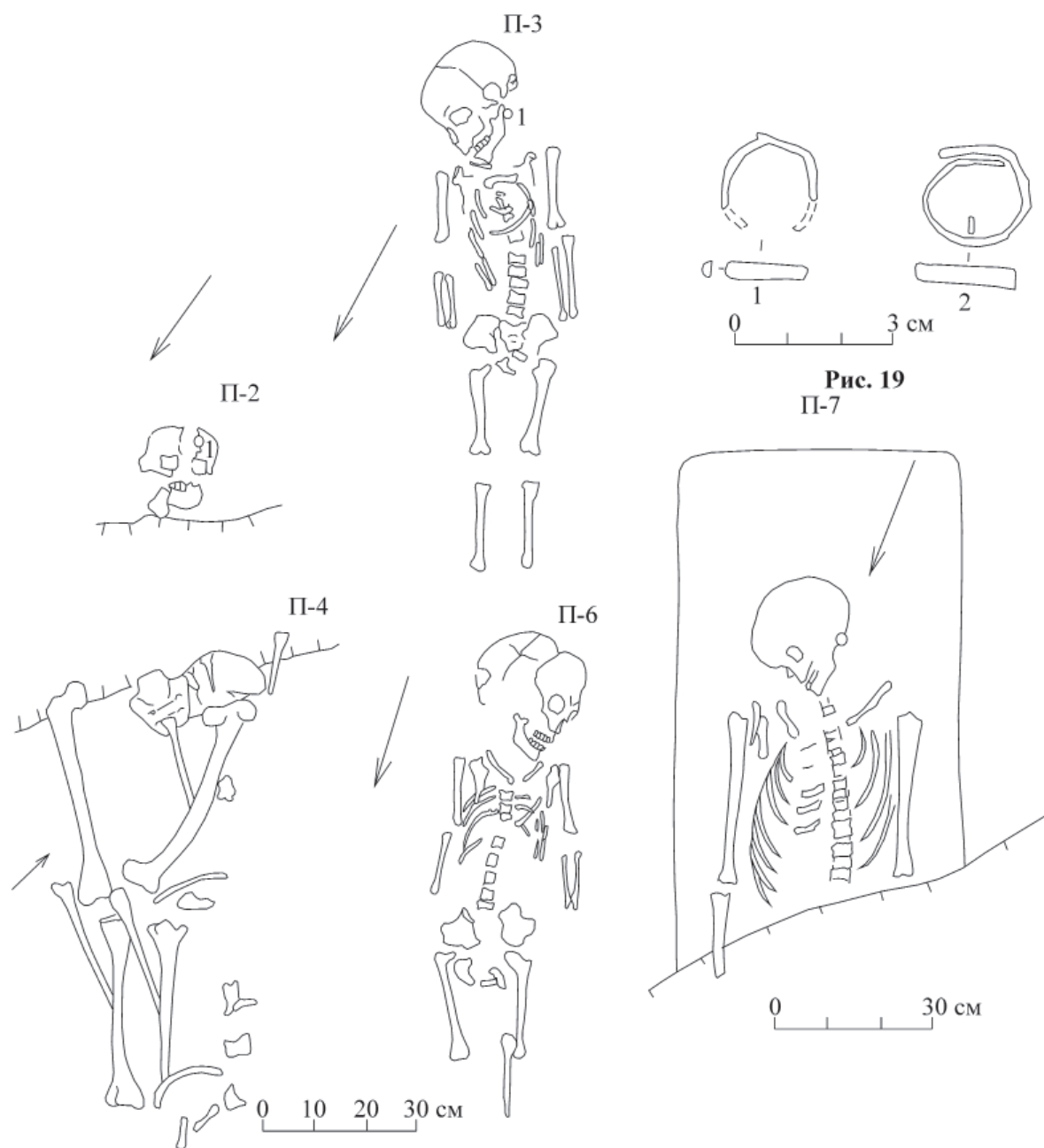

Рис. 18. Девичий городок IV, раскопы I, II, план погребений № 2–4, 6–7.

Рис. 19. 1–2 – бронзовые подвески (погребение 6).

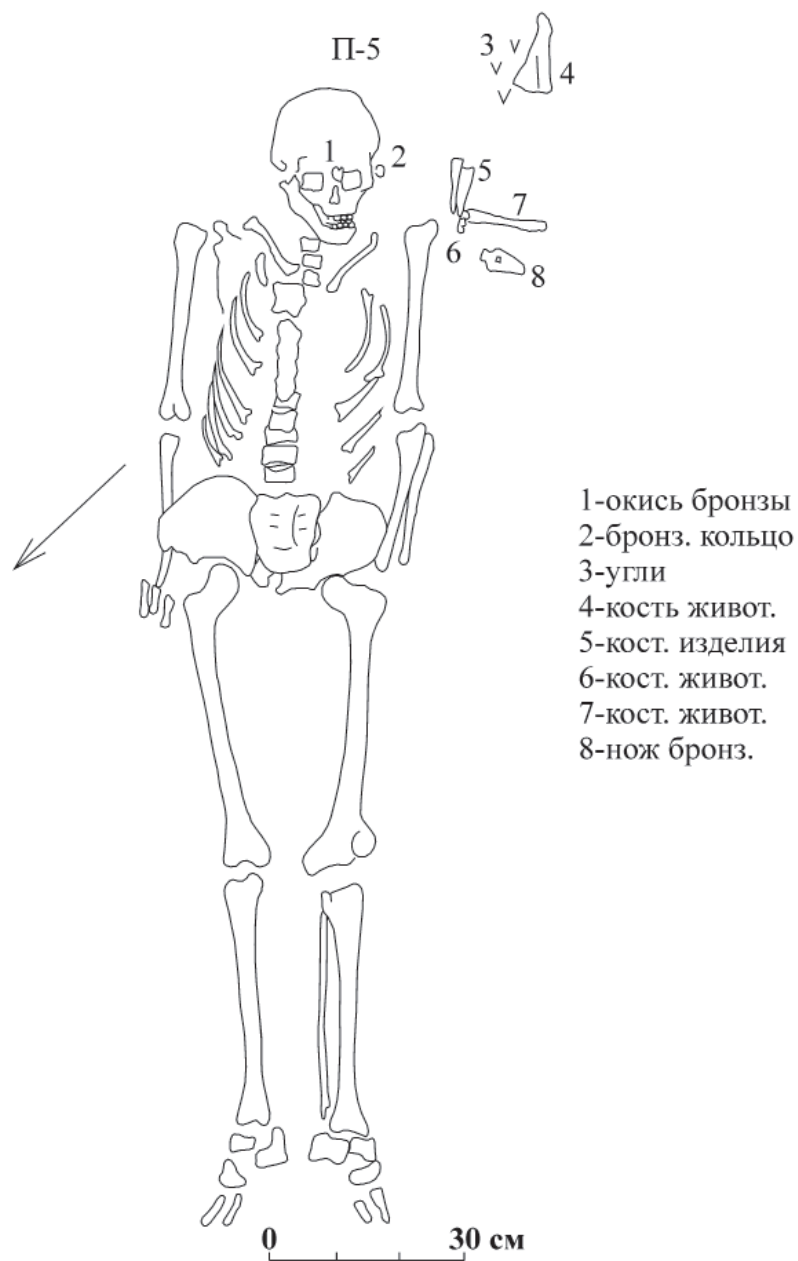

Рис. 20. Девичий городок IV, раскоп I, план погребения № 5.

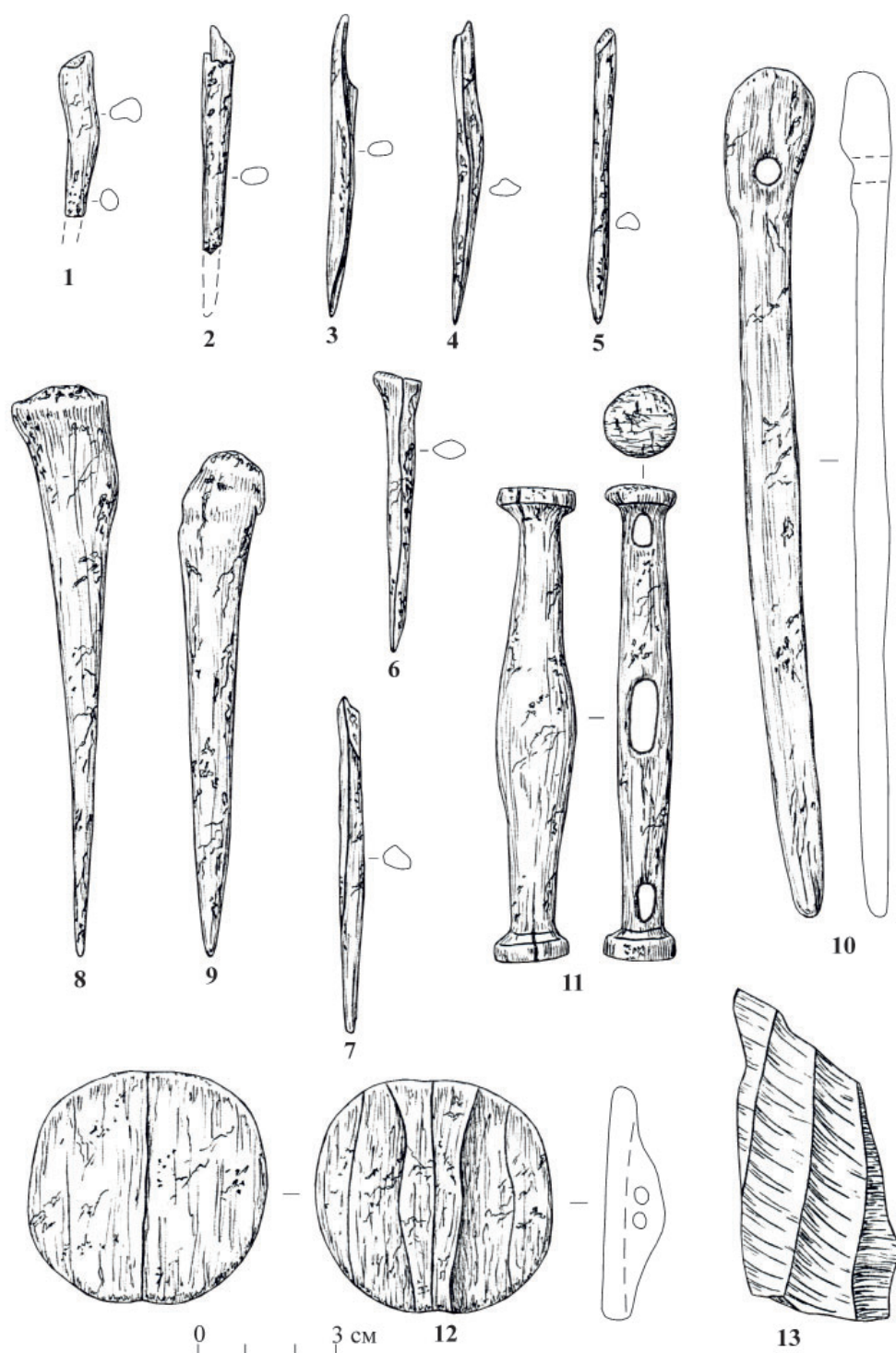

Рис. 21. Девичий городок IV, раскопы I–III, находки: 1–3, 8–10 – комплекс вещей из погребения № 5; 4–7 – предметы из погребения № 10; 11–12 – предметы из погребения № 9; 13 – кремневое изделие из погребения № 14 (1–12 – кость; 13 – кремль).

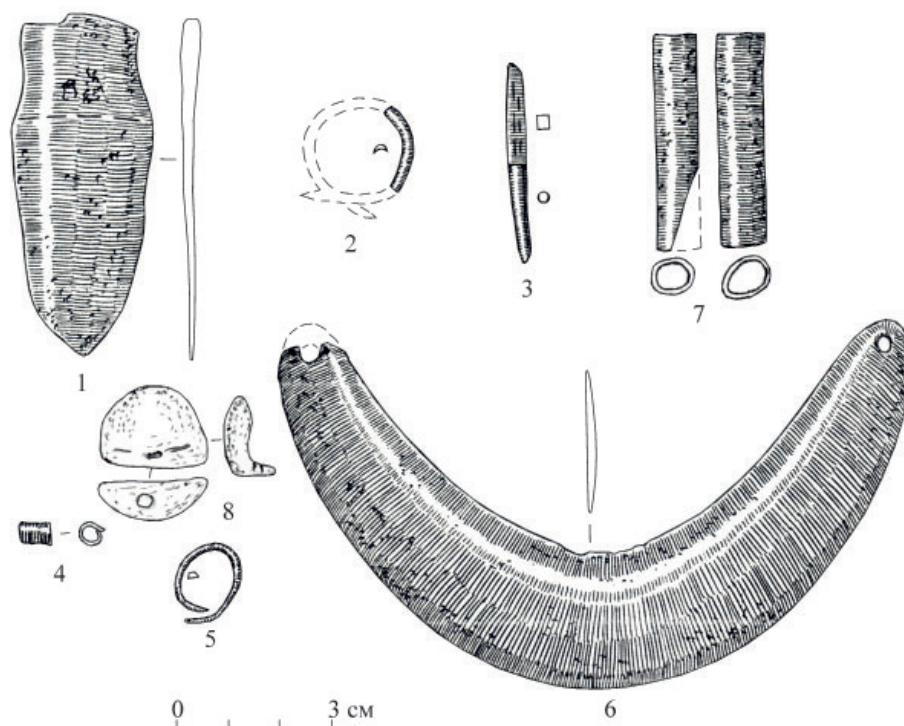

Рис. 22. Девичий городок IV, раскопы I–III, вещевые комплексы: 1 – нож из погребения № 5; 2, 4–5, 7–8 – предметы из погребения № 14; 3 – шило из погребения № 13; 6 – гривна из погребения № 8 (7–8 – кость; остальное бронза).

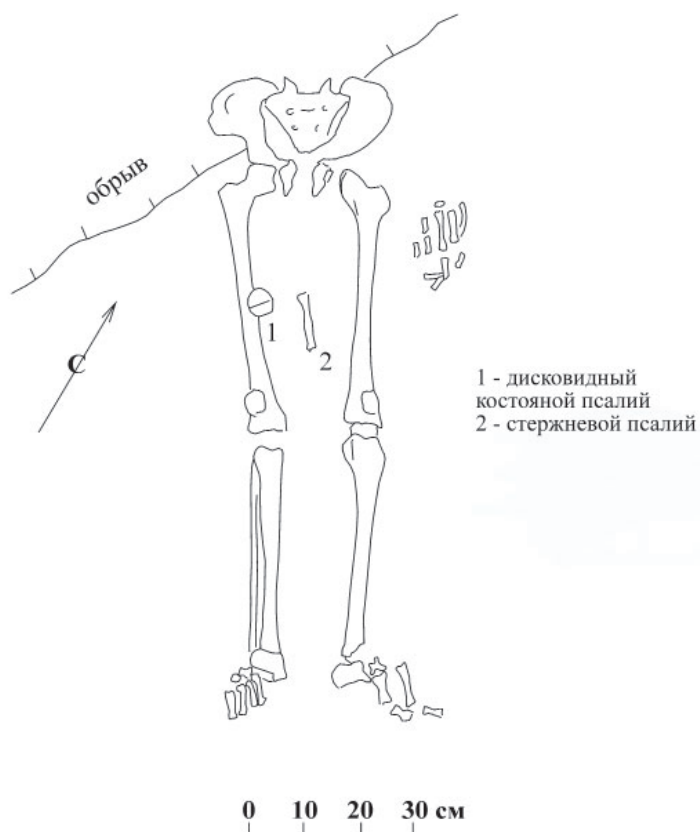

Рис. 23. Девичий городок IV, раскоп II, план погребения № 9, участок А/1, глубина 160 см

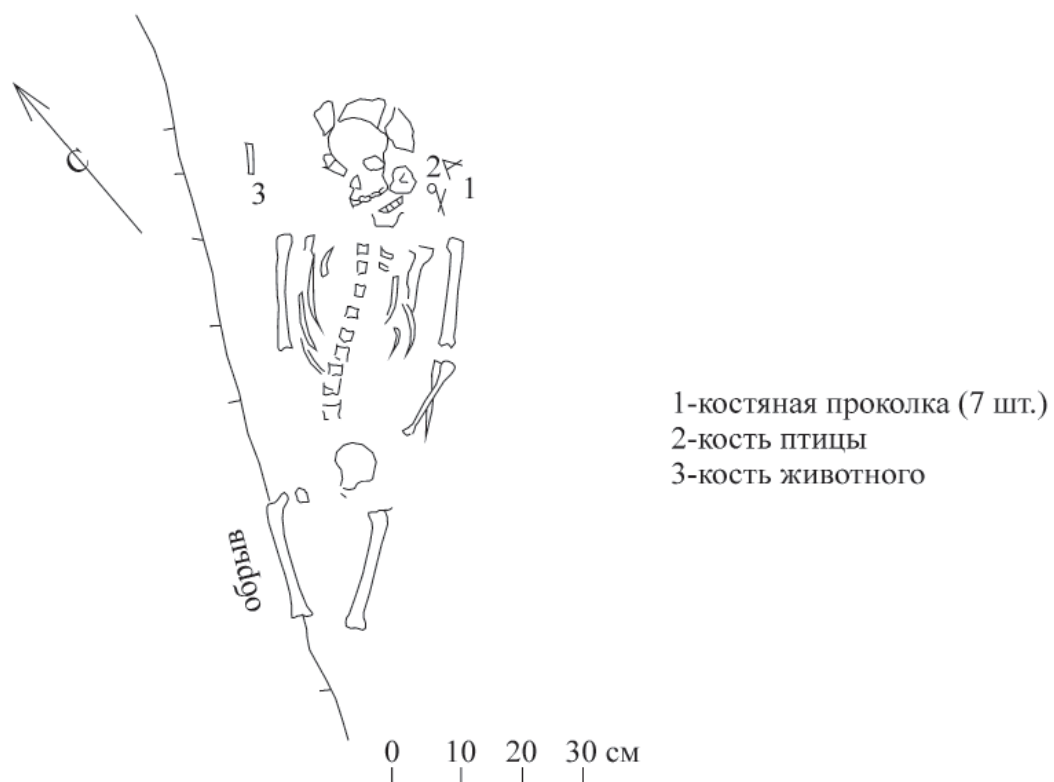

Рис. 24. Девичий городок IV, раскоп II, план погребения № 10, участок Г/1, глубина 115 см

Рис. 25. Девичий городок IV, погребение № 10.

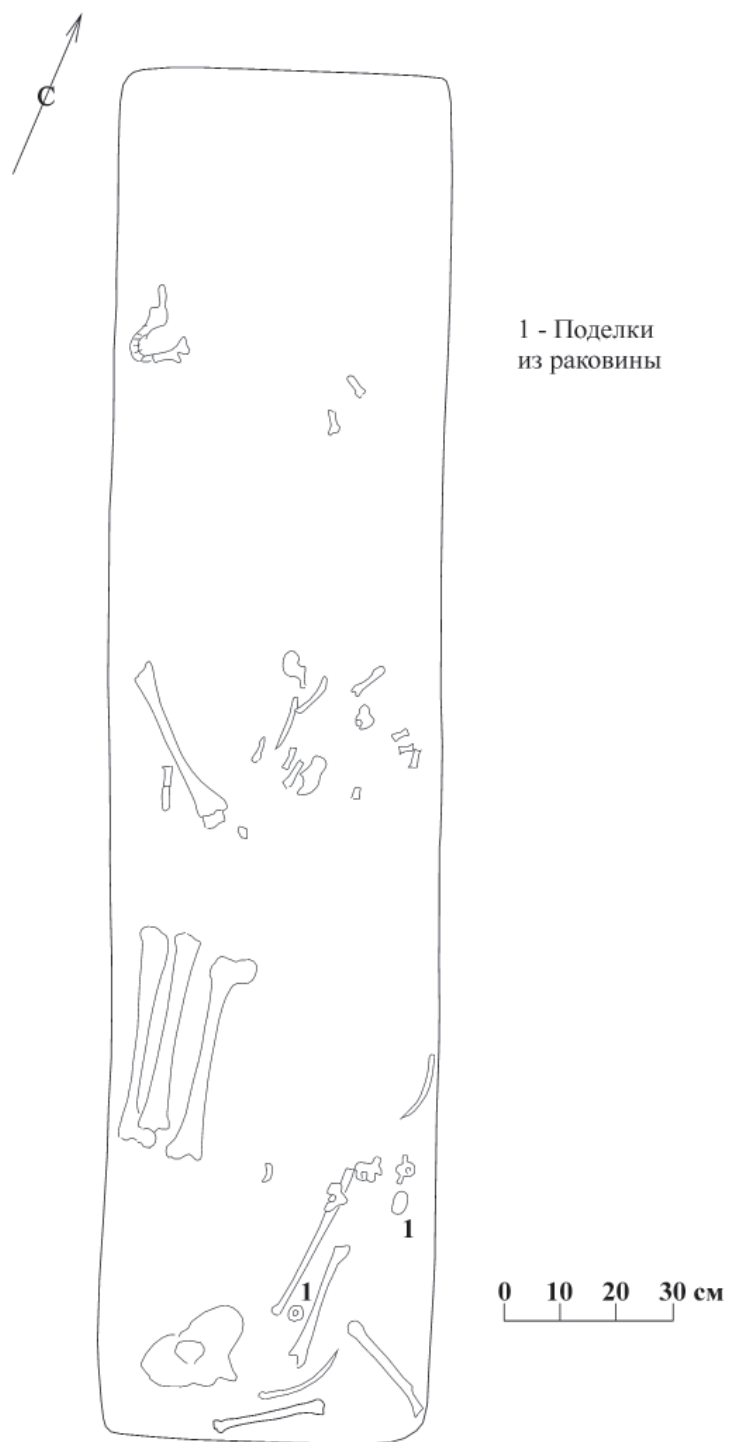

Рис. 26. Девичий городок IV, раскоп II, план погребения № 12, участок Б/2, глубина 150 см

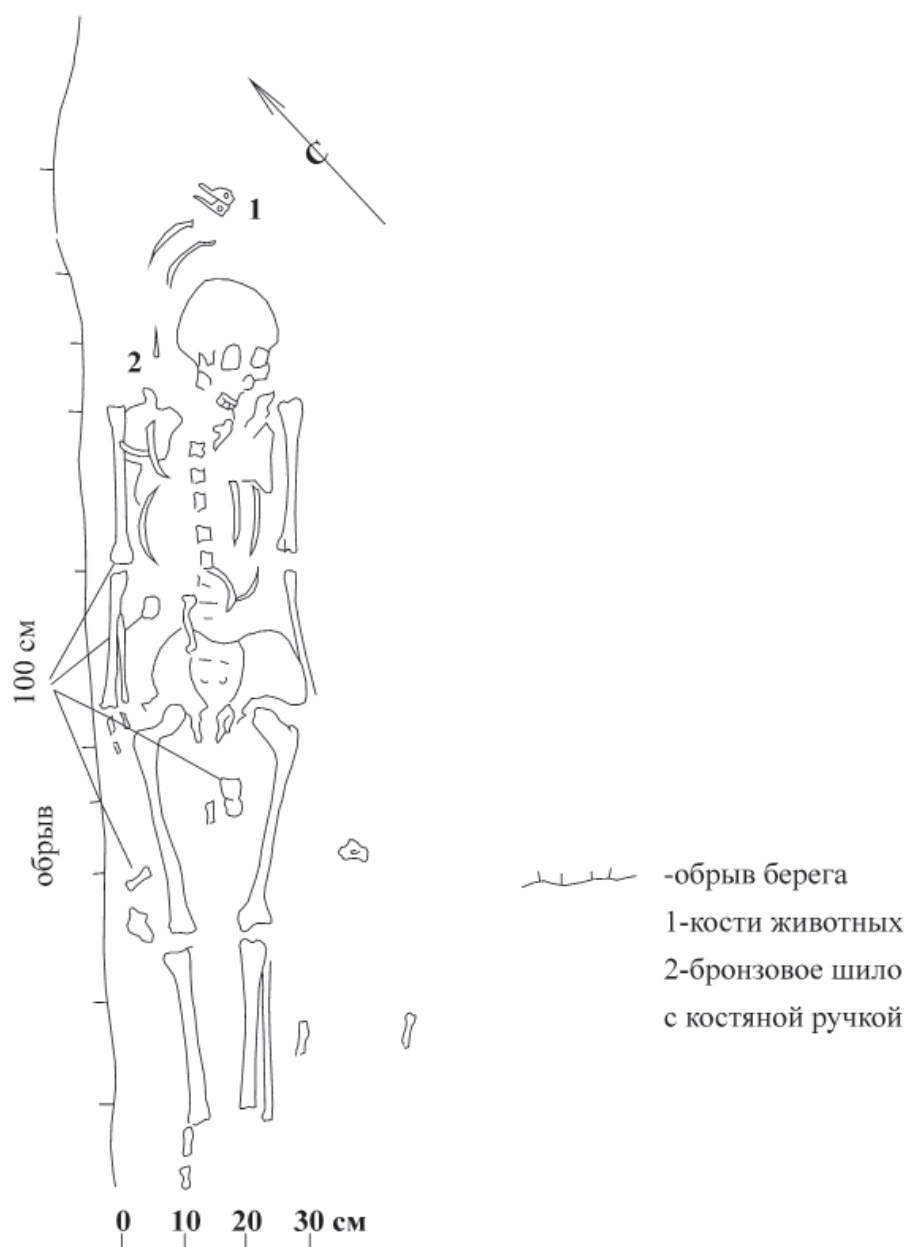

Рис. 27. Девичий городок IV, раскоп II, план погребения № 13, участок ДЕ/2, глубина 110 см

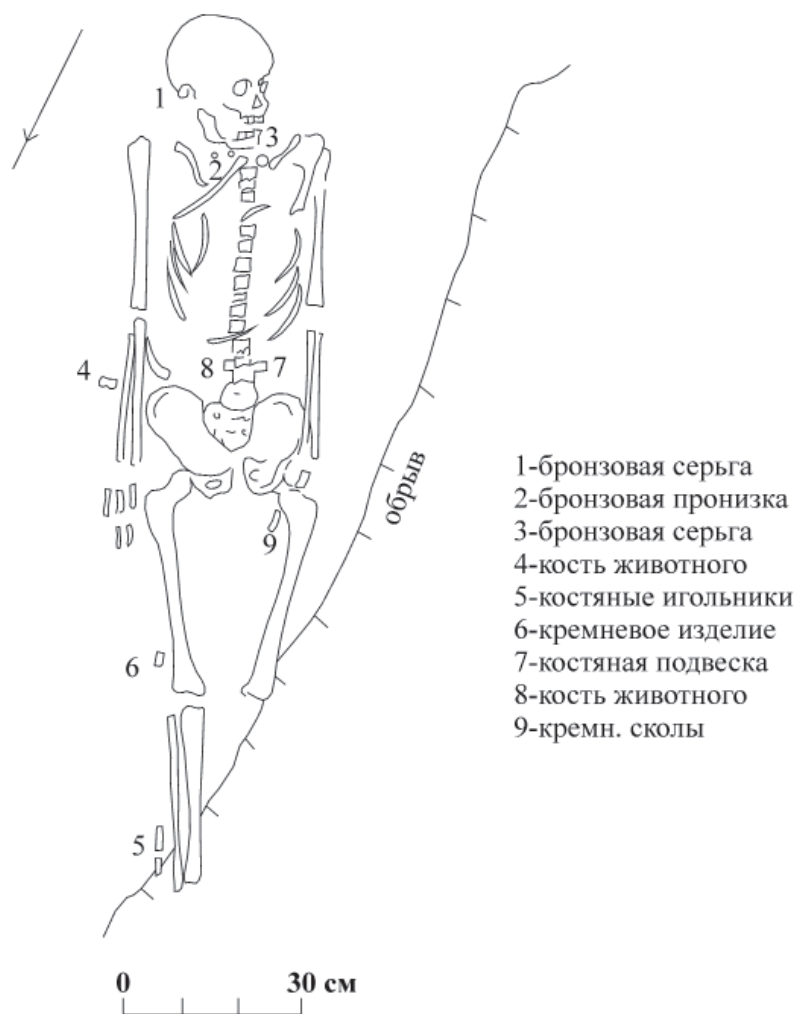

Рис. 28. Девичий городок IV, раскоп III, план погребения № 14, глубина 110 см

Рис. 29. Девичий городок IV, погребение № 14. Вид с юга.

Рис. 30. Девичий городок IV, разрушающаяся часть погребения № 15.

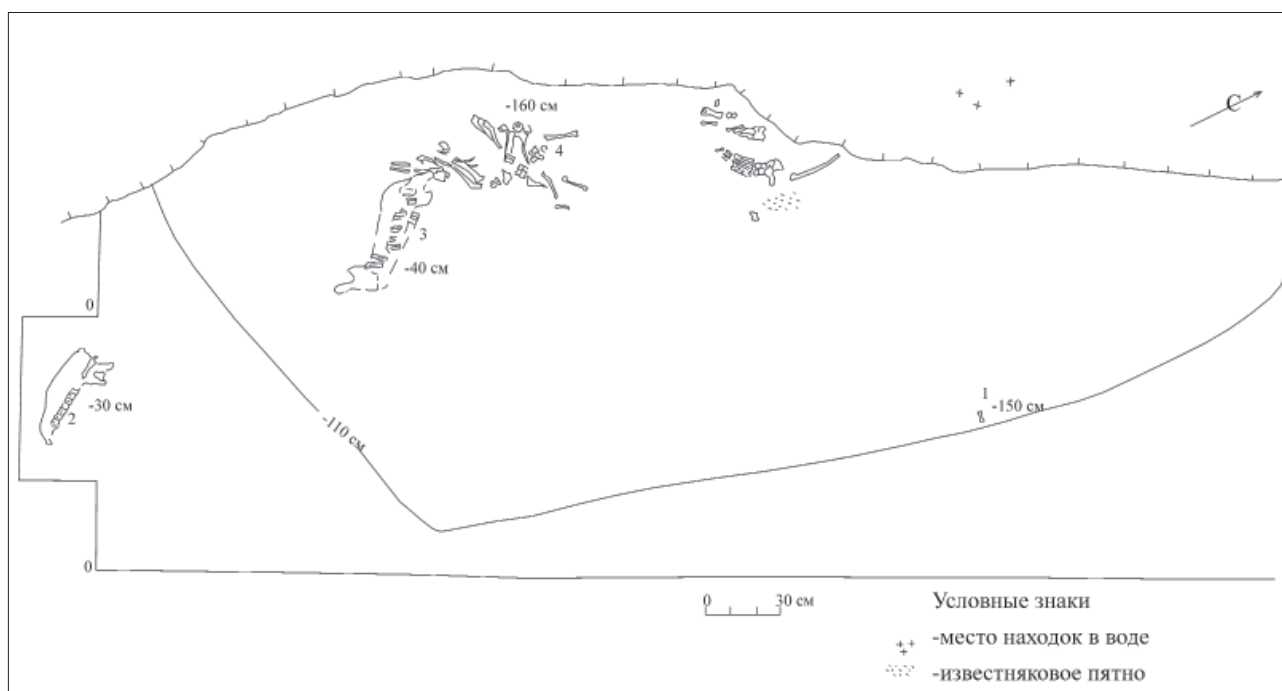

Рис. 31. Девичий городок IV, раскоп III, план погребения № 15, глубина 160 см

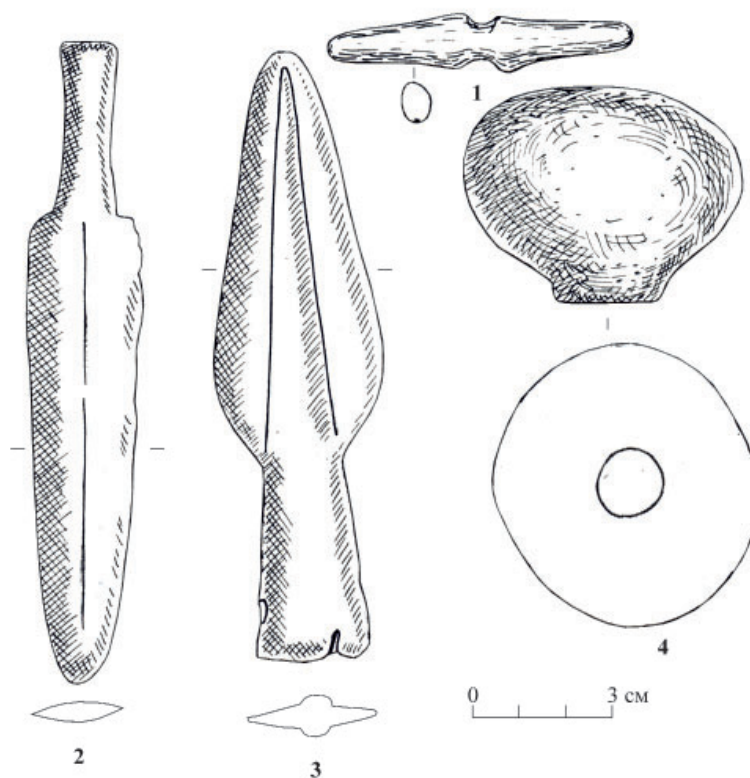

Рис. 32. Девичий городок IV, раскоп III, вещи из разрушенного погребения № 15 (1 – кость; 2–3 – бронза; 4 – диорит).

Рис. 33. Девичий городок IV, погребение № 15. Вид с юго-востока.

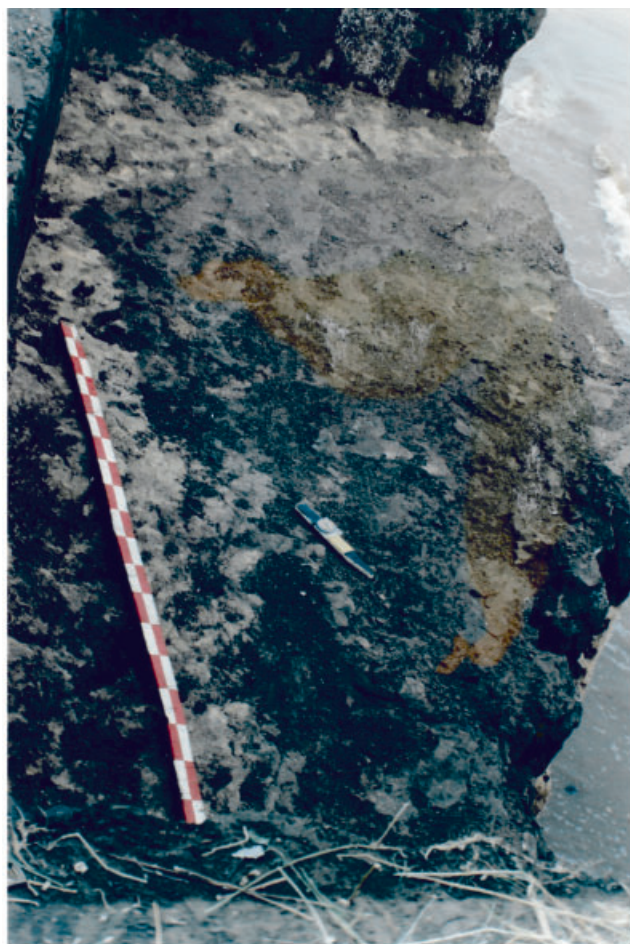

Рис. 34. Девичий городок IV,
погребение № 15, контуры могильной ямы.

Рис. 35. Девичий городок IV, процесс расчистки погребения № 15.

Рис. 36. Девичий городок IV, погребение № 15 после выборки. Вид с северо-востока.

Рис. 37. Девичий городок IV, жертвенный комплекс над погребением № 15. Вид с юго-запада.

Рис. 38. Девичий городок IV, следы погребения № 16 в обрыве.

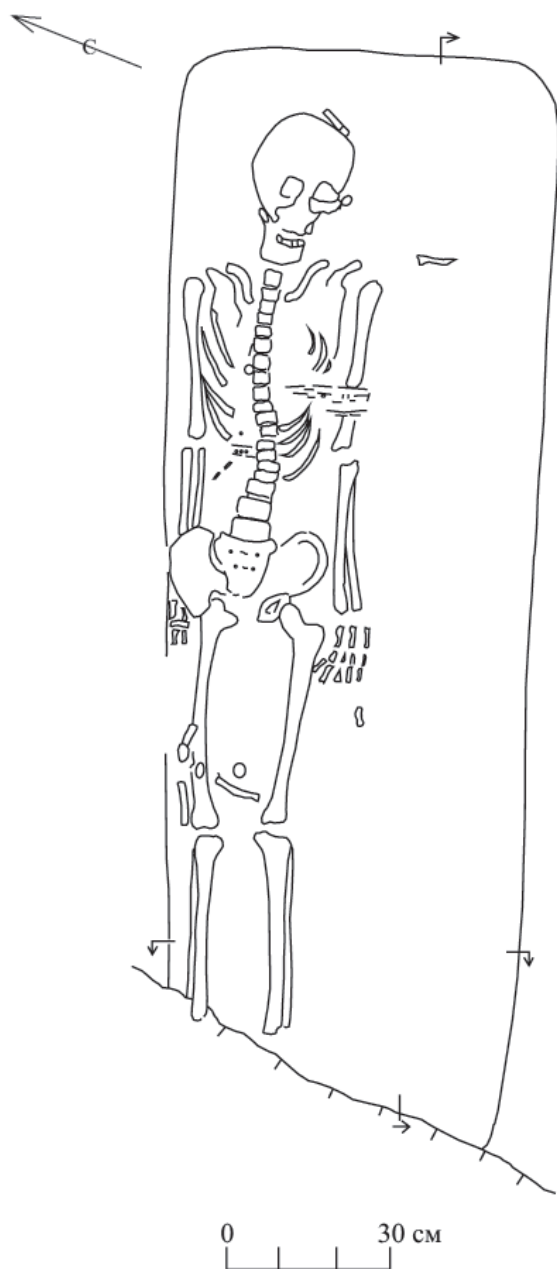

Рис. 39. Девичий городок IV, раскоп IV, план погребения № 16, глубина 175 см,

- 1-поделка костяная
- 2-нож бронзовый
- 3-поделка костяная
- 4-серьга бронзовая
- 5-серьга бронзовая
- 6-бусинка бронзовая

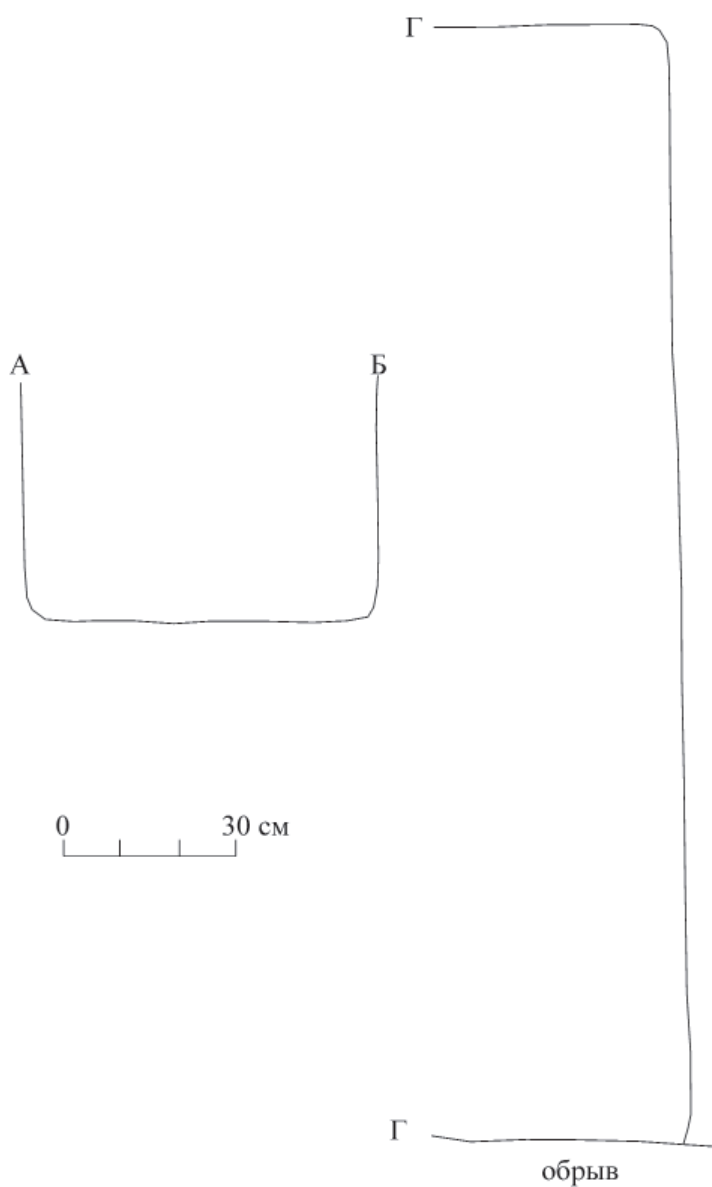

Рис. 40. Девичий городок IV, раскоп IV, профиль погребальной ямы № 16.

- 7-пронизка бронзовая
- 8-кольцо костяное
- 9-псалия костяная
- 10-кольцо костяное
- 11-псалия костяная
- 12-дерево

Рис. 41. Девичий городок IV, погребение № 16. Вид с запада – юго-запада.

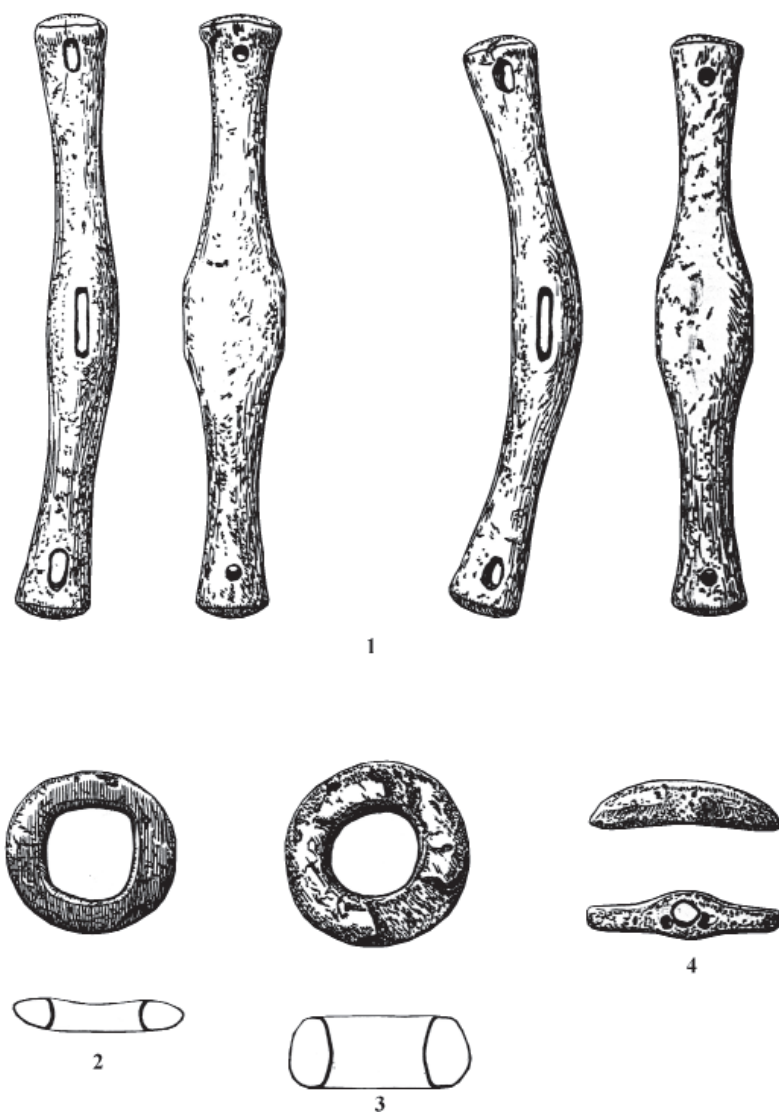

Рис. 42. Девичий городок IV, раскоп IV, костяные изделия из погребения № 16.

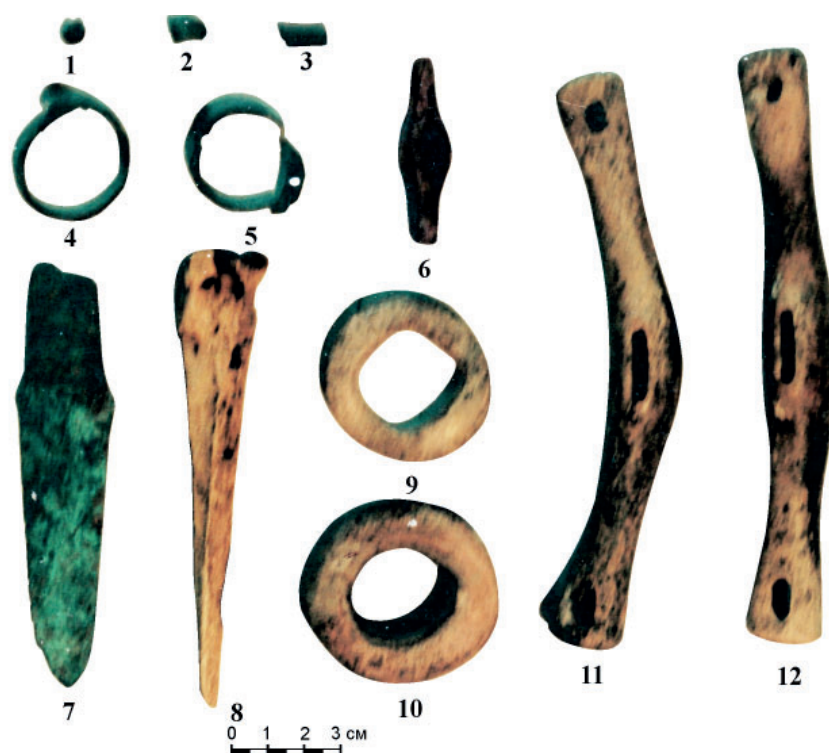

Рис. 43. Девичий городок IV, раскоп IV, вещи из погребения № 16 (1–6 – бронза; 7–12 – кость).

Рис. 44. Девичий городок IV, раскоп IV, план погребения № 18.

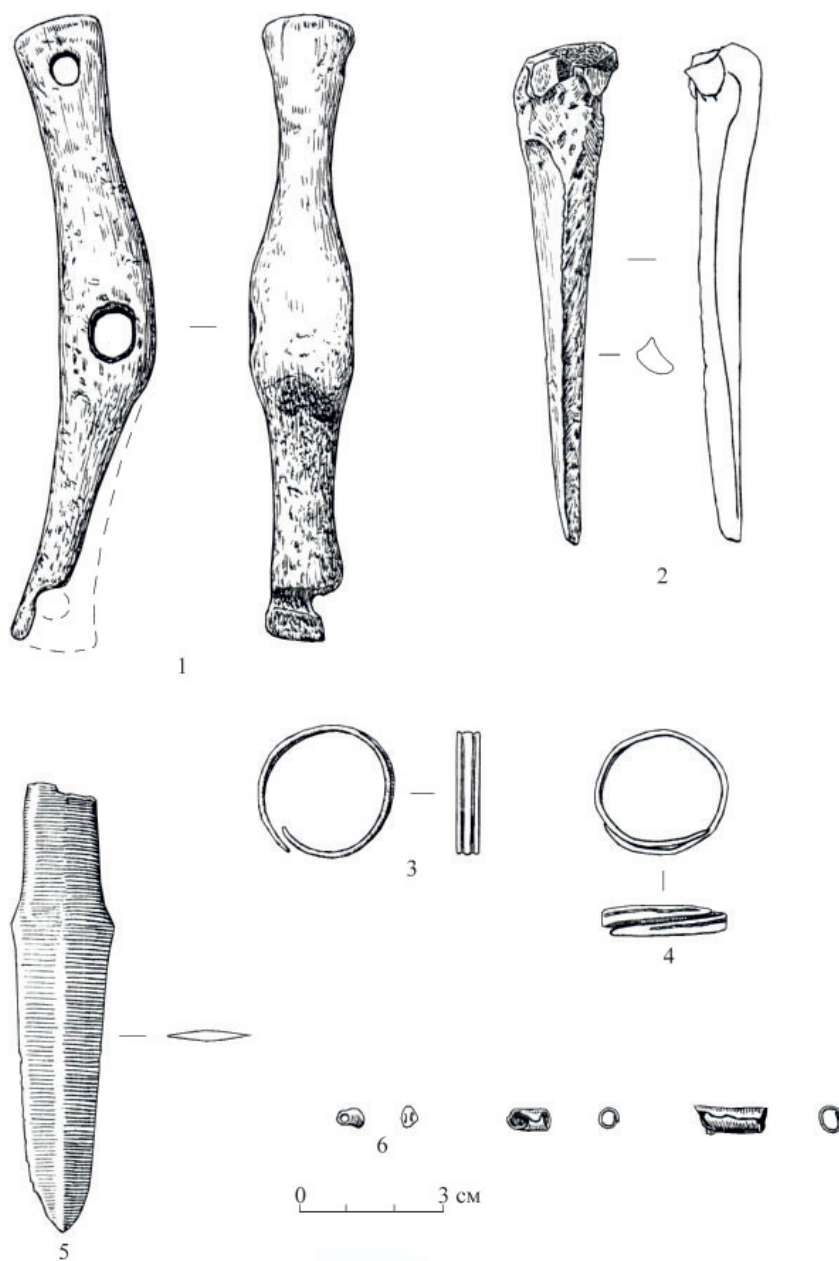

Рис. 45. Девичий городок IV, раскоп IV, погребение № 18, вещевой комплекс (1–2 – кость; 3–8 – бронза).

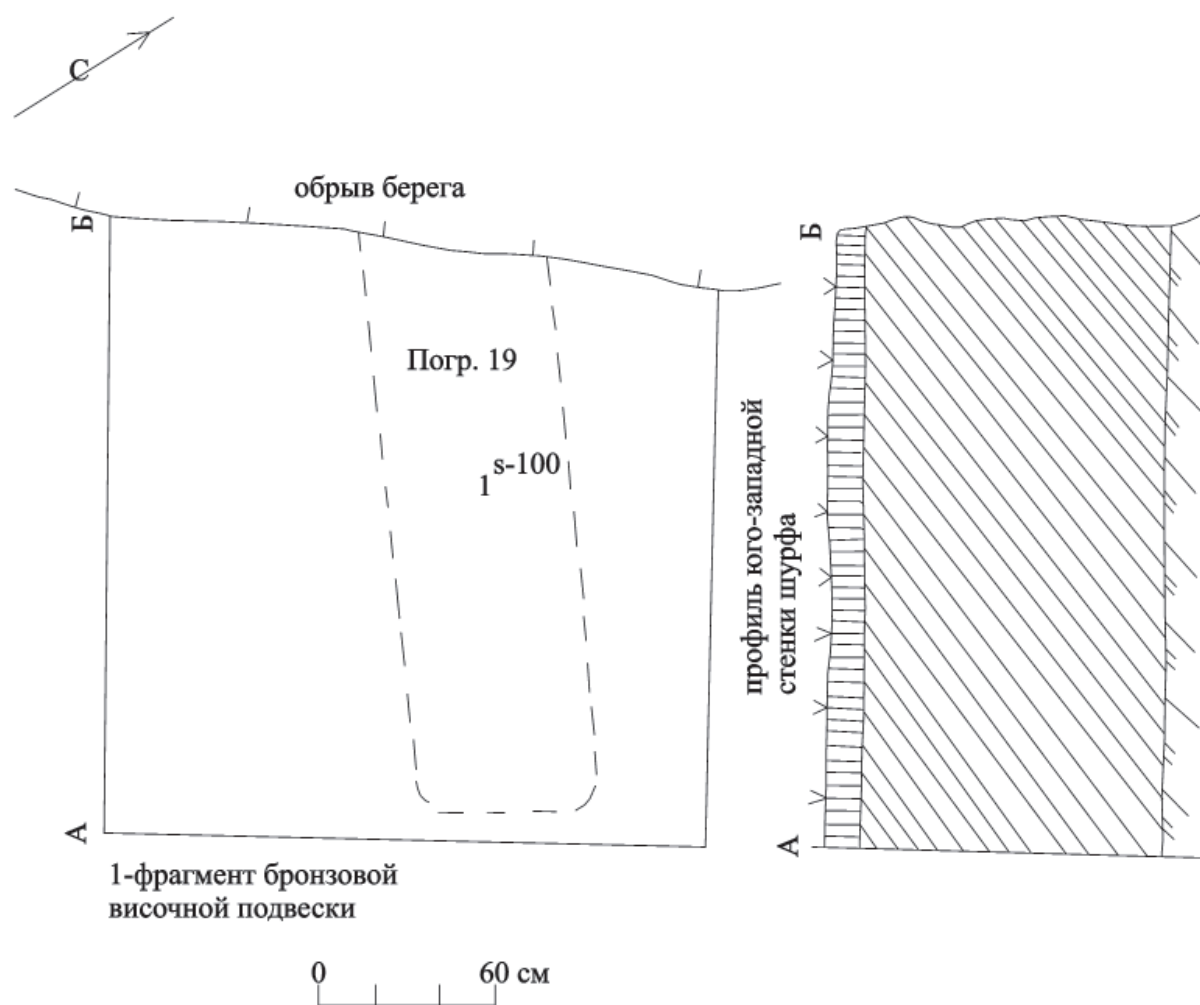

Рис. 46. Девичий городок IV, раскоп V, план шурфа на месте погребения № 19 и профиль юго-западной стенки.

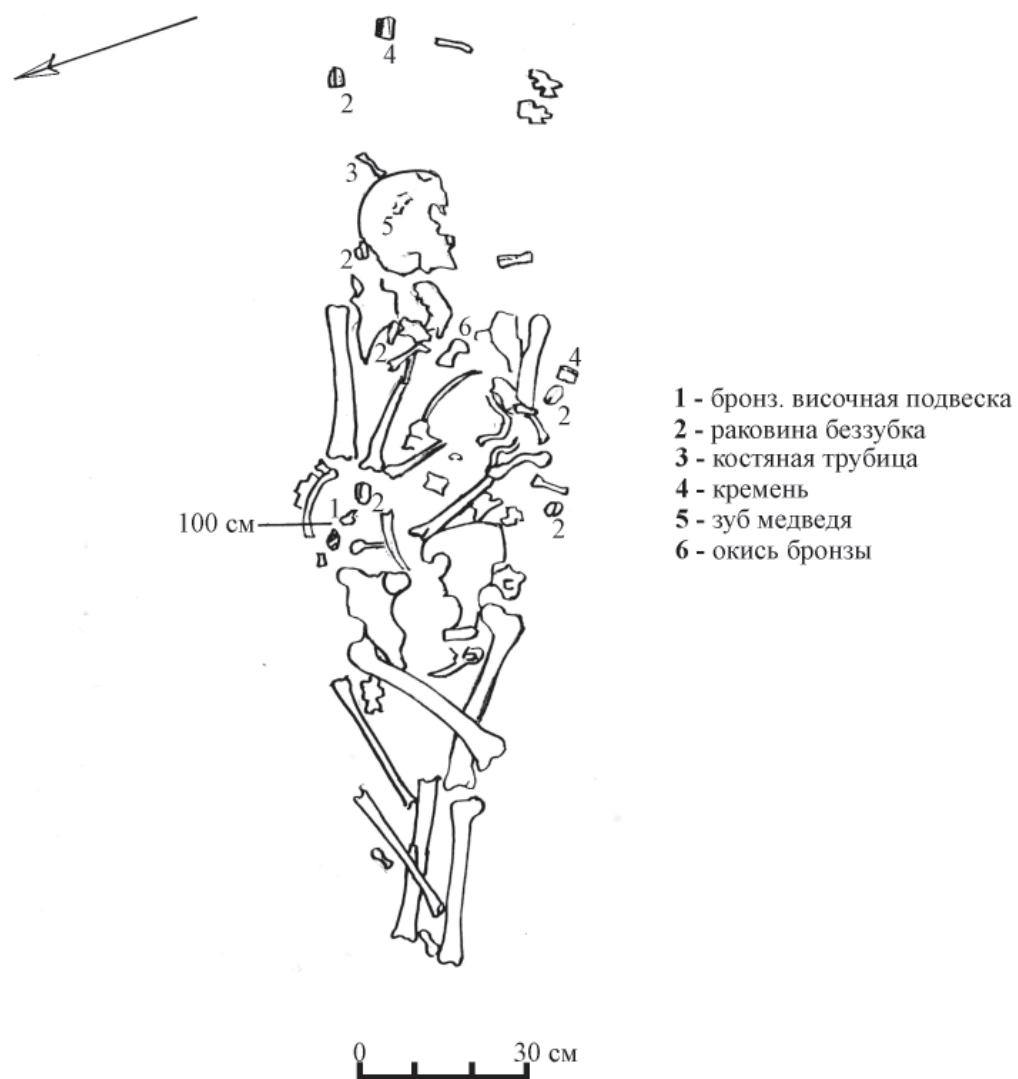

Рис. 47. Девичий городок IV, раскоп V, план погребения № 19, глубина 110 см

Рис. 48. Девичий городок IV, погребение № 19. Вид с юго-запада.

Рис. 49. Девичий городок IV, погребение № 19. Вид с северо-востока.

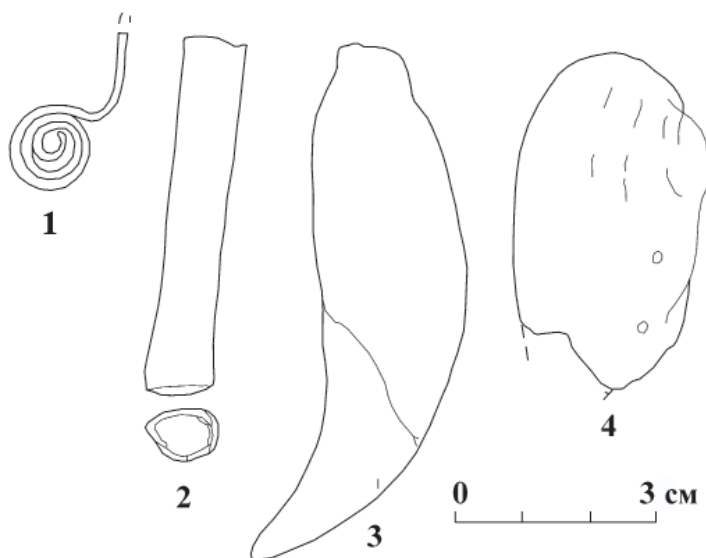
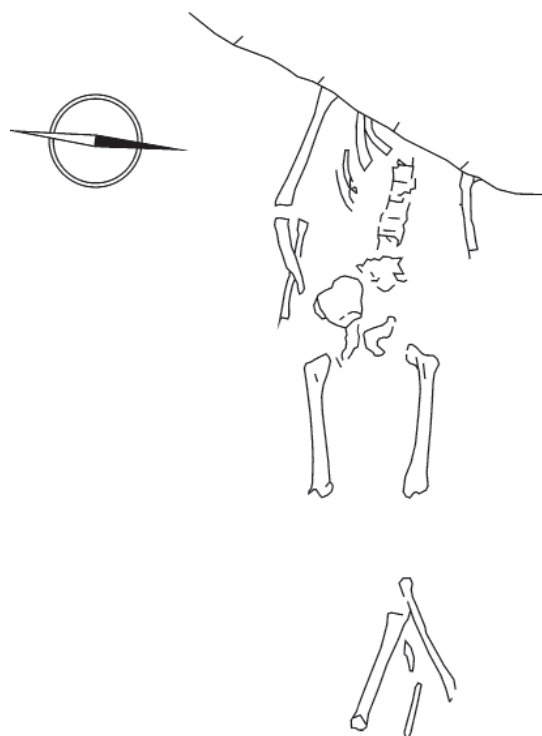

Рис. 50. Девичий городок IV, раскоп V, погребение № 19, вещевой комплекс (1 – бронза; 2–3 – кость; 4 – раковина).

Рис. 51. Девичий городок IV, раскоп V, план погребения № 20.

0 10 30 см

Рис. 52. Девичий городок IV, погребение № 20. Вид с юга – юго-востока.

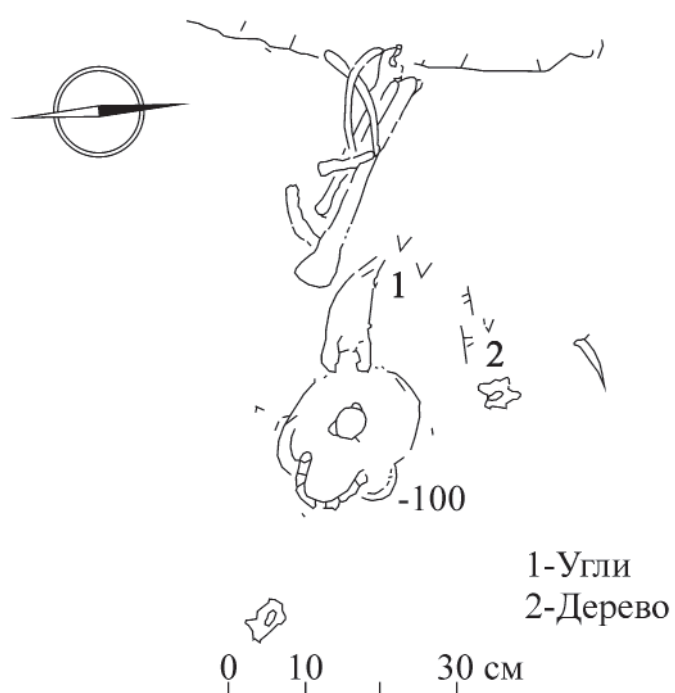

Рис. 53. Девичий городок IV, раскоп V, план погребения № 21 на глубине 100 см.

Рис. 54. Девичий городок IV, погребение № 21 на глубине 100 см. Вид с юга.

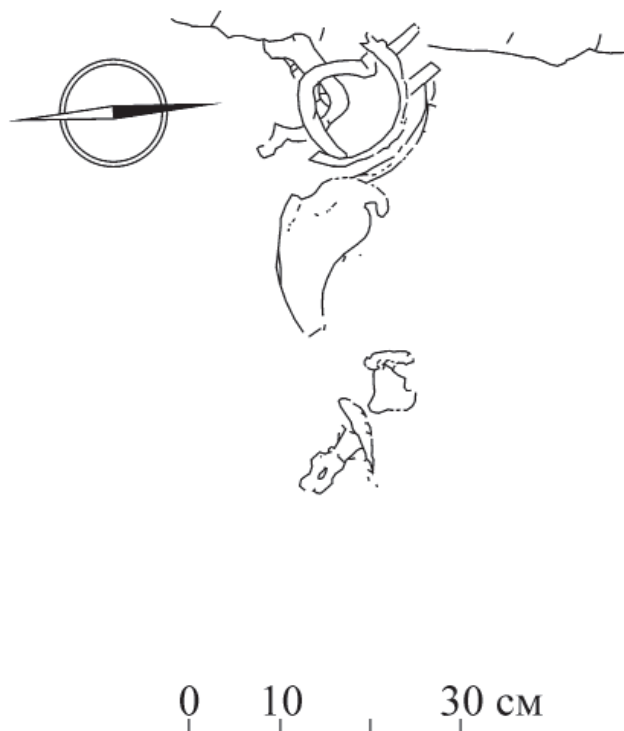

Рис. 55. Девичий городок IV, раскоп V, план погребения № 21 на глубине 110 см.

Рис. 56. Девичий городок IV, погребение № 21 на глубине 110 см. Вид с юга.

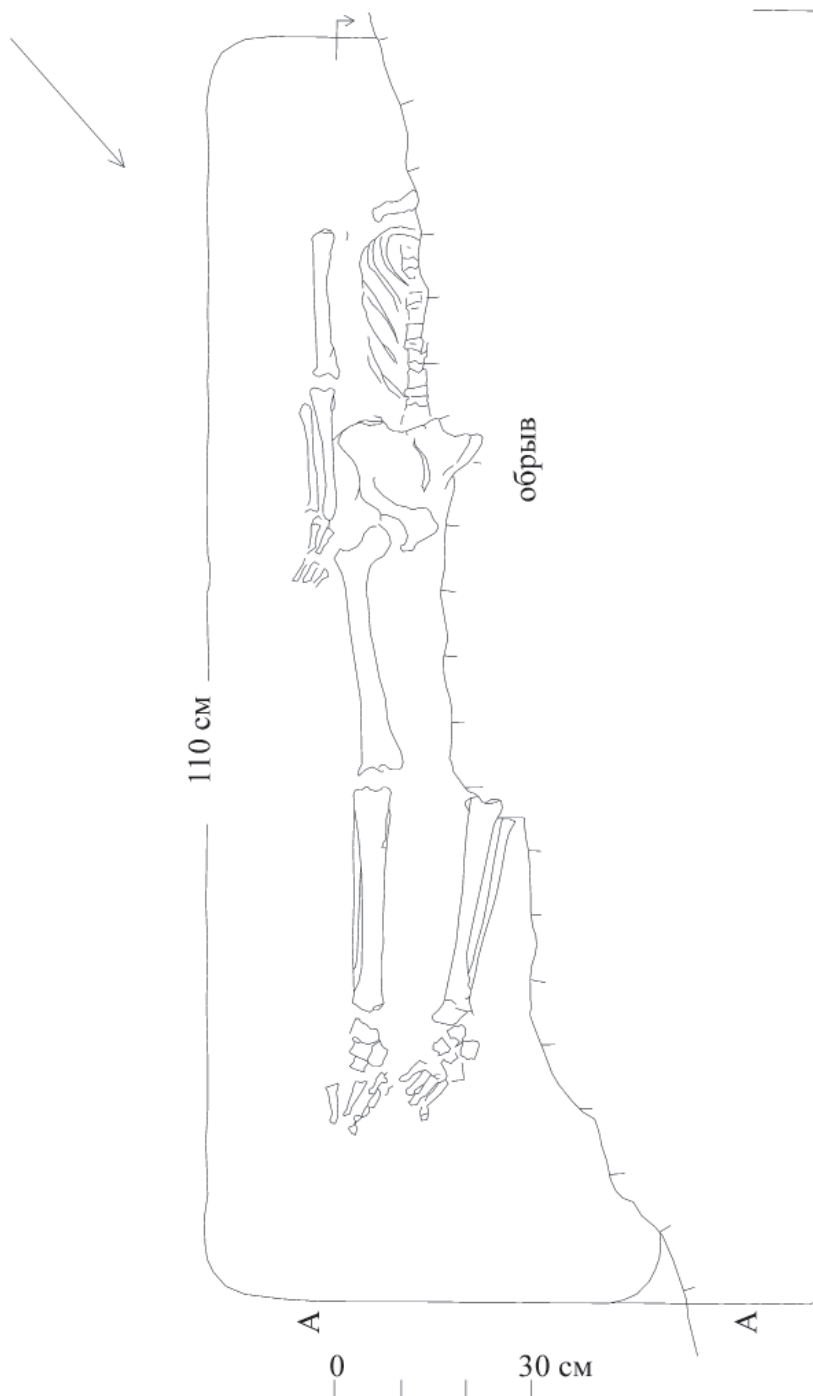

Рис. 57. Девичий городок IV, раскоп V, план погребения № 22, глубина 120 см

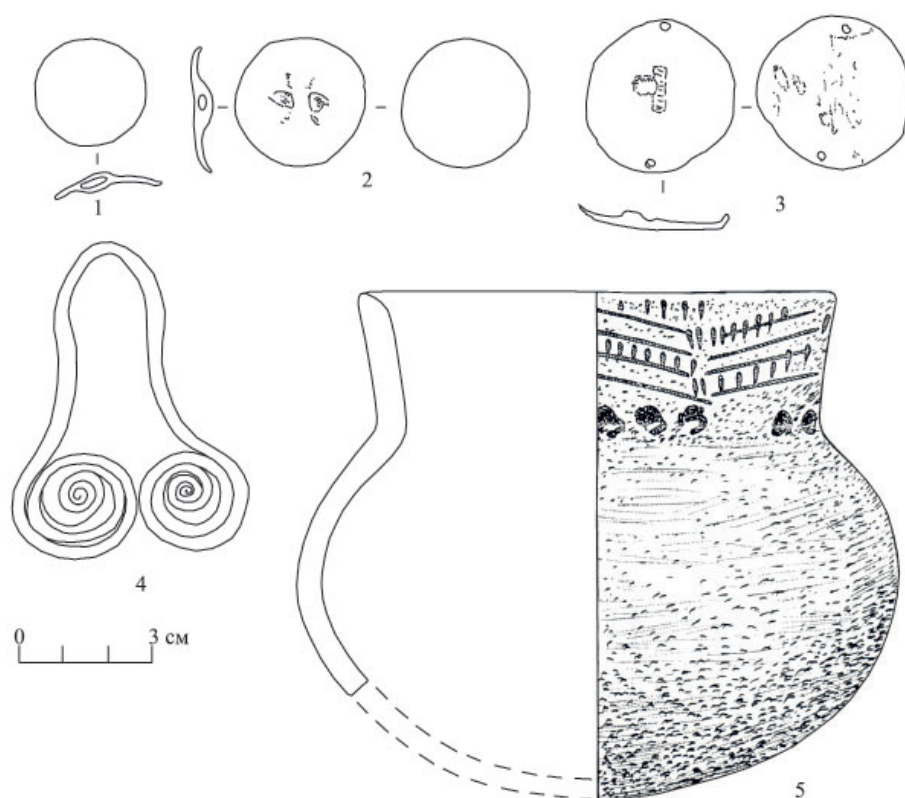

Рис. 58. Девичий городок IV. 1 – бронзовая накладка (разрушенное погребение № 17);
2–5 – подъемный материал (1–4 – бронза; 5 – керамика).

Рис. 59. Реконструкция женского костюма маклашеевской культуры
(по Д.Ф. Файзуллиной, 2002). Художник Р.Р. Садыков.

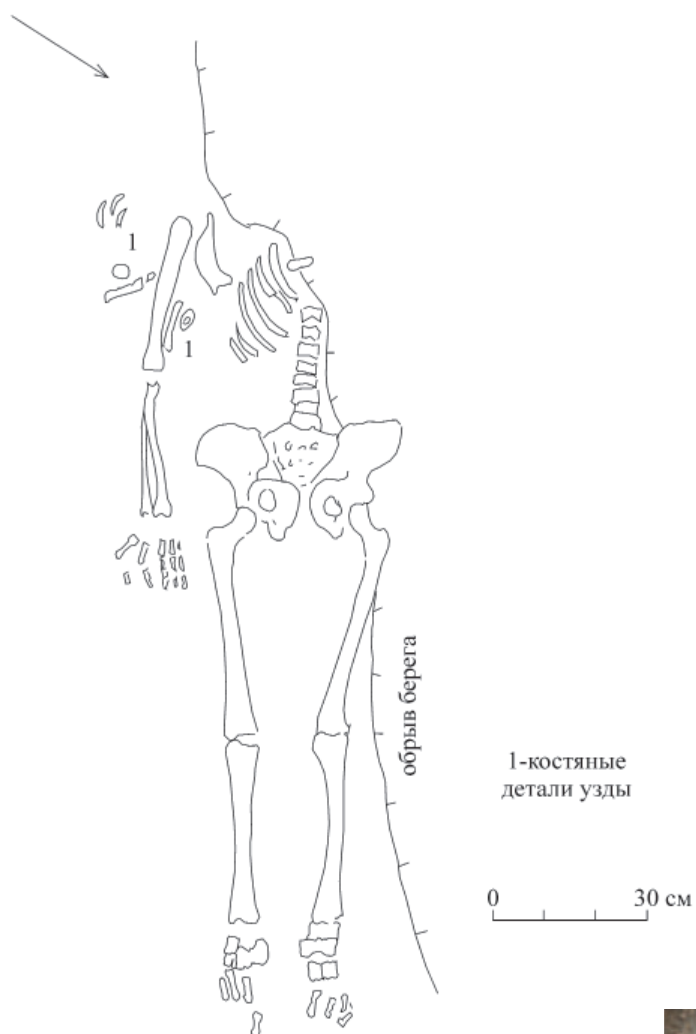

Рис. 60. План погребения № 1
Измерского XVI могильника,
глубина 109 см, раскоп I,
участок 2-3

Рис. 61. Предметы конской сбруи
в погребении № 1 Измерского XVI
могильника.

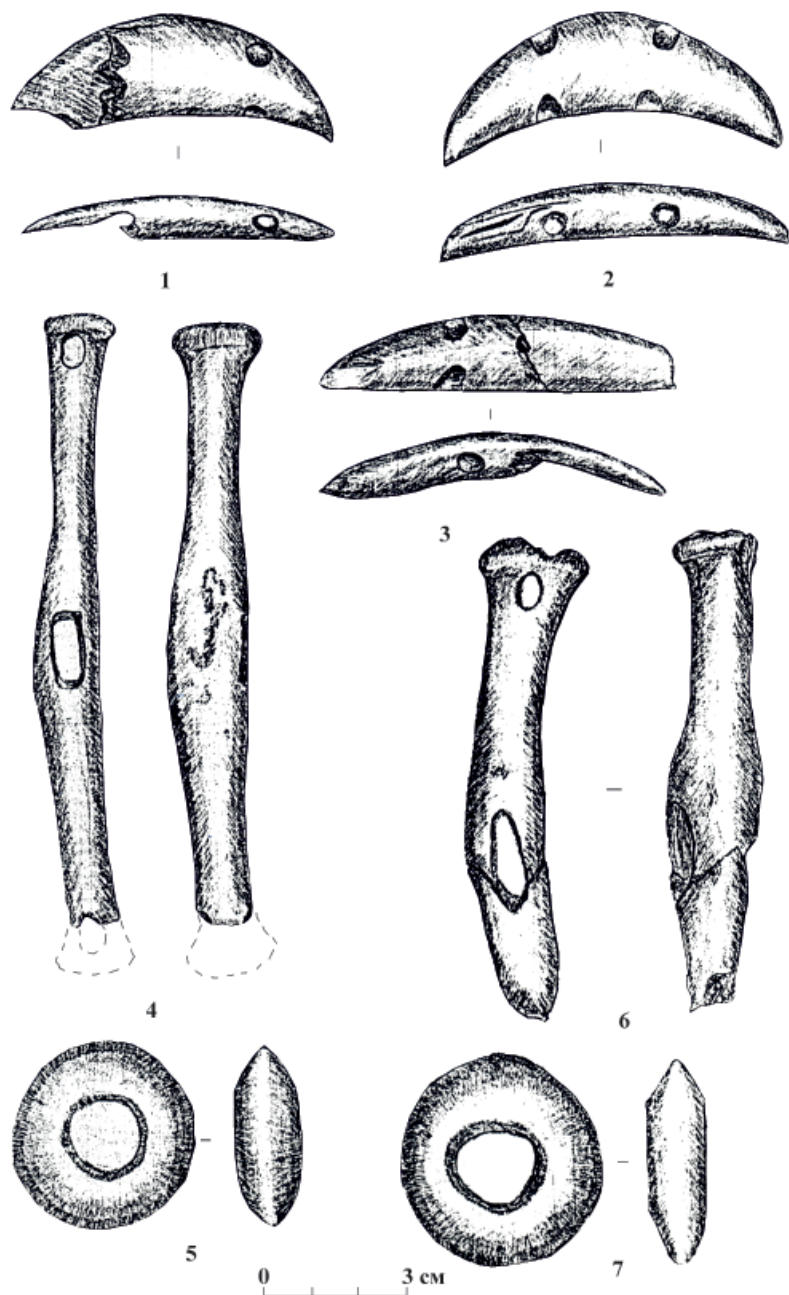

Рис. 62. Измерский XVI могильник, огребение № 1, конская упряжь, кость.

Рис. 63. Костяная фурнитура для уздечки маклашеевской культуры (по А.А. Чижевскому и др., 2019, рис. 1: 1).

Рис. 64. Коллективное захоронение № 4 Измерского XVI могильника.
Вид с севера – северо-востока

Рис. 65. Черепная коробка, пробитая оружием, имеющим линзовидное сечение
(погребение № 4 Измерского XVI могильника).

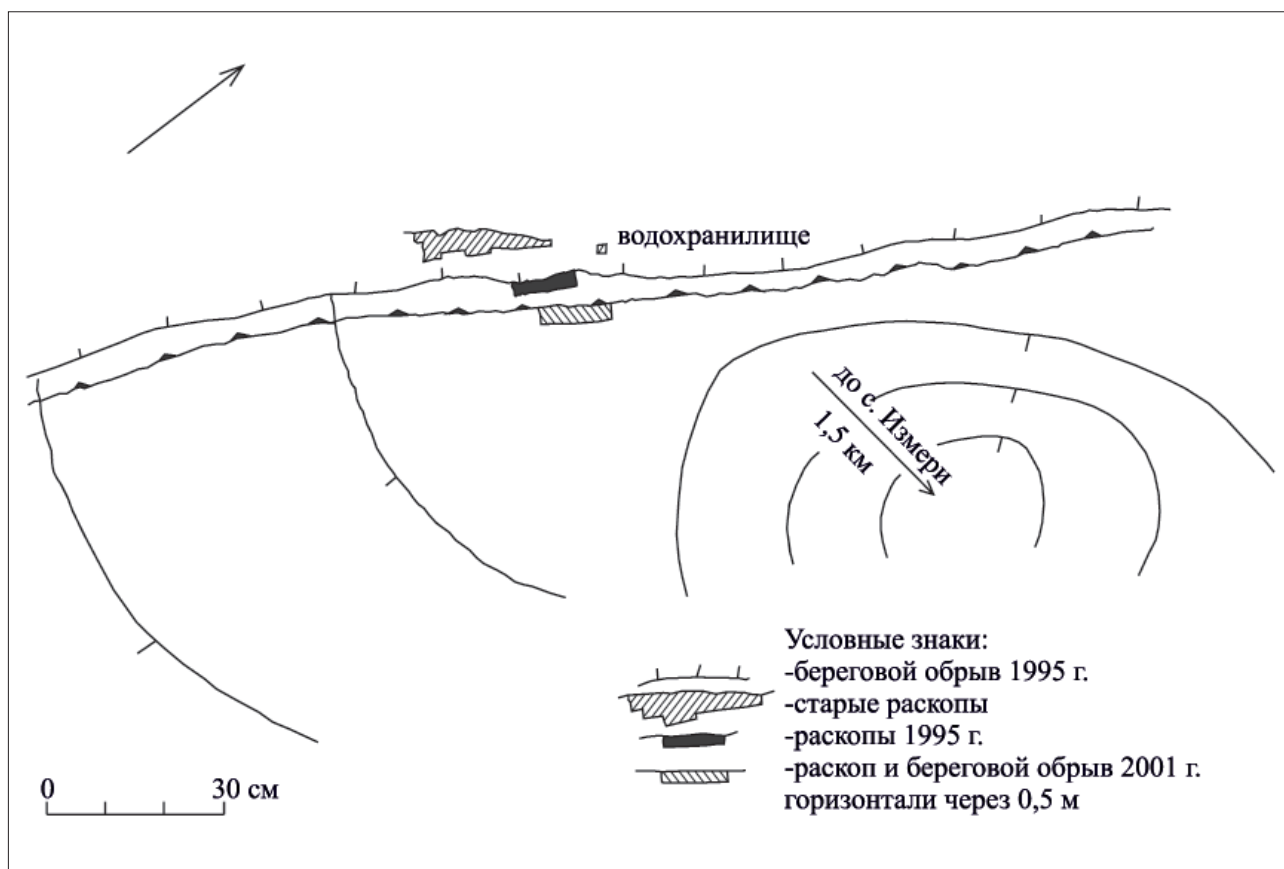

Рис. 66. Измерский VII могильник, общий план.

Рис. 67. Разрушающаяся часть Измерского VII могильника. Вид с запада.

Рис. 68. Разрушающаяся часть
Измерского VII могильника.
Вид с юго-запада.

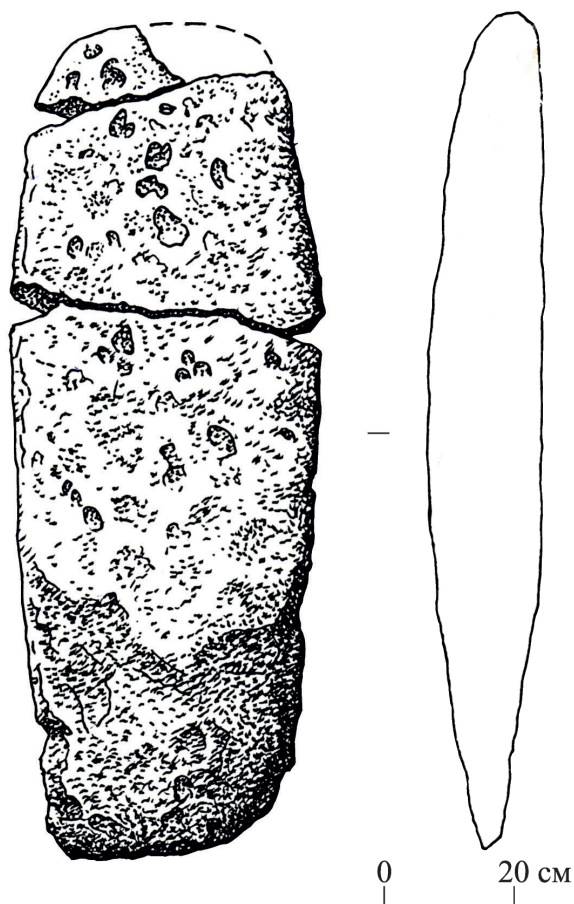

Рис. 70. VII Измерский могильник,
известняковая стела, найденная на отмели
рядом с раскопом V.

Рис. 69. Площадка Измерского VII могильника до начала раскопок. Вид с юга.

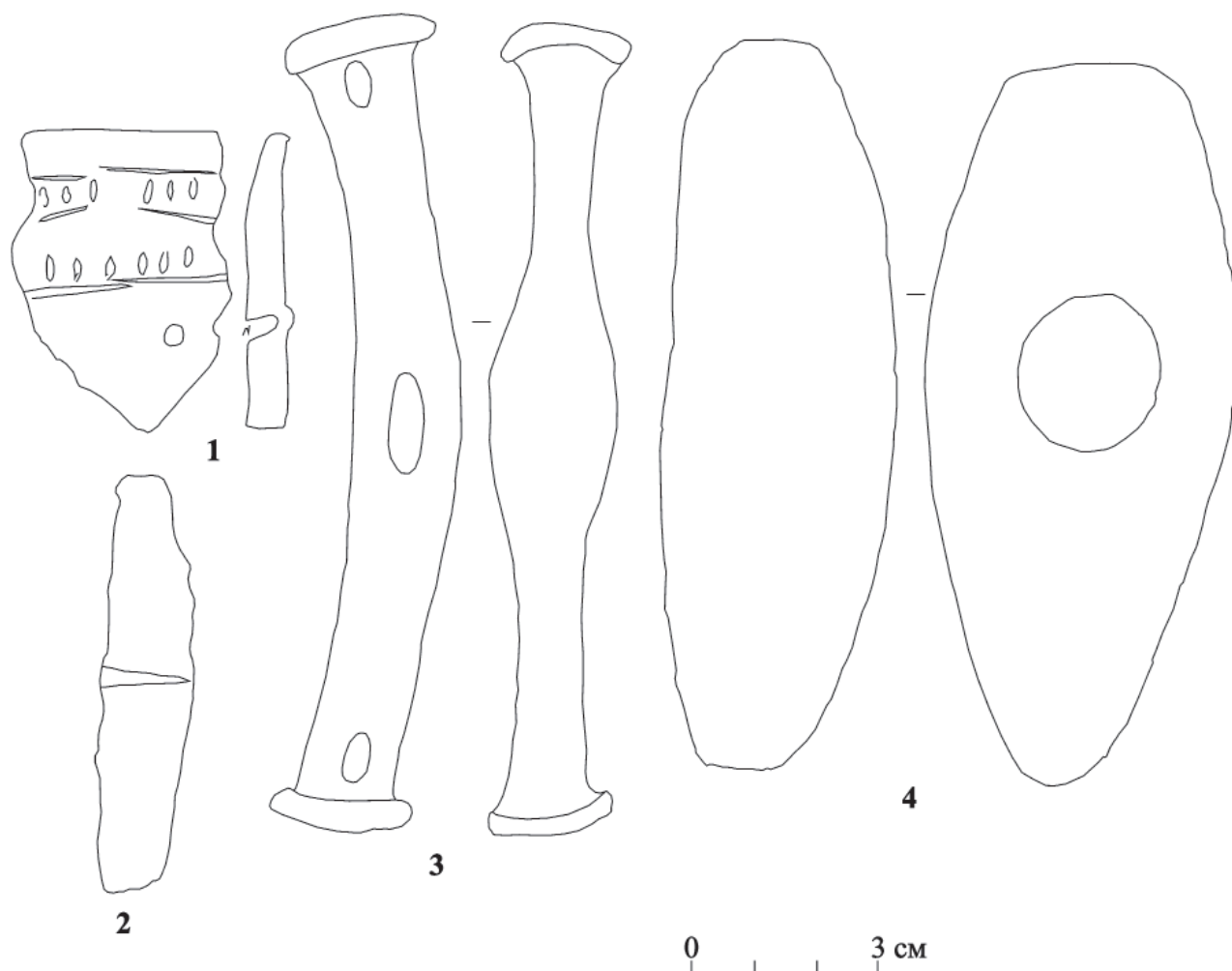

Рис. 71. VII Измерский могильник, подъемный материал, собранный на отмели у раскопа V (1 – керамика; 2 – железо; 3 – кость; 4 – гранит).

Условные знаки:

- ✦ - костяной амулет
- ✧ - астрагал барана
- ⬢ - обломки костяной поделки
- ⬡ - бабка свиная
- ⬢ - бронзовая серьга
- ⬢ - кинжал
- ⬢ - череп человека в обрыве
- ⬢ - керамика
- ⬢ - обрыв
- ⬢ - кости животных
- ⬢ - обожженная глина
- ⬢ - бронзовая пронизка
- ⬢ - очертания могил
- ⬢ - предполагаемые границы могил в черноземе

204060

Рис. 73. VII Измерский могильник, план раскопа VI.

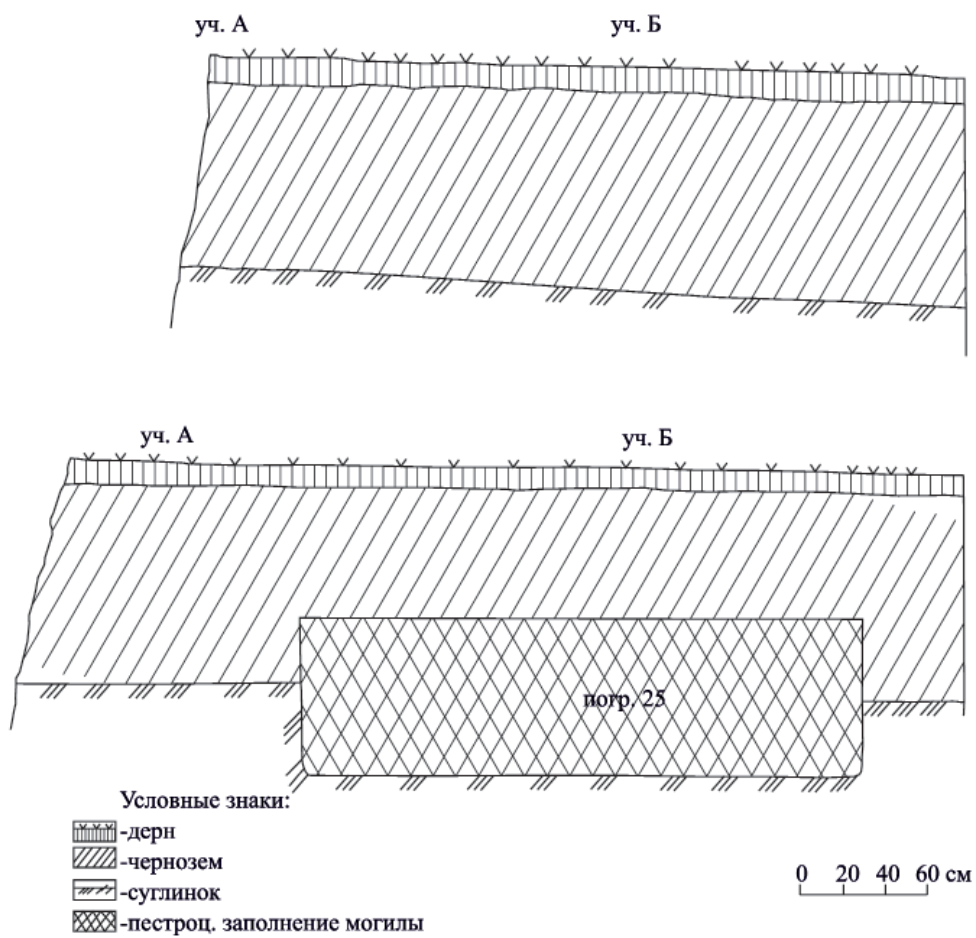

Рис. 74. VII Измерский могильник, профиль северо-восточной стенки раскопа VI.

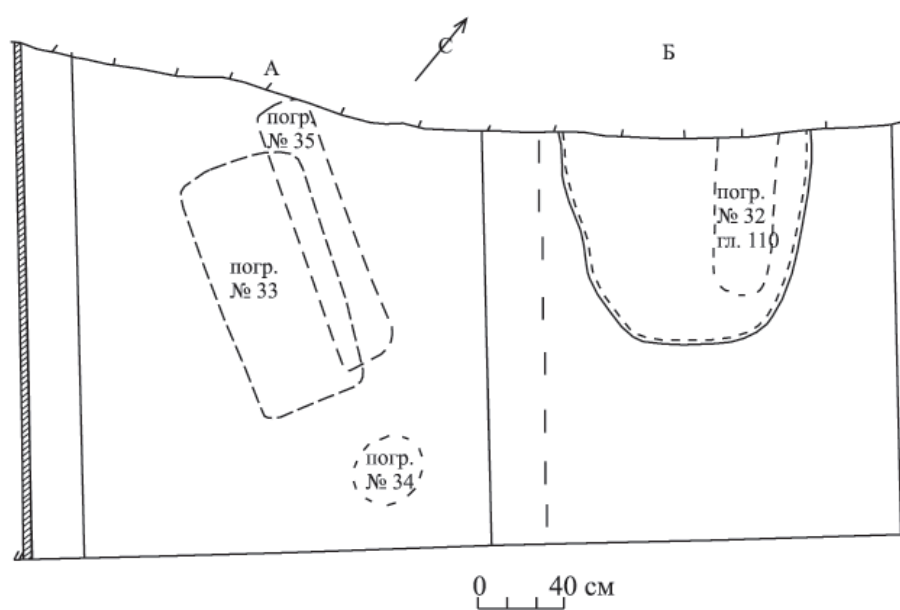

Рис. 75. VII Измерский могильник, план раскопа VII.

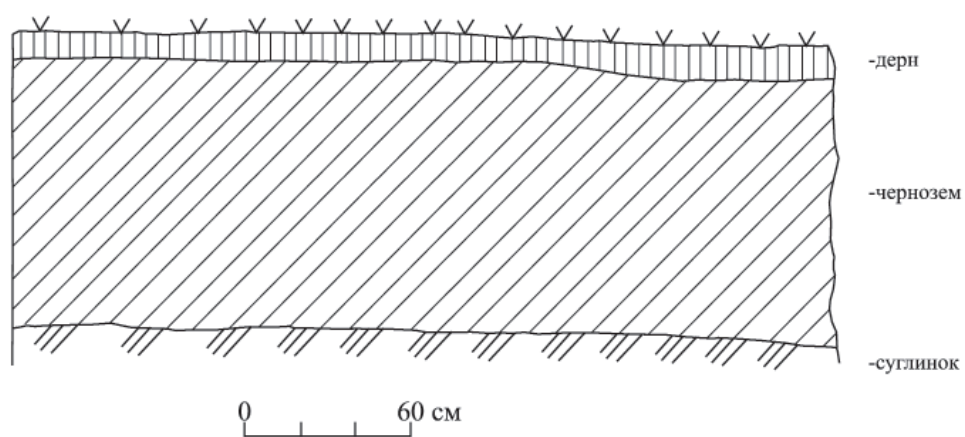

Рис. 76. VII Измерский могильник, профиль бровки раскопа VII, участок 1/А.

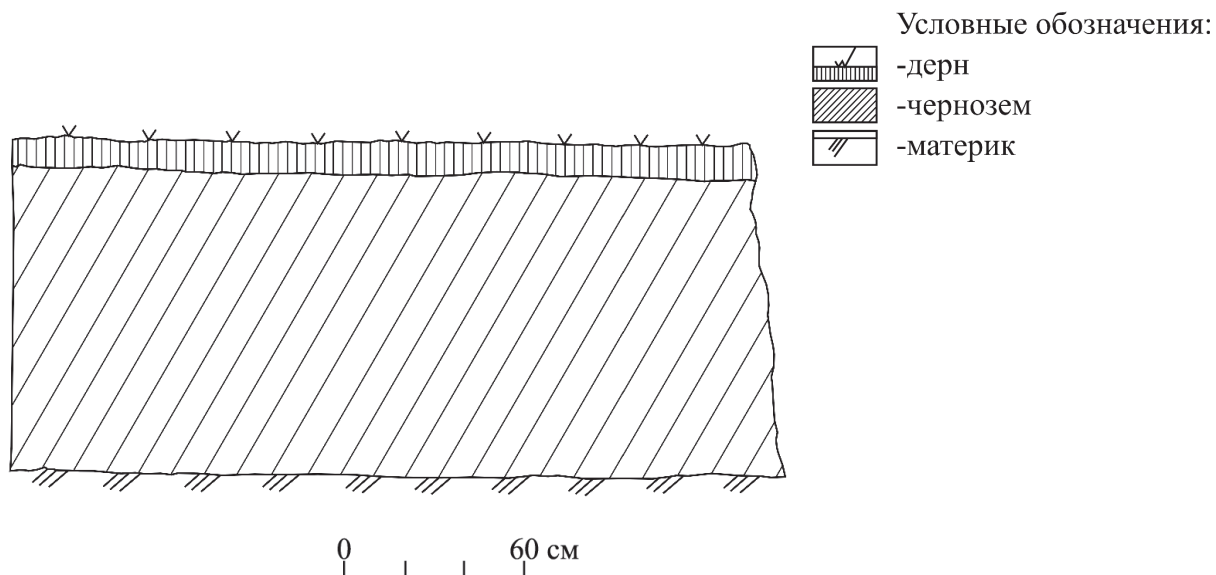

Рис. 77. VII Измерский могильник, профиль западной стенки раскопа VII, участок 1/Б.

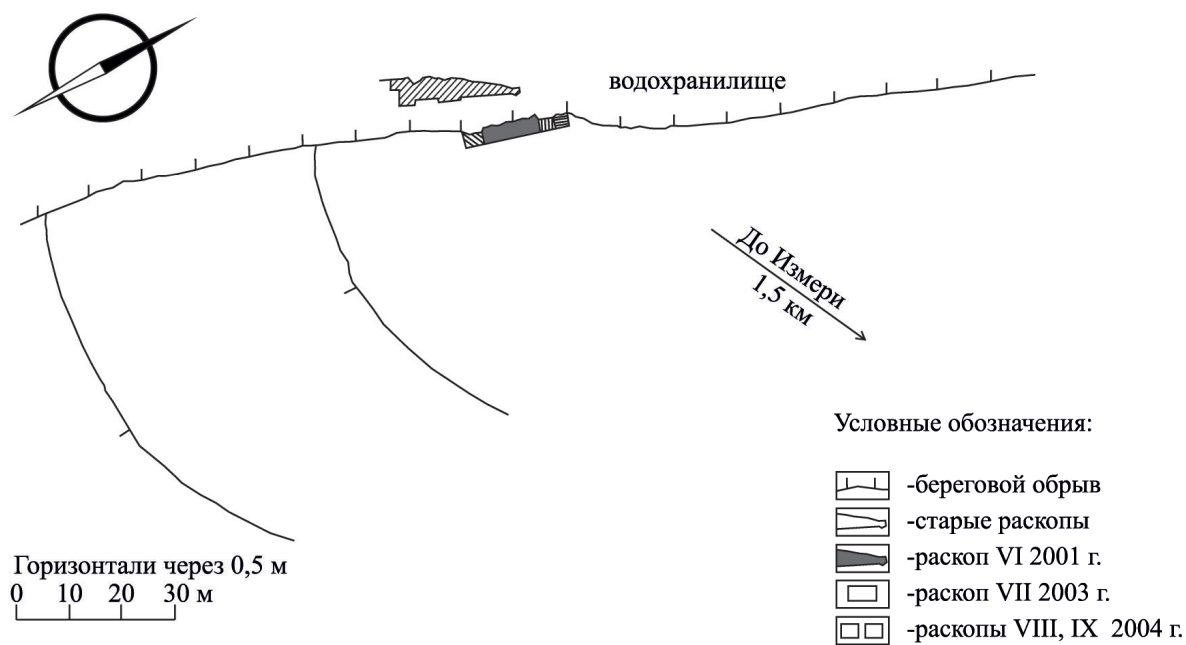

Рис. 78. VII Измерский могильник, план размещения раскопов VI–IX.

Рис. 79. VII Измерский могильник, процесс археологических работ на раскопе IX.
Вид с востока.

Рис. 80. VII Измерский могильник, процесс археологических работ на раскопе IX.
Вид с запада.

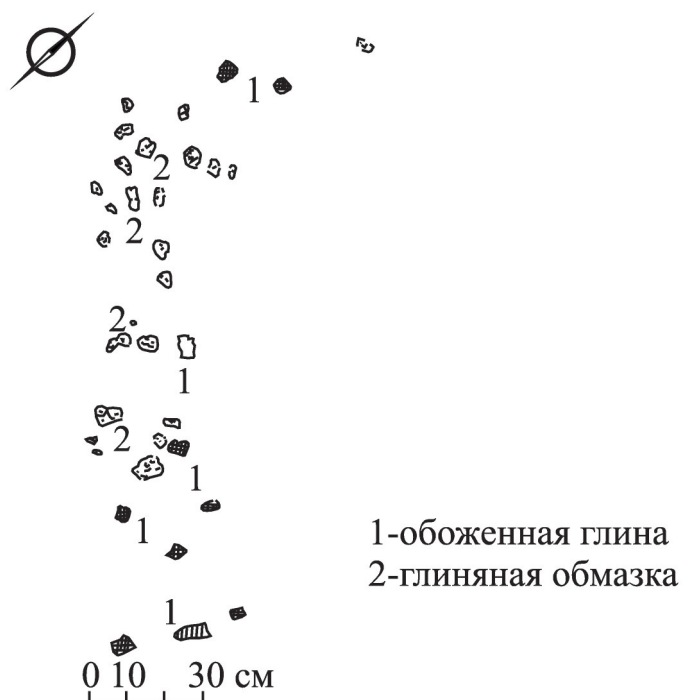

Рис. 81. VII Измерский могильник, раскоп IX, объект № 1, глубина 45 см, скопление кусочков глины в западной части раскопа.

Рис. 82. VII Измерский могильник, раскоп IX, объект № 1, глубина 45 см, скопление кусочков глины. Вид с востока – юго-востока.

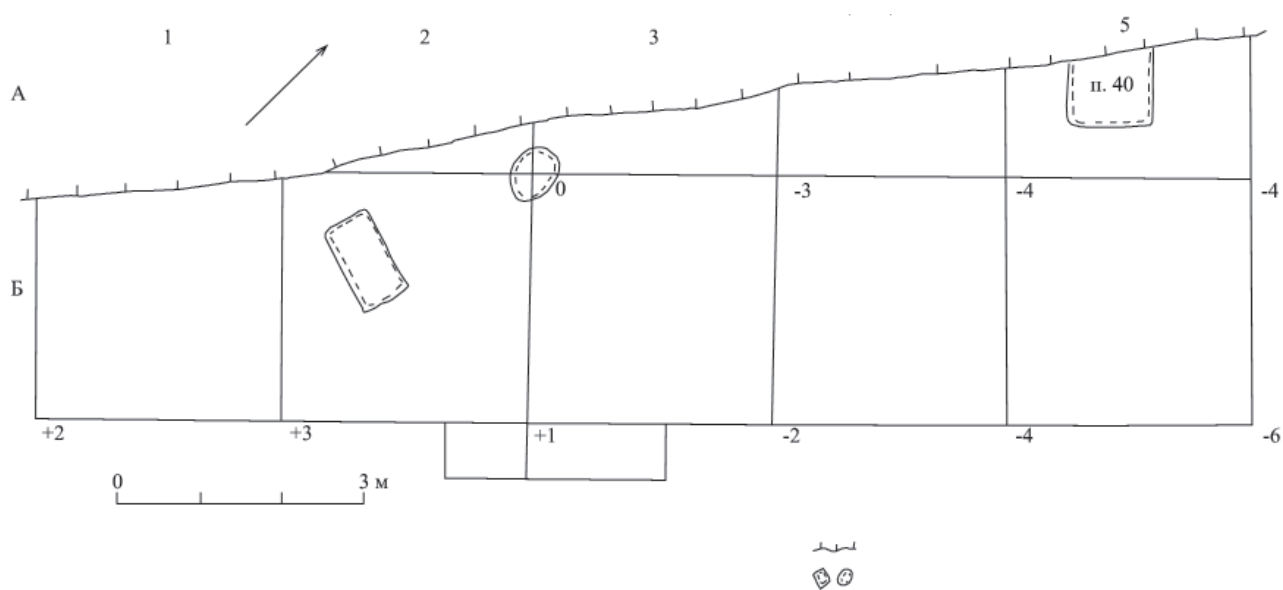

Рис. 83. VII Измерский могильник, нивелированный план раскопа X.

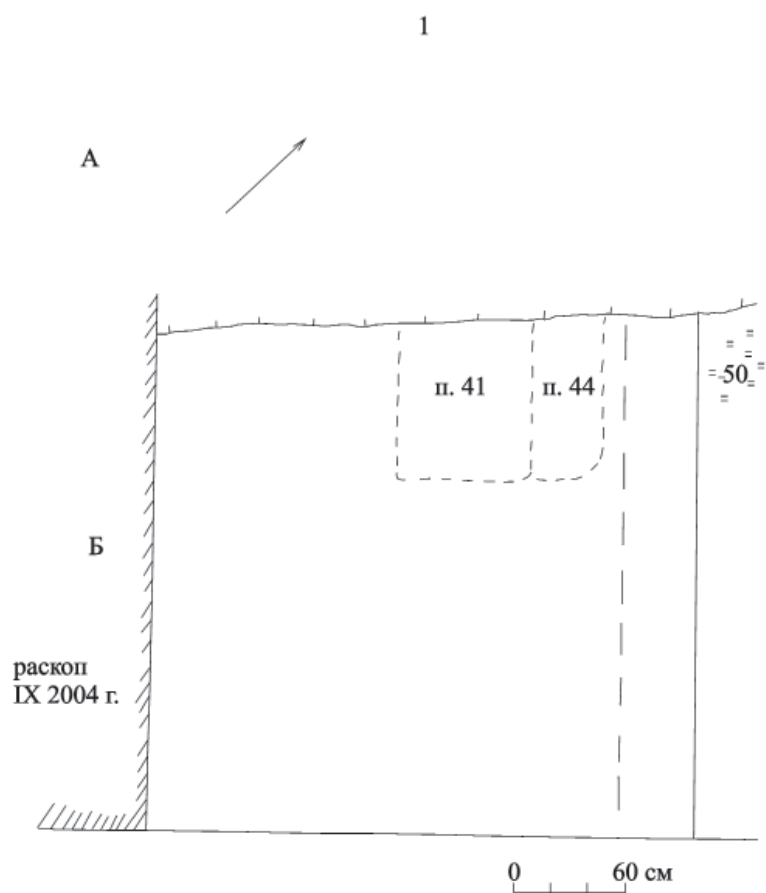

Рис. 84. VII Измерский могильник, план раскопа X с контурами могильных ям № 41–46.

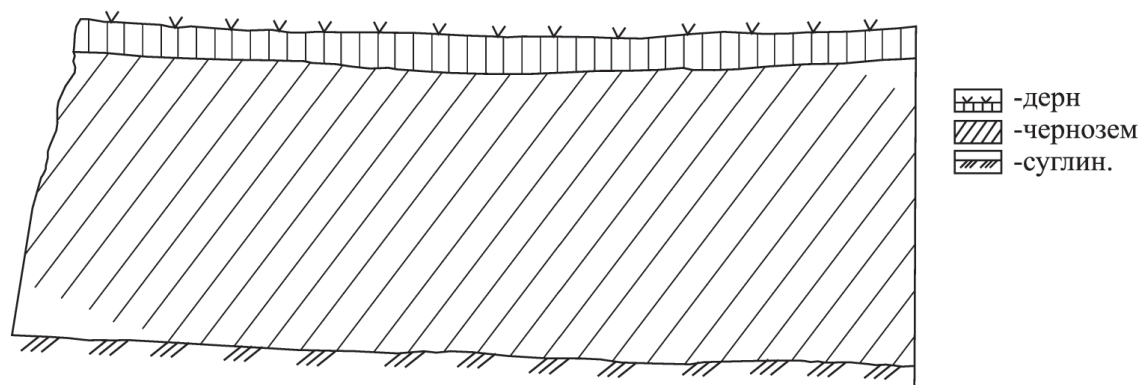

Рис. 85. VII Измерский могильник, профиль восточной стенки раскопа X, участок Б/1.

Рис. 86. VII Измерский могильник, процесс археологических работ на раскопе X.
Вид с юго-запада.

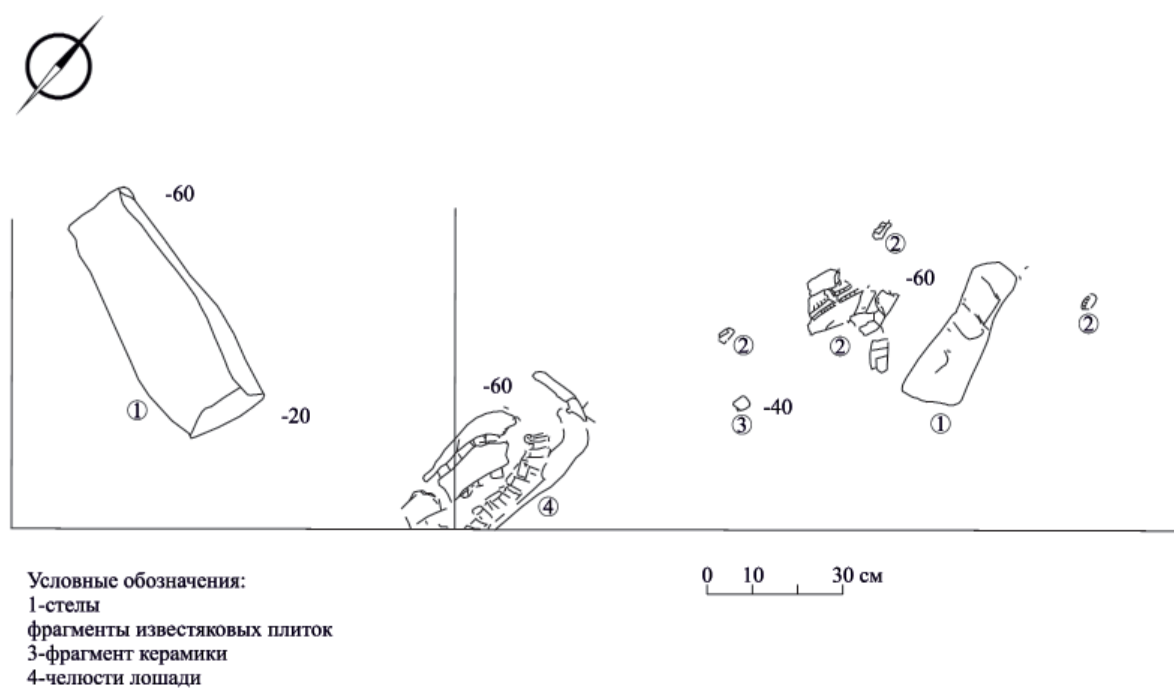

Рис. 87. VII Измерский могильник, план жертвенного комплекса на участке В/2-3 раскопа Х.

Рис. 88. VII Измерский могильник, расчистка жертвенного комплекса на участке В/2-3 раскопа Х. Вид с северо-востока.

Рис. 89. VII Измерский могильник, жертвенный комплекс на участке В/2-3 раскопа Х. Вид с северо-востока.

Рис. 91. VII Измерский могильник, кости животных из жертвенного комплекса на участке В/2-3 раскопа Х.

Рис. 90. VII Измерский могильник, каменная стела из жертвенного комплекса на участке В/2-3 раскопа Х. Вид с юга.

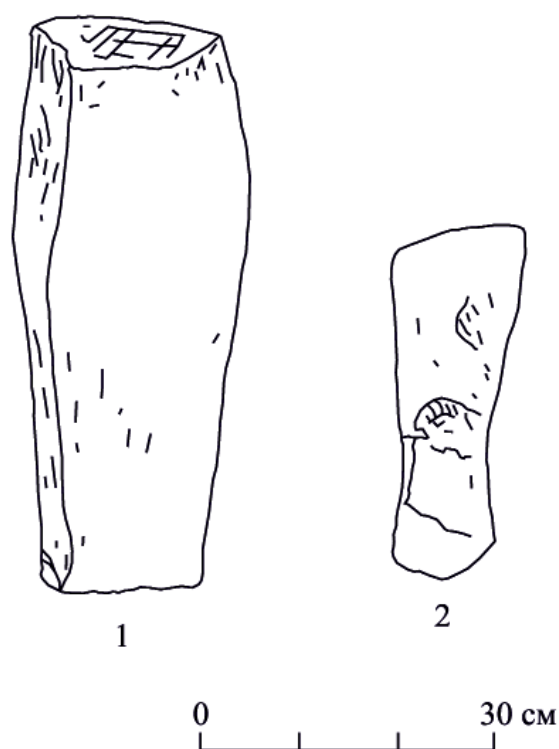

Рис. 92. Каменные стелы из жертвенного комплекса раскопа X.

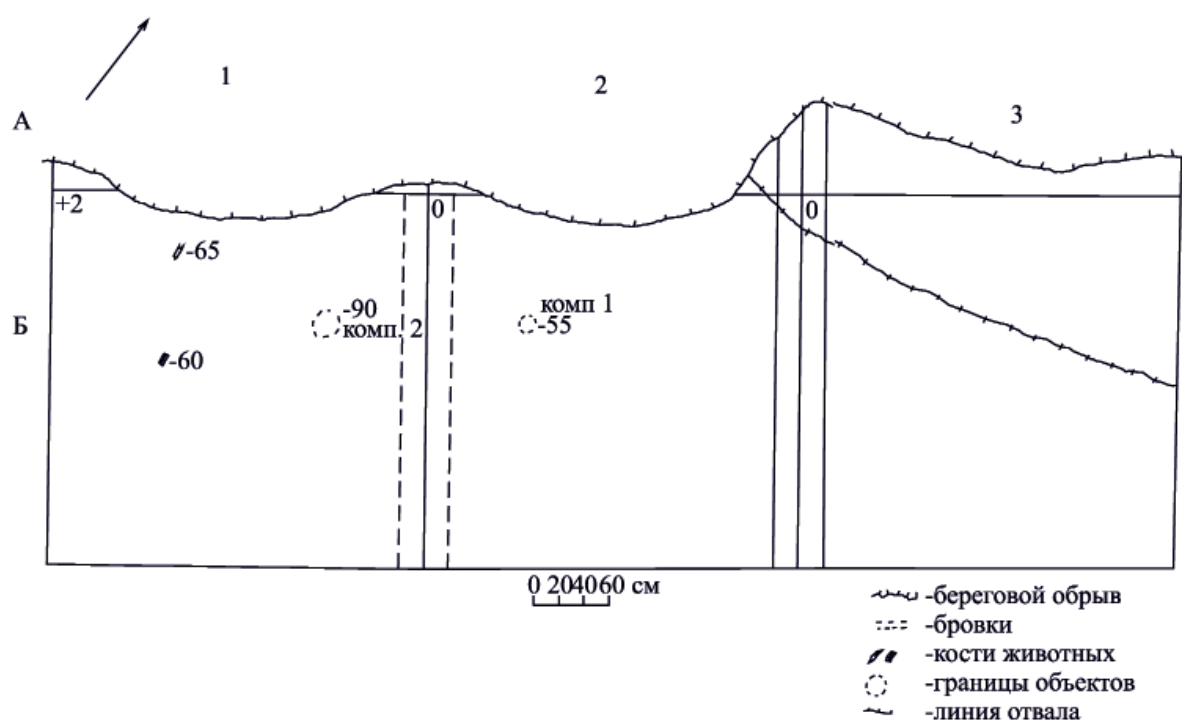

Рис. 93. VII Измерский могильник, план раскопа XI.

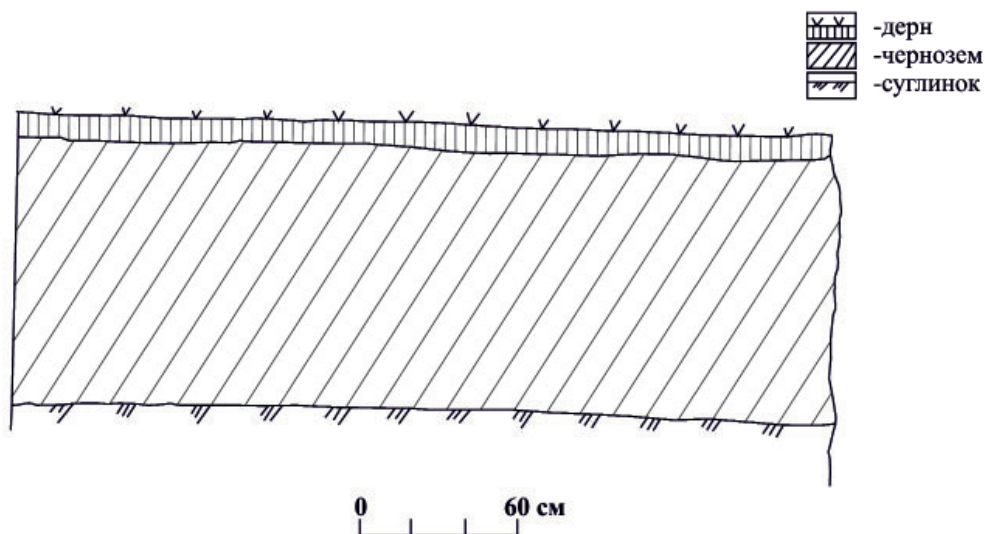

Рис. 94. VII Измерский могильник, раскоп XI, профиль западной стенки, участке Б/1–2.

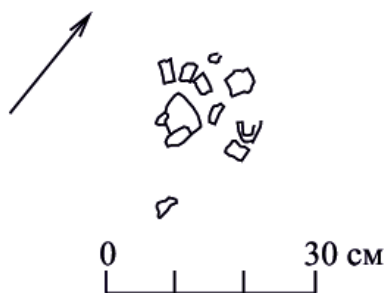

Рис. 95. VII Измерский могильник, раскоп XI, план комплекса 1, участок Б/2, глубина 60 см.

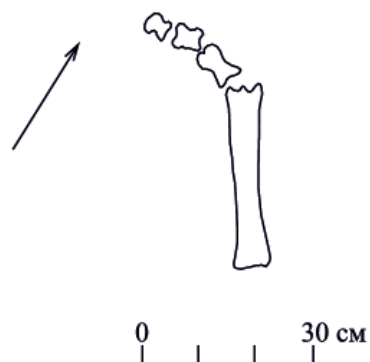

Рис. 96. VII Измерский могильник, раскоп XI, план комплекса 2, участок Б/1, глубина 90 см.

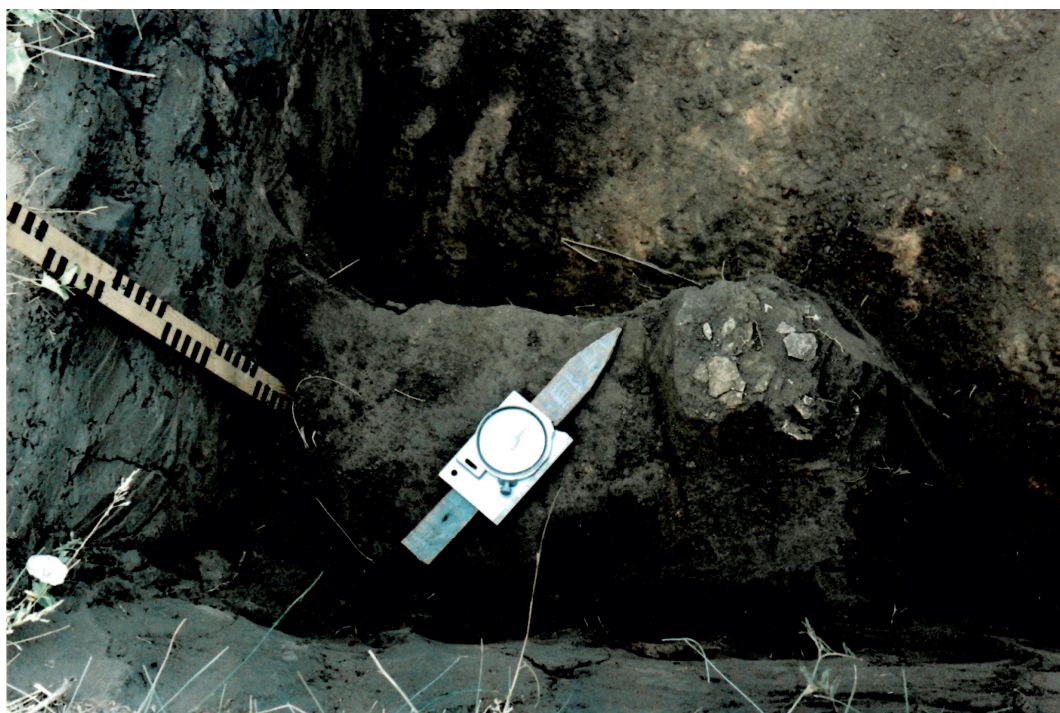

Рис. 97. VII Измерский могильник, комплекс 1. Вид с юго-востока.

Рис. 98. VII Измерский могильник, комплекс 2. Вид с юго-запада.

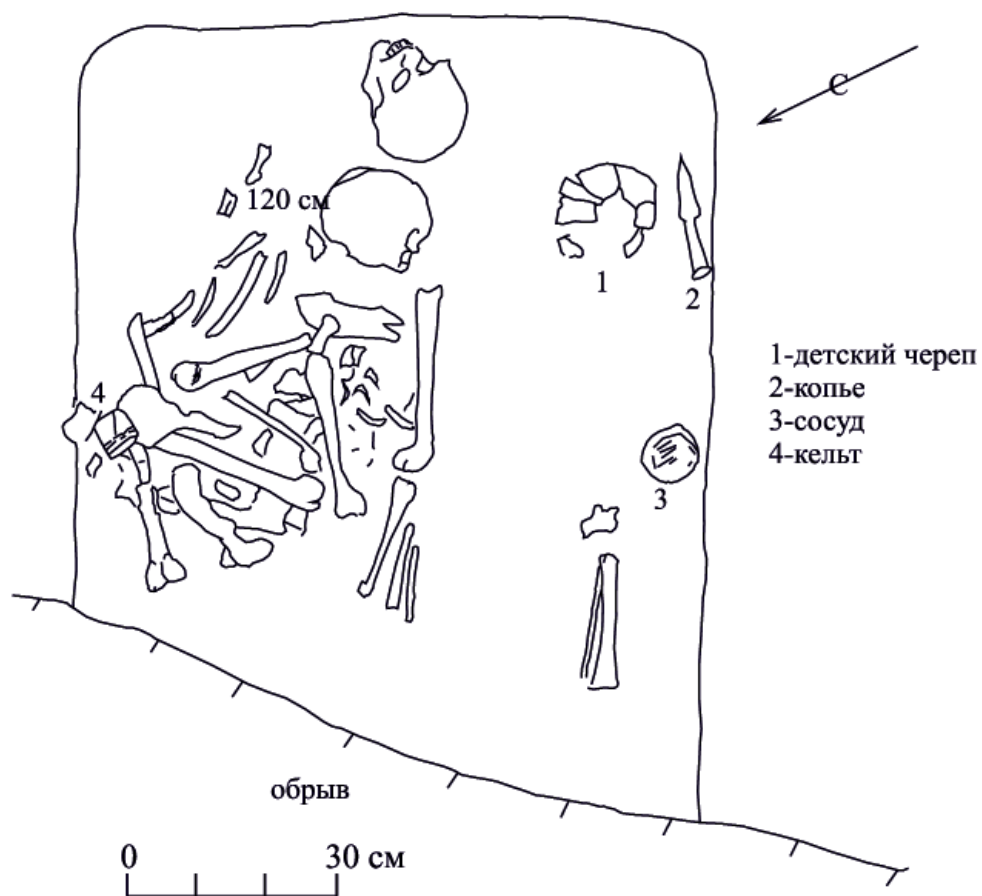

Рис. 99. VII Измерский могильник, раскоп V, план погребения № 21, участок А/6, глубина 190 см.

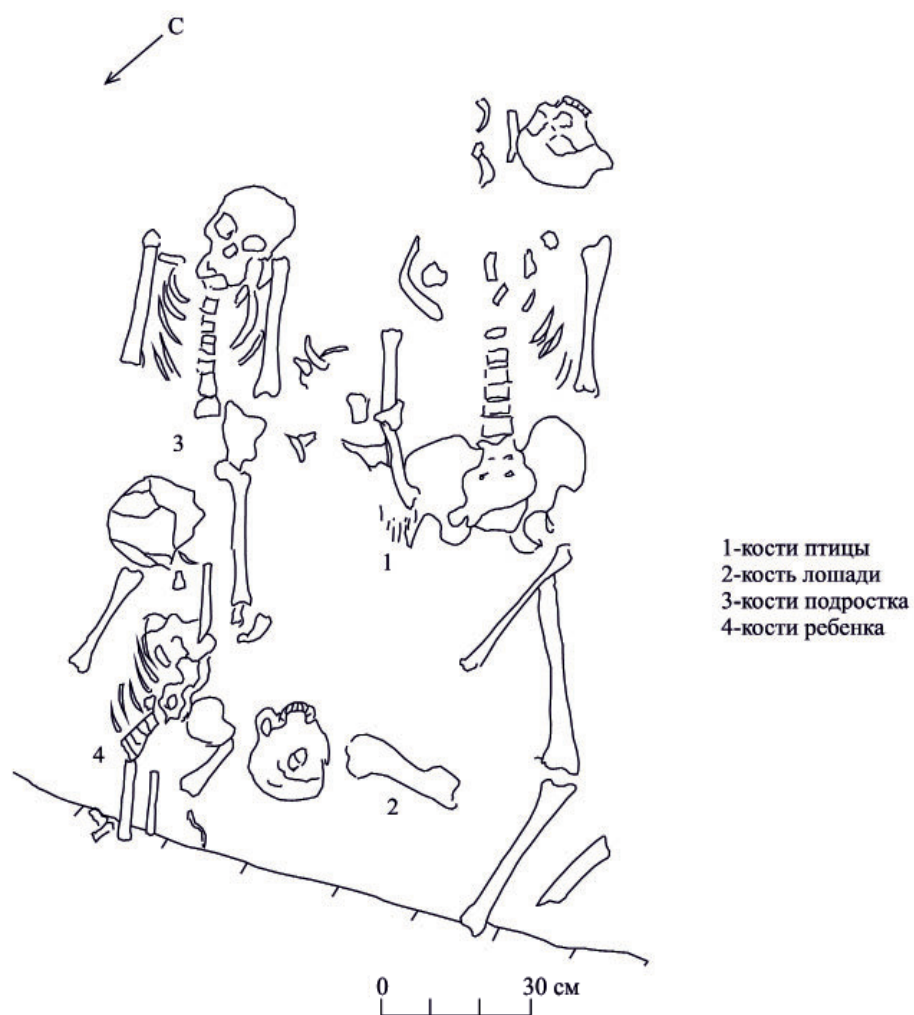

Рис. 100. VII Измерский могильник, раскоп V, план погребения № 22, участок А/4-5, глубина 110 см.

Рис. 101. VII Измерский могильник, раскоп V, план, погребения № 23, участок А/1, глубина 110 см.

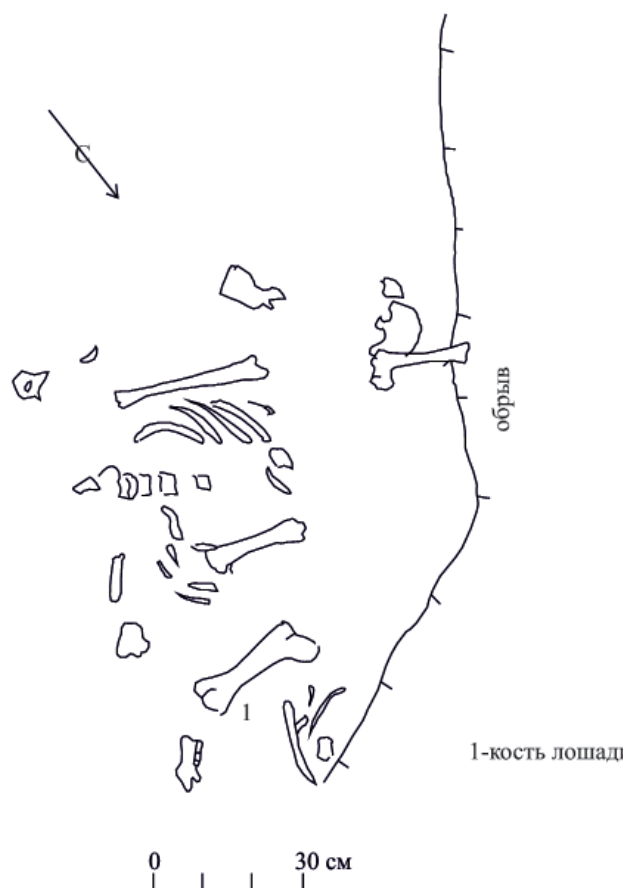

Рис. 102. VII Измерский могильник, раскоп V, план погребения № 23, участок А/1, глубина 120–140 см.

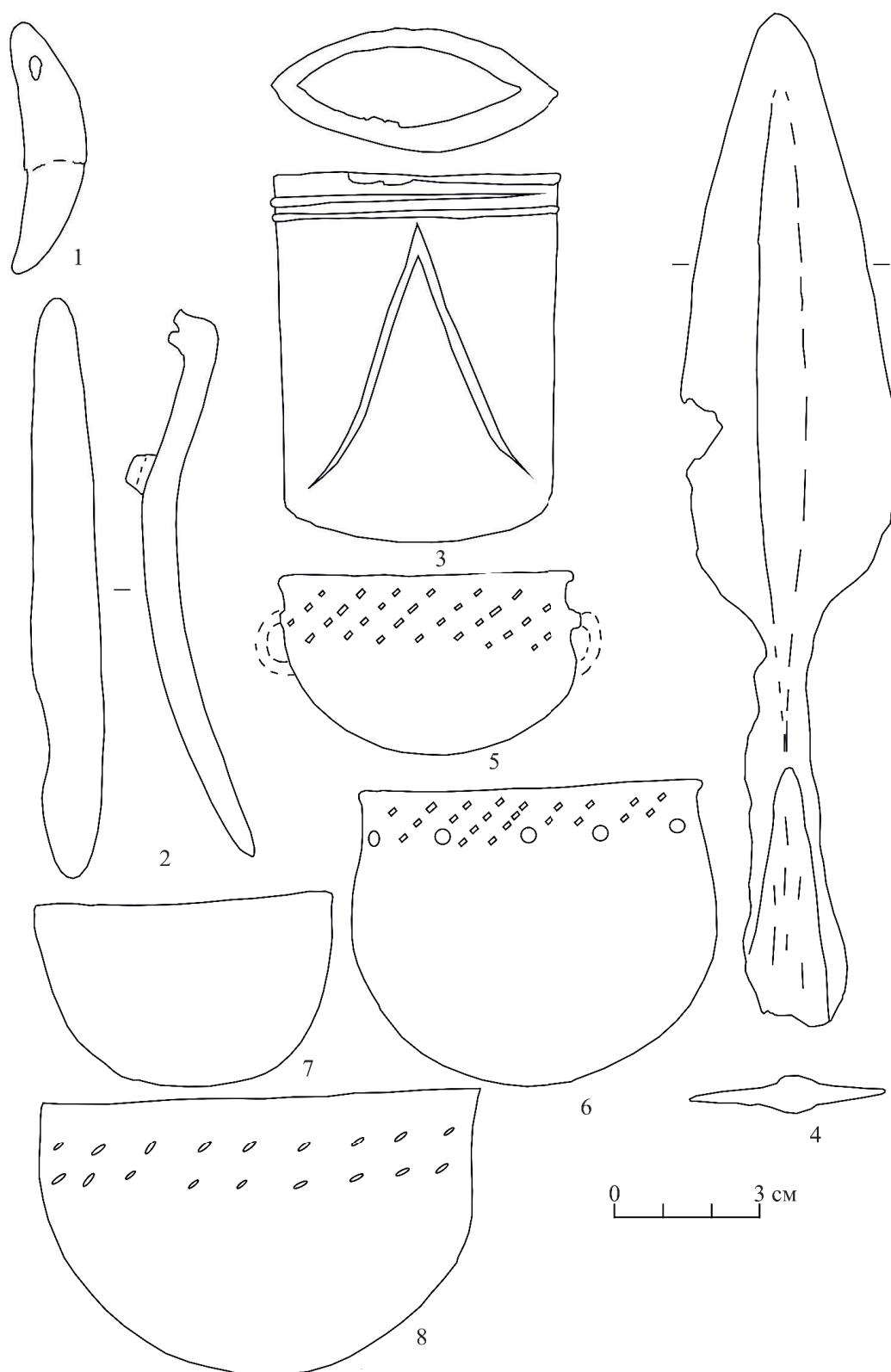

Рис. 103. VII Измерский могильник, вещевой материал из погребений раскопа V: 1, 2, 5–7 – погребение № 23; 3, 4, 8 – погребение № 21 (1 – клык животного; 2 – кость; 3 – бронза; 4 – железо; 5–8 – керамика).

Рис. 104. VII Измерский могильник, фотофиксация погребения № 24 в обрыве береговой линии. Вид с запада.

Рис. 105. VII Измерский могильник, расчистка погребения № 24. Вид с юга.

Рис. 106. VII Измерский могильник, расчищенное погребение № 24. Вид с юга – юго-востока.

Рис. 107. VII Измерский могильник, расчищенное погребение № 24. Вид с юга.

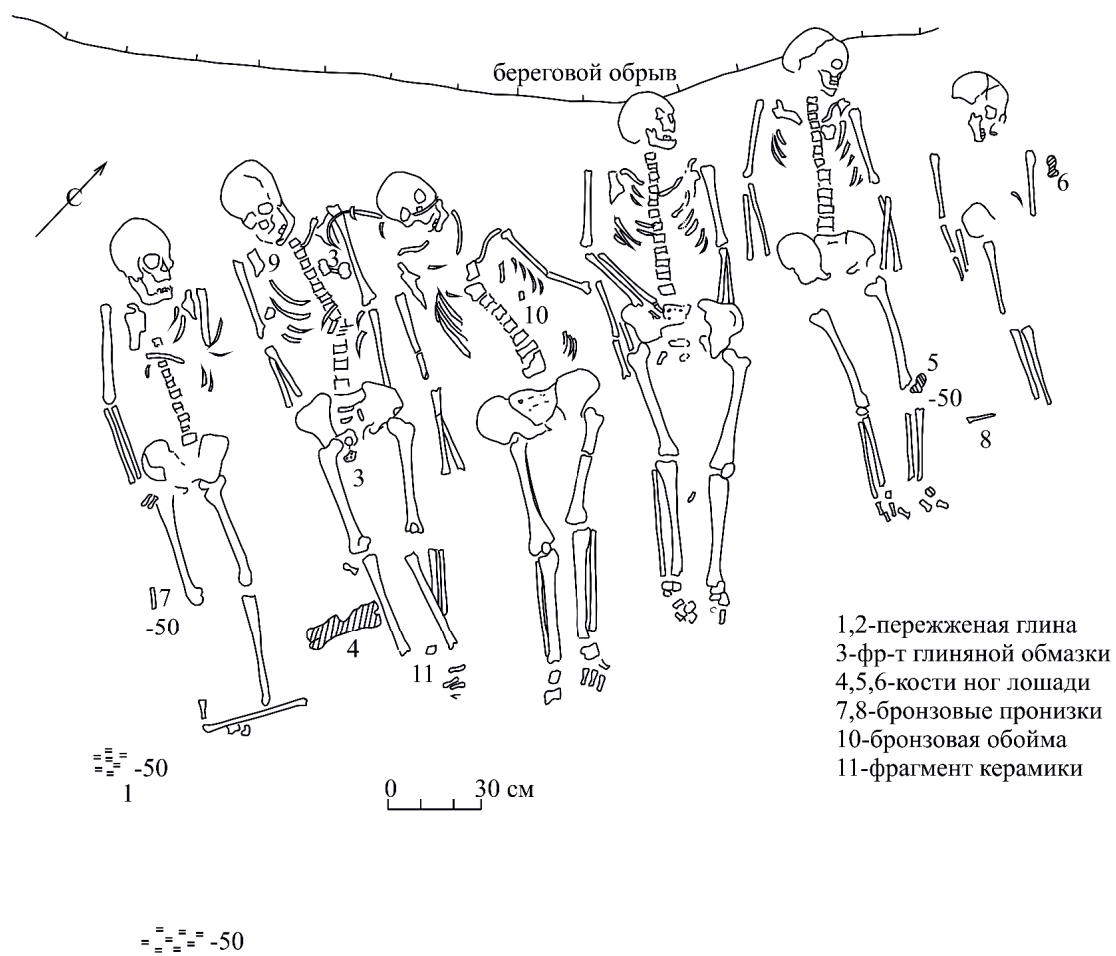

Рис. 108. VII Измерский могильник, раскоп VI, план погребения № 24.

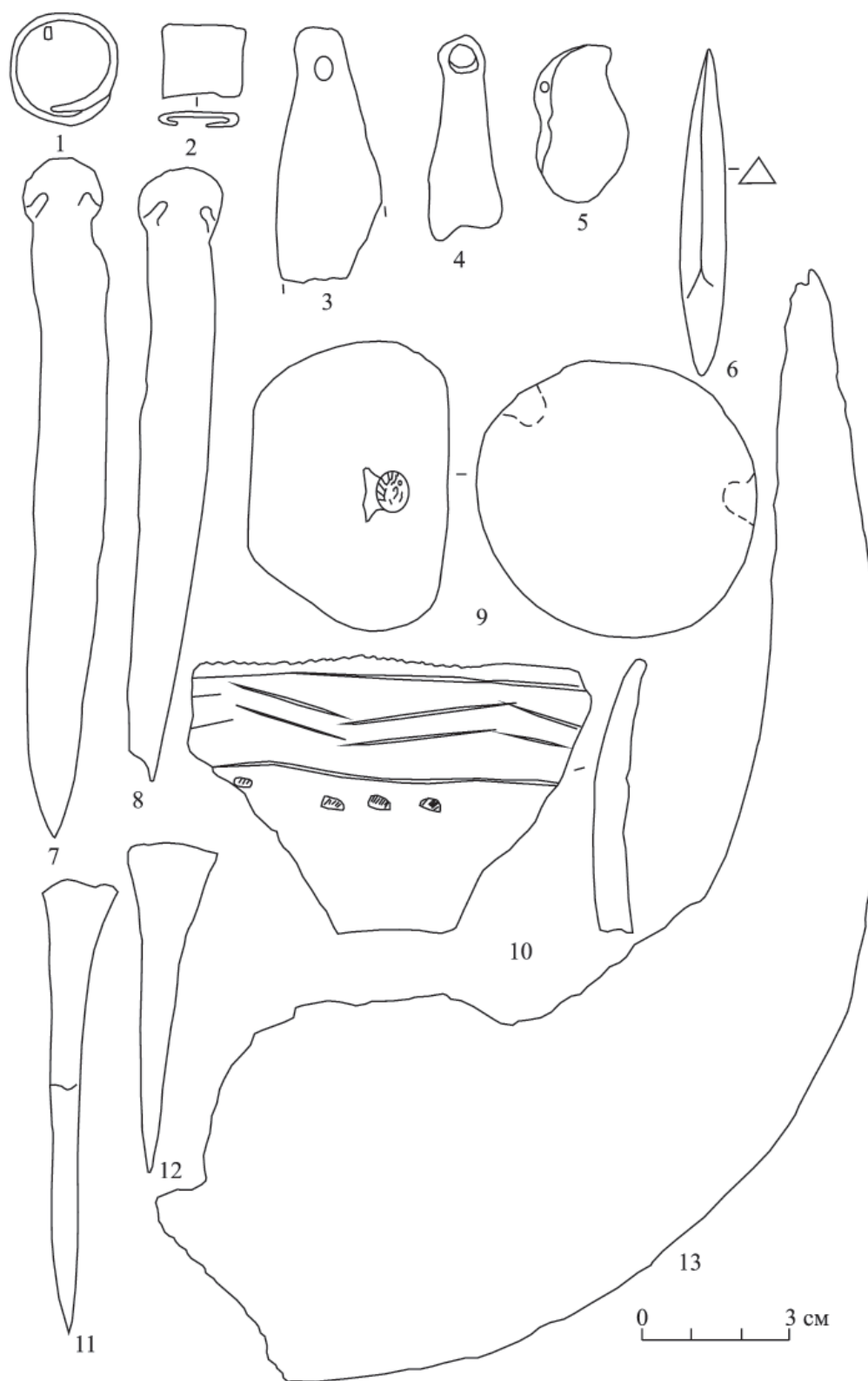
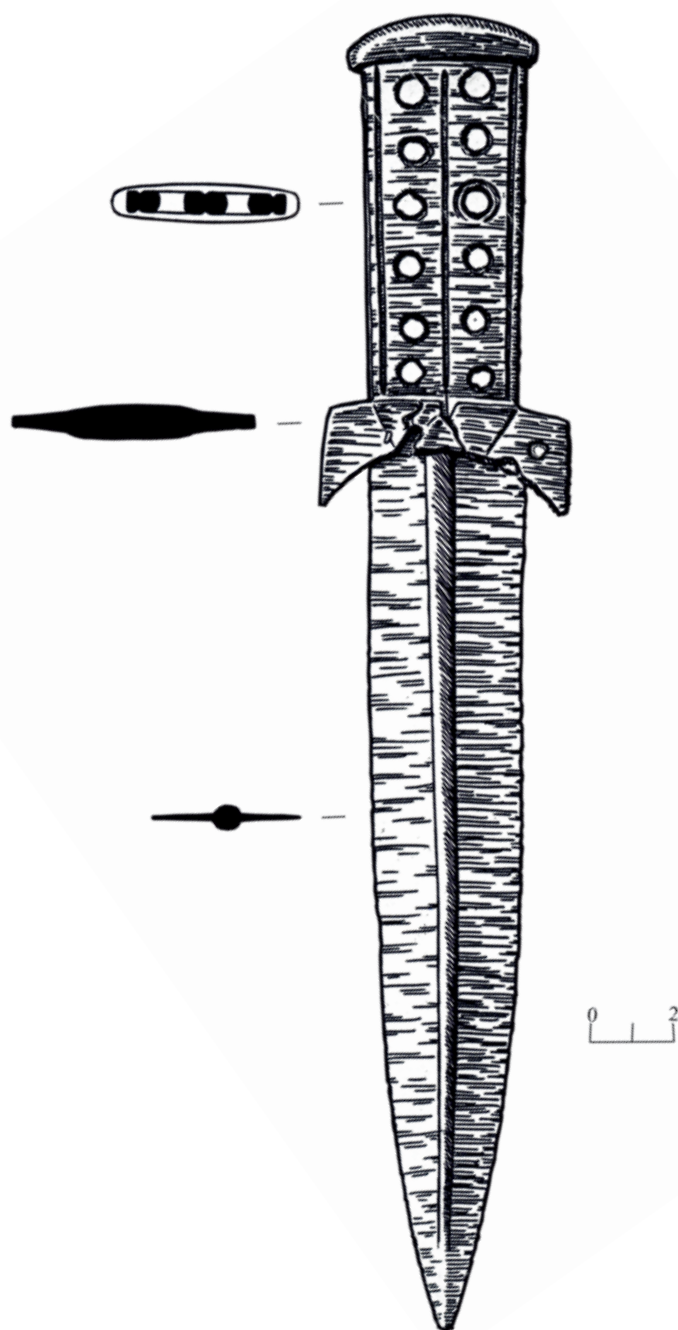

Рис. 109. VII Измерский могильник, вещевой материал из раскопа VI. 1 – участок Б/2, глубина 60 см; 2, 7, 8 – погребение № 24; 3, 6, 9 – погребение № 26; 4 – участок А/4, глубина 120 см; 5 – участок Б/2, глубина 60 см; 10 – участок А/1, глубина 40 см; 11–12 – погребение № 25 (1–2 – бронза; 3, 8, 11–13 – кость; 9 – камень; 10 – керамика).

VII Измерский могильник, раскоп VI, участок Б/2, глубина 60 см. Кинжал (бронза).

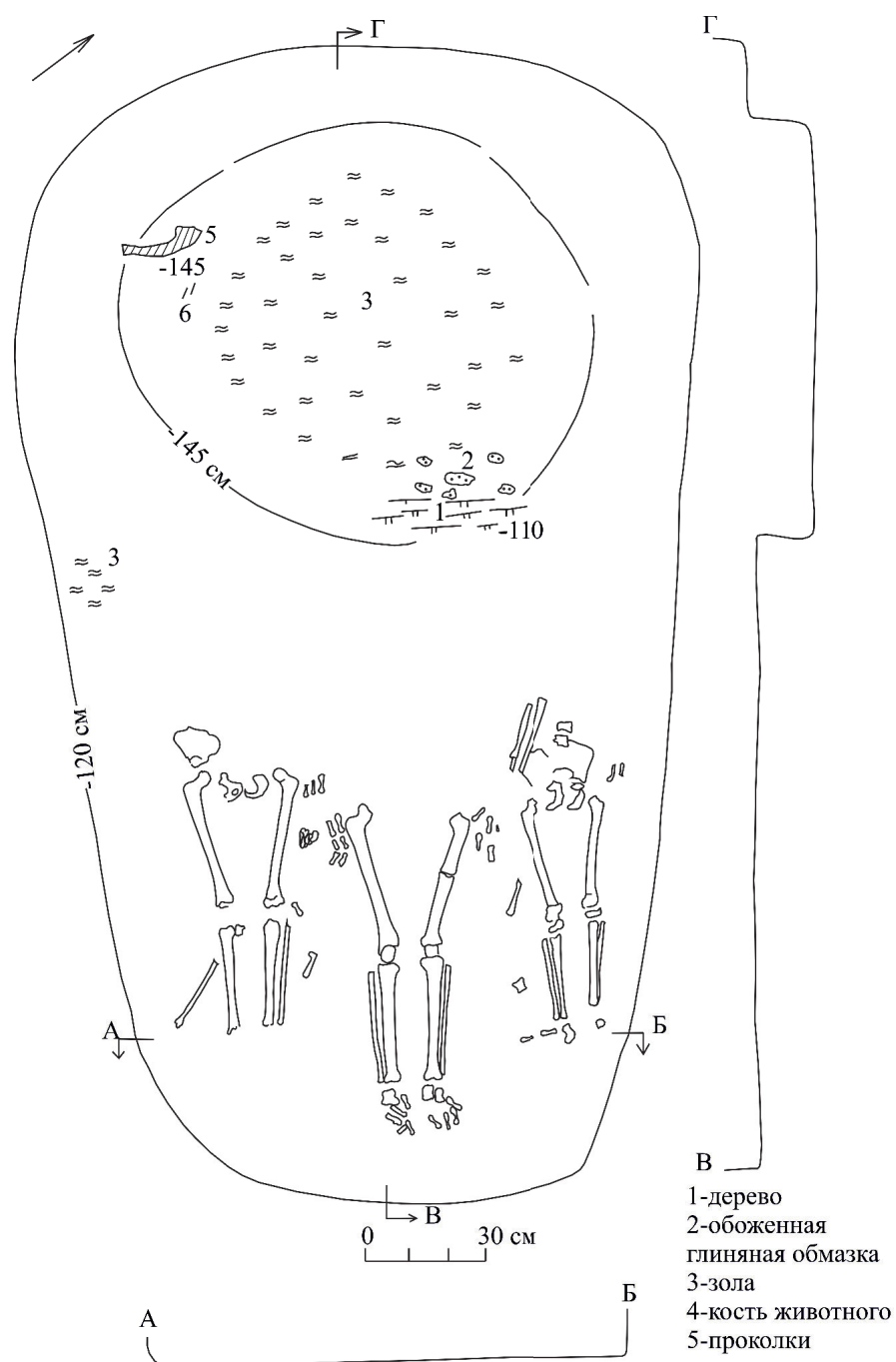

Рис. 111. VII Измерский могильник, раскоп VI, план погребения № 25, участок АБ/1-2, глубина 145 см.

Рис. 112. VII Измерский могильник, погребение № 25. Вид с юго-востока.

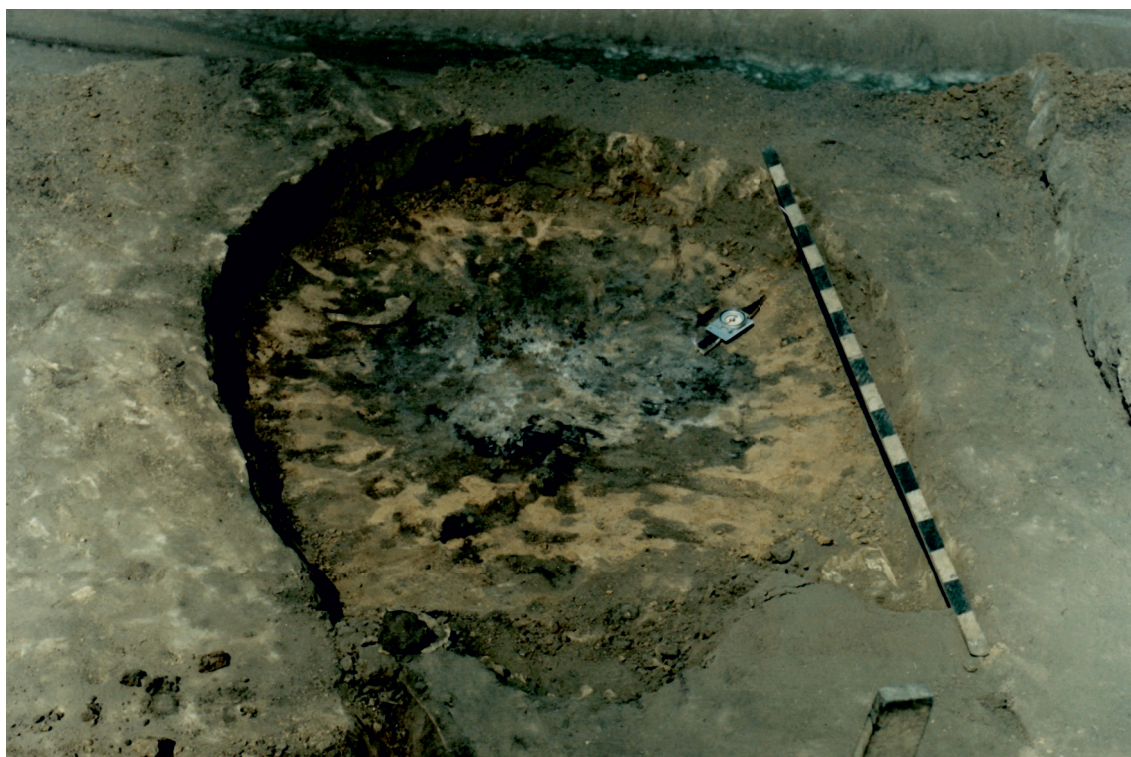

Рис. 113. VII Измерский могильник, кострище в погребении № 25. Вид с юго-востока.

Рис. 114. VII Измерский могильник, раскоп VI, план погребения № 26, участок Б/2, глубина 65 см

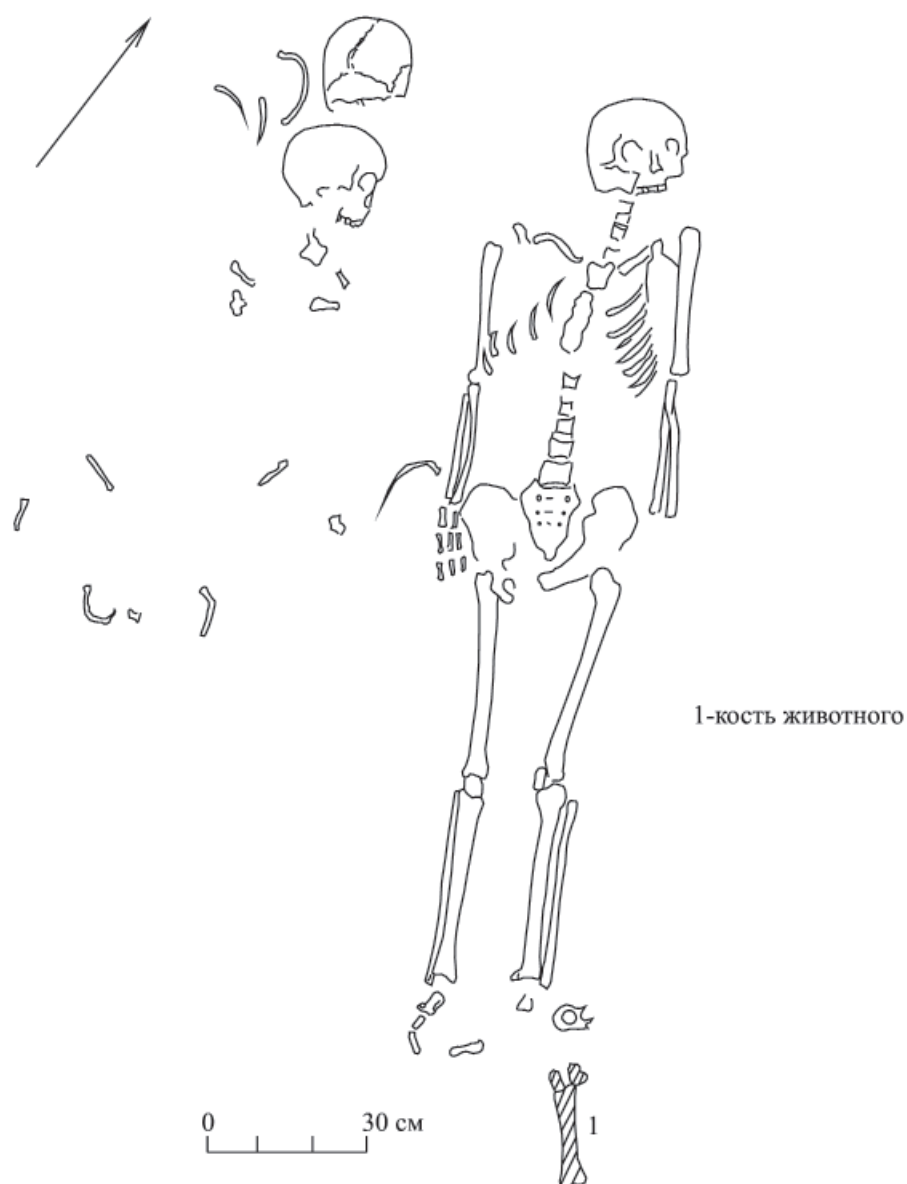

Рис. 115. VII Измерский могильник, раскоп VI, план погребения № 27, участок Б/4-5, глубина 80 см

Рис. 116. VII Измерский могильник, погребение № 27. Вид с юго-востока.

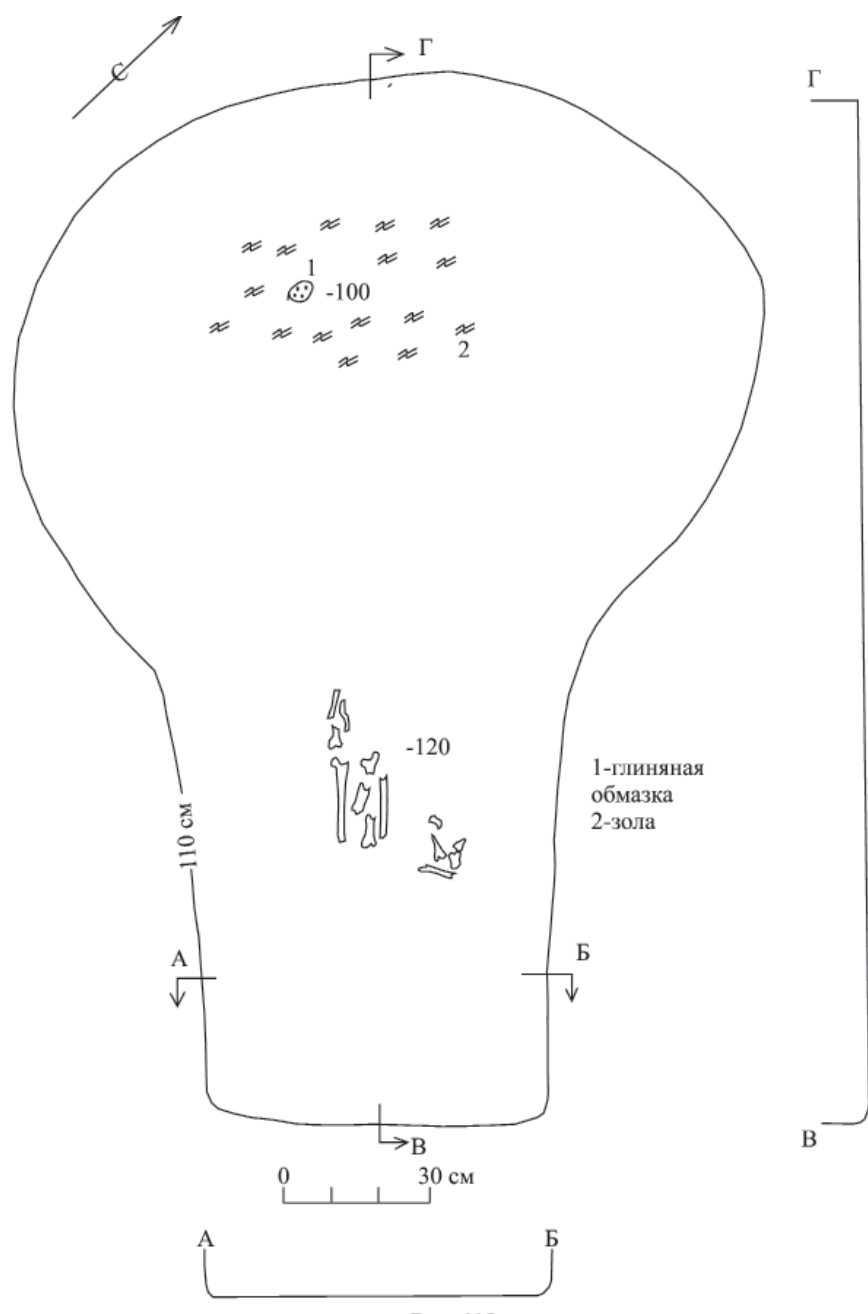

Рис. 117. VII Измерский могильник, раскоп VI, план погребения № 28, участок АБ/3-4, глубина 120 см

Рис. 118. VII Измерский могильник, погребение № 28. Вид с юго-востока.

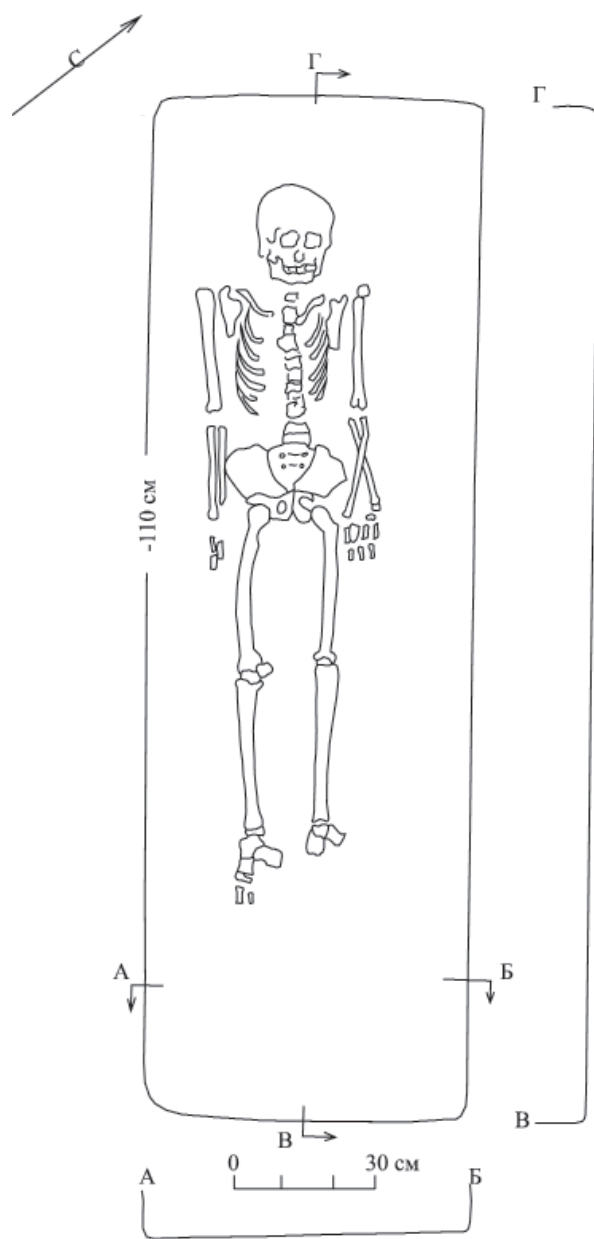

Рис. 119. VII Измерский могильник, раскоп VI, план погребения № 29, комплекс I, участок АБ/2-3, глубина 120 см

Рис. 120. VII Измерский могильник, погребение № 29. Вид с востока – юго-востока.

Рис. 121. VII Измерский могильник, план погребения № 30, раскоп VI, участок АБ/4, глубина 130 см.

Рис. 122. VII Измерский могильник, погребение № 30. Вид с юго-востока.

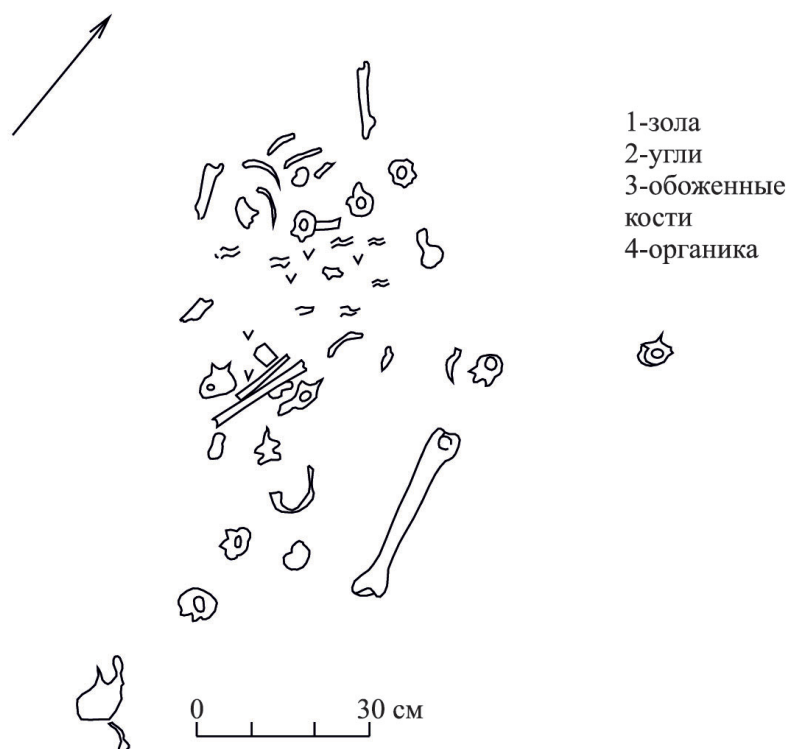

Рис. 123. VII Измерский могильник, раскоп VI, план погребения № 31, участок Б/4, глубина 140 см

Рис. 124. VII Измерский могильник, фото погребения № 31. Вид с юга – юго-востока.

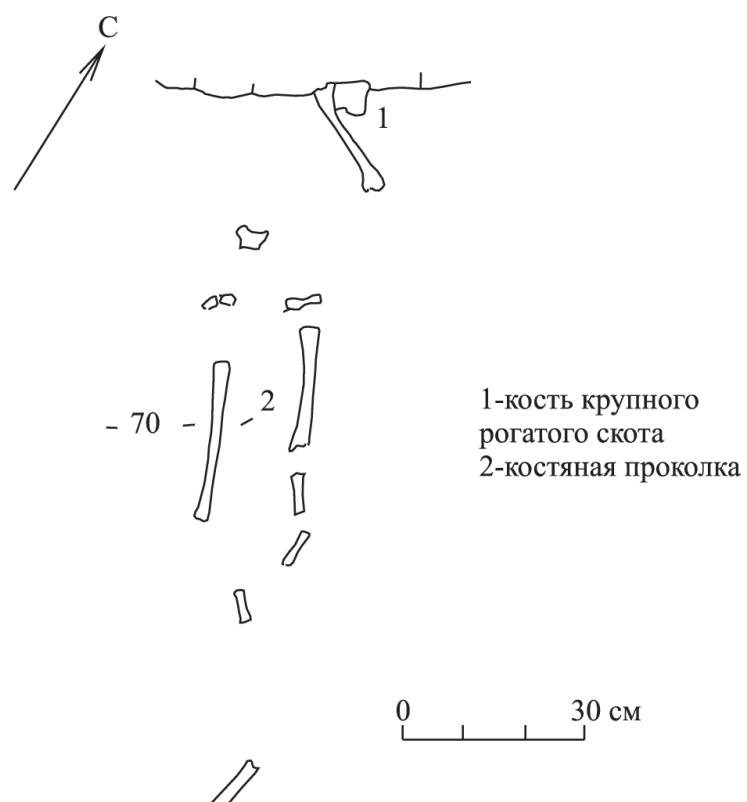

Рис. 125. VII Измерский могильник, раскоп VII, план погребения № 32, участок Б/1, глубина 110 см.

Рис. 126. VII Измерский могильник, процесс расчистки погребения № 33. Вид с юго-востока.

Рис. 127. VII Измерский
могильник, крупный план
части погребения № 33.

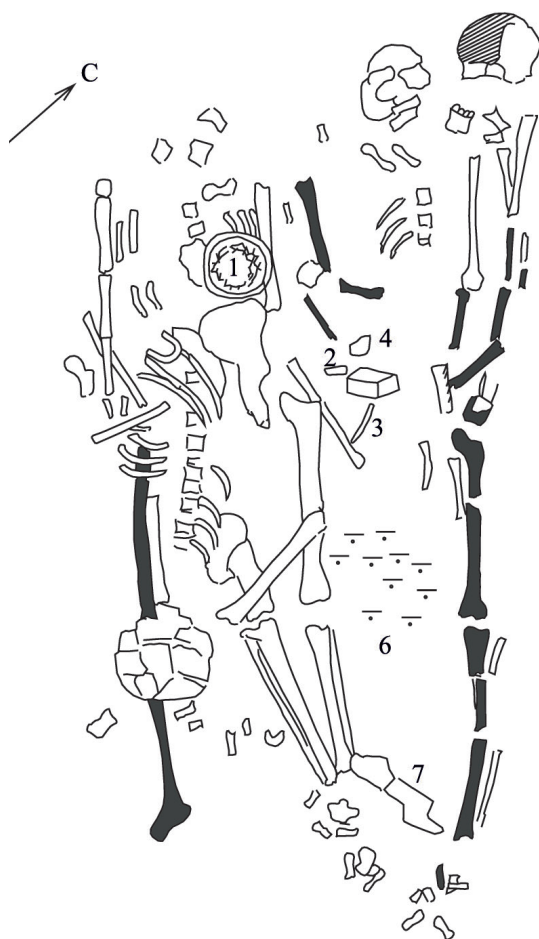

Рис. 128. VII Измерский
могильник, раскоп VII,
план погребения № 33,
участок А/1 на глубине
60 см.

- 1-сосуд
- 2-раковина
- 3-проколка
костяная
- 4-обожженная глина
- 5-кремь
- 6-прокал
- 7-кость крупного
рогатого скота

0 30 см

-60 -80

Рис. 129. VII Измерский могильник, погребение № 33 на глубине 60 см.
Вид с юго-запада.

Рис. 130. VII Измерский
могильник, процесс
расчистки погребения № 33
на глубине 65–70 см.
Вид с юго-востока.

Рис. 131. VII Измерский
могильник, раскоп VII, план
погребения № 33, участок А/1
на глубине 65–70 см.

1- раковина
2-обожженная глина
3-прокал

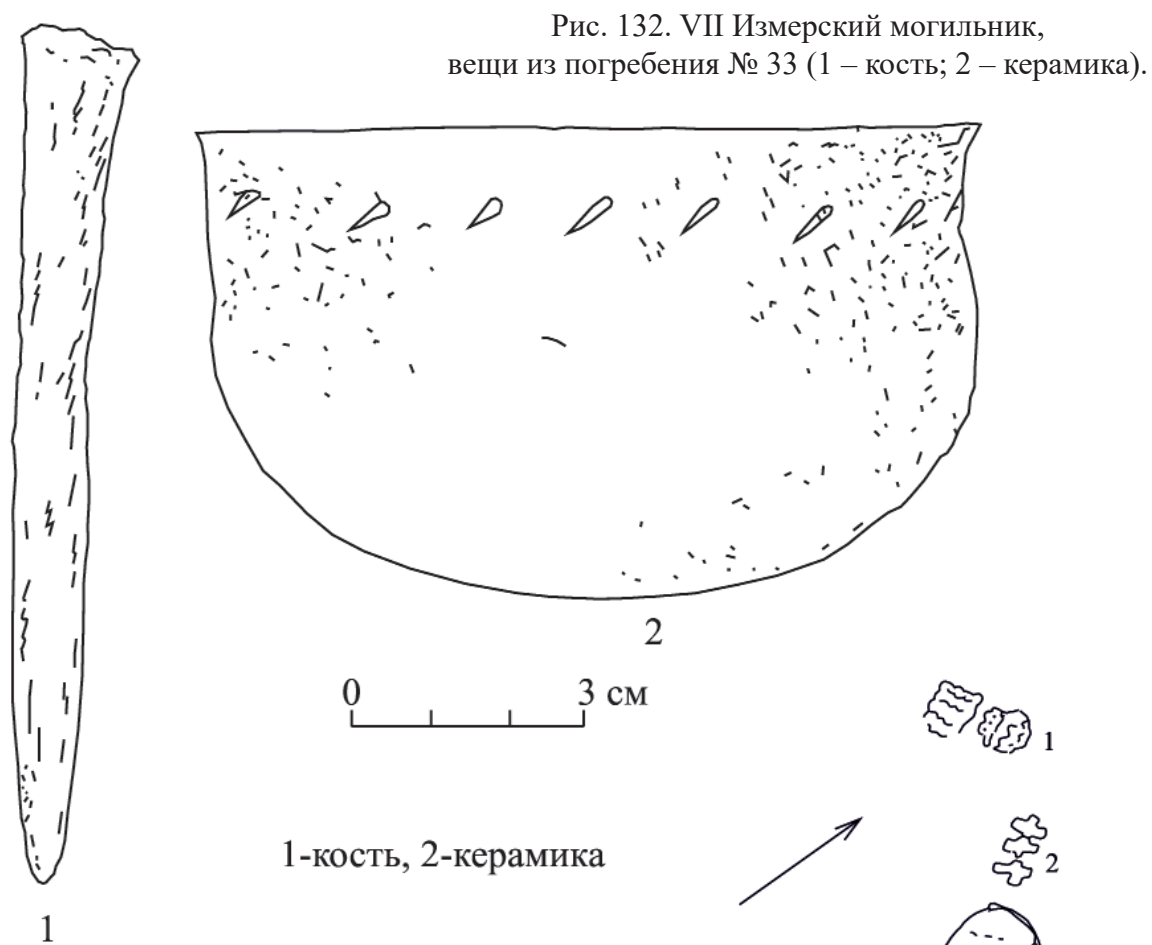

Рис. 133. VII Измерский могильник,
раскоп VII, план погребения № 35, участок А/1
на глубине 110 см

1- фрагменты дерева
2- кости животных

Рис. 134. VII Измерский могильник, расчистка погребений на раскопе VIII. Вид с юга.

Рис. 135. VII Измерский могильник, расчищенные погребения № 36–37 в раскопе VIII. Вид с юго-востока.

Рис. 136. VII Измерский могильник, раскоп VIII, план погребения № 36, глубина 85 см

Рис. 137. VII Измерский могильник, погребение № 36. Вид с северо-востока.

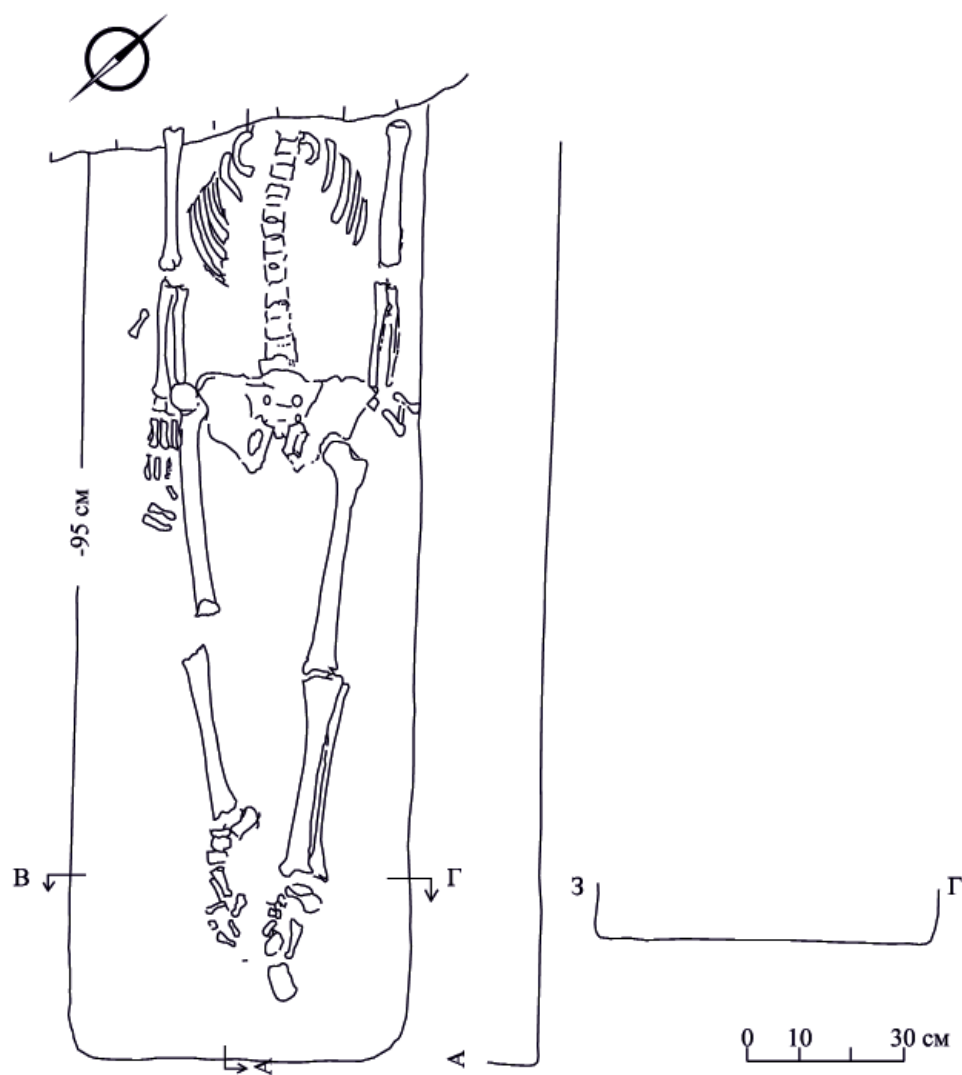

Рис. 138. VII Измерский могильник, раскоп VIII, план погребения № 37, участок 1-2, глубина 100 см

Рис. 139. VII Измерский могильник, погребение № 37. Вид с юго-востока.

Рис. 140. VII Измерский могильник, расчистка погребения № 38. Вид с юга.

Рис. 141. VII Измерский могильник, скопление кусочков глины над погребением № 38. Вид с юго-востока.

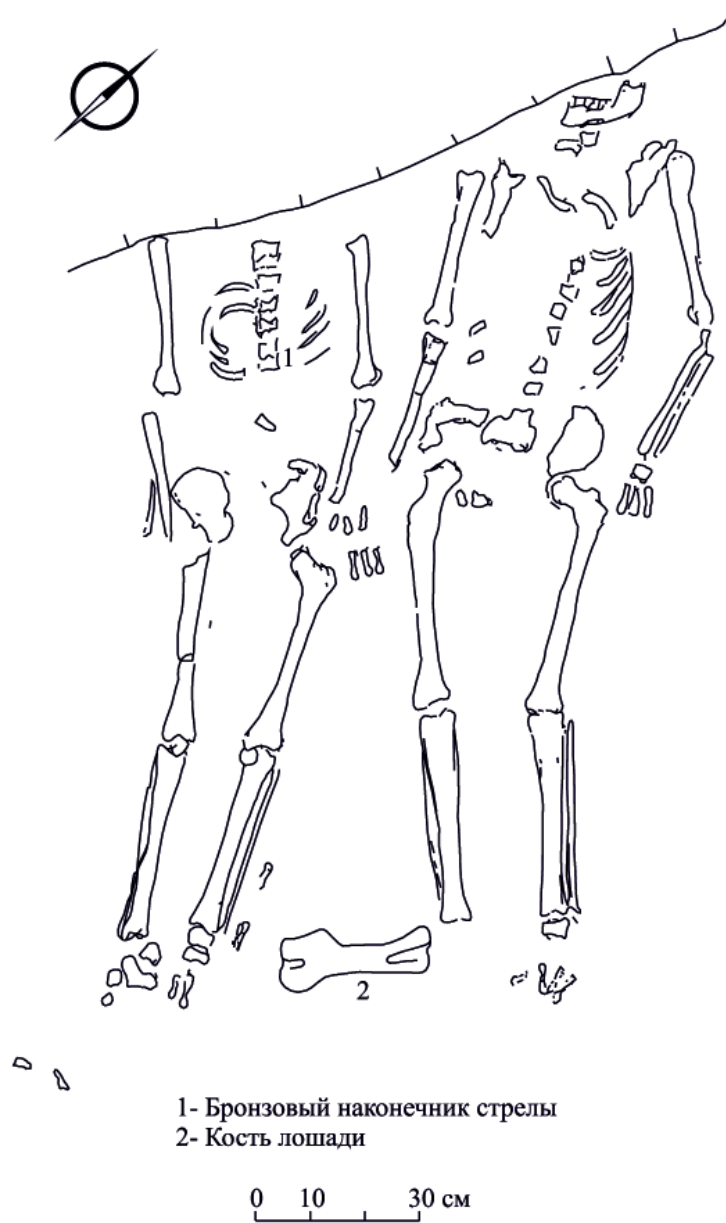

Рис. 142. VII Измерский могильник, раскоп IX, план погребения № 38, уч. А/1, глубина 55 см.

Рис. 143. VII Измерский могильник, погребение № 38. Вид с юга.

Рис. 144. VII Измерский могильник, погребение № 38. Бронзовый наконечник стрелы, застрявший в позвонке северо-восточного костяка.

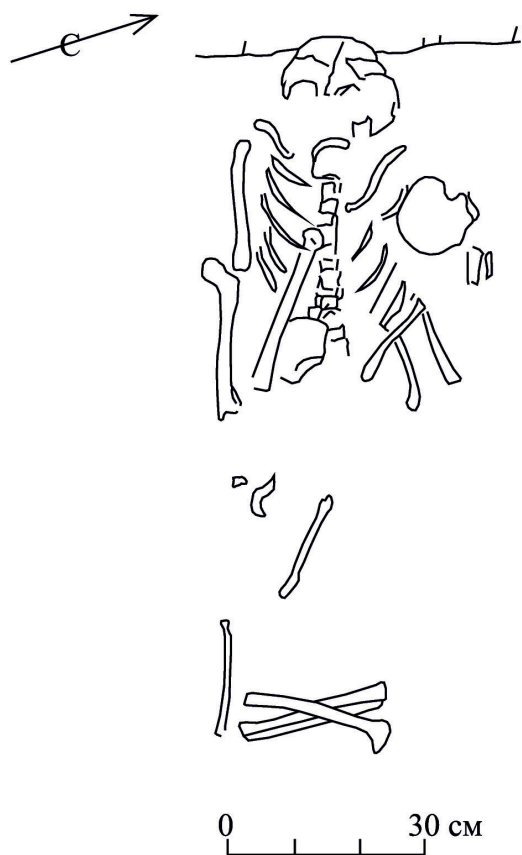
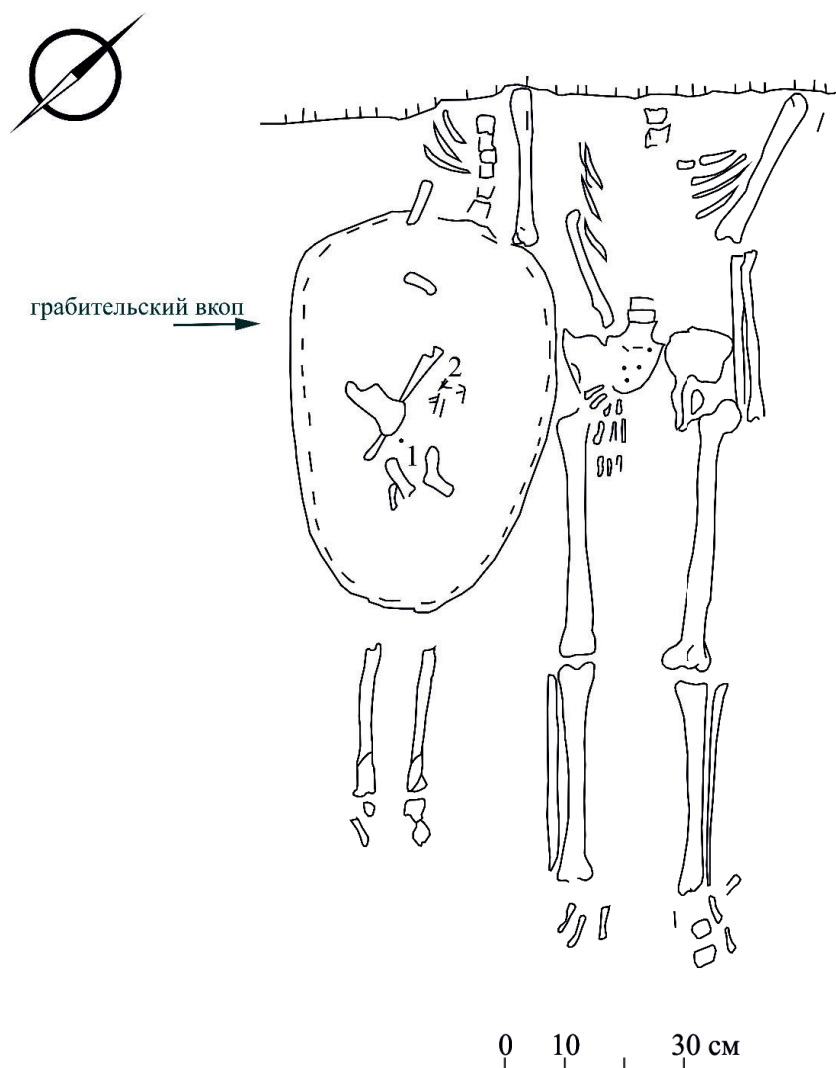

Рис. 145. VII Измерский могильник,
раскоп IX, план погребения № 39, уч. А/1,
глубина 95 см,

Рис. 146. VII Измерский могильник,
погребение № 39.
Вид с востока – юго-востока.

Условные обозначения:
 1-окись бронзы
 2-фрагменты дерева

Рис. 147. VII Измерский могильник, раскоп X, план погребения № 40, участок А/5, глубина 120

Рис. 148. VII Измерский могильник, погребение № 40. Вид с юга.

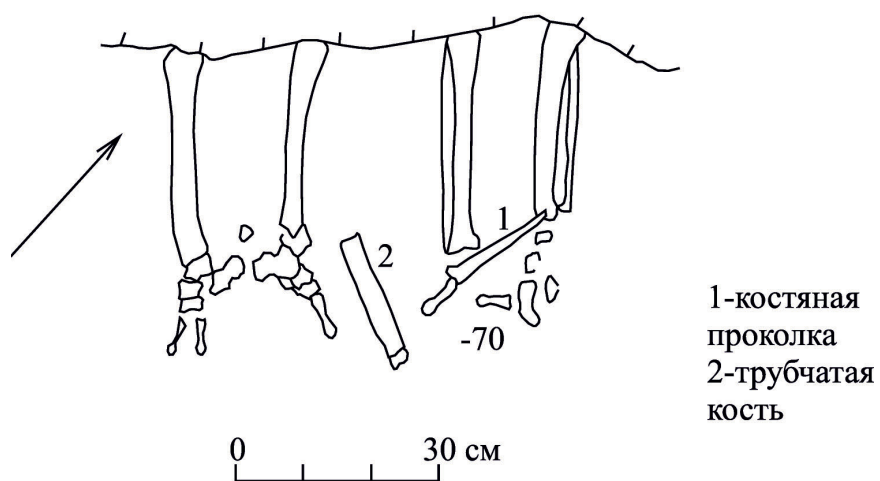

Рис. 149. VII Измерский могильник, раскоп X, план погребения № 41, участок АБ/1, глубина 80 см

Рис. 150. VII Измерский могильник, погребение № 41. Вид с юго-востока.

Рис. 151. VII Измерский могильник, костяная проколка из погребения № 41.

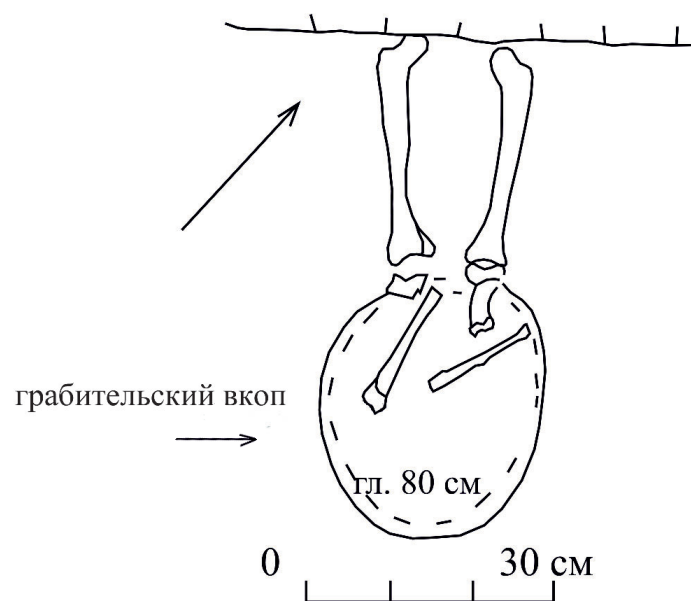

Рис. 152. VII Измерский могильник, раскоп X, план погребения № 42, участок АБ/2, глубина 80 см.

Рис. 153. VII Измерский могильник, погребения № 43, 46. Вид с юго-востока.

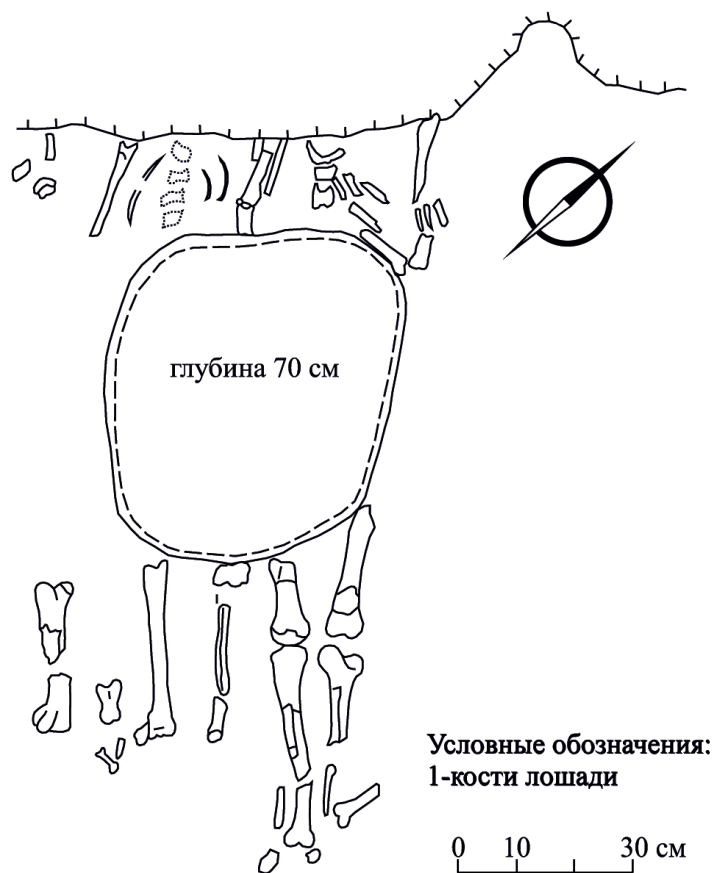

Рис. 154. VII Измерский могильник, раскоп X, план погребения № 43, участок АБ/1-2, глубина 60 см

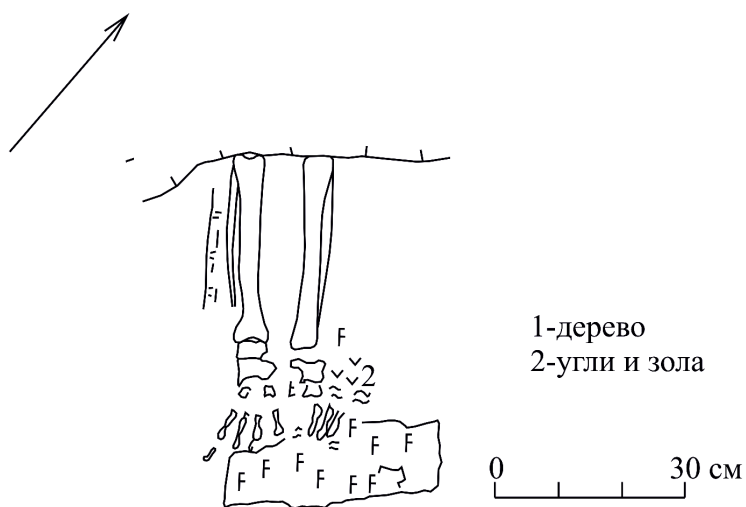

Рис. 155. VII Измерский могильник, раскоп X, план погребения № 44, участок Б/1, глубина 100 см

Рис. 156. VII Измерский могильник,
погребение № 44.
Вид с юга – юго-востока.

Рис. 157. VII Измерский могильник,
погребение № 44. Вид с юга.

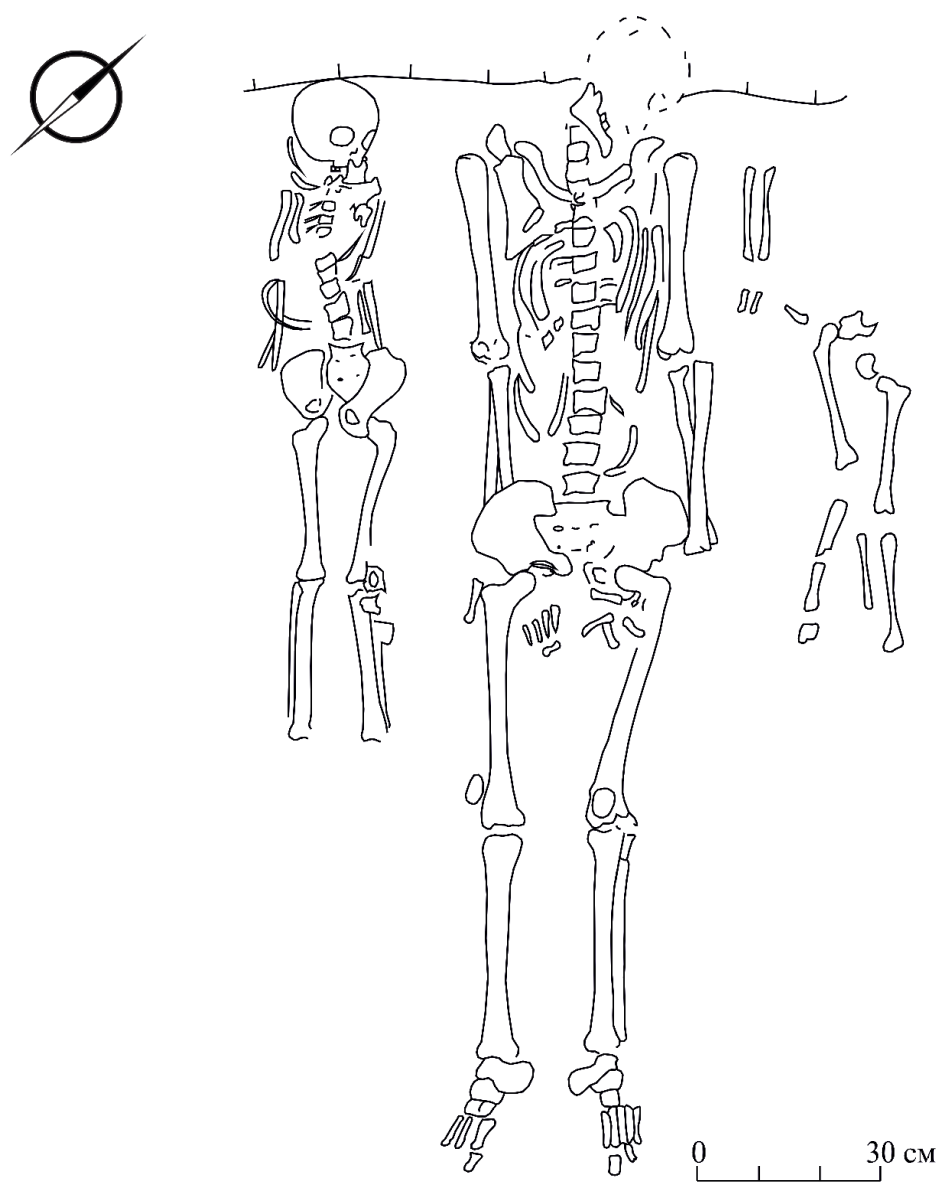

Рис. 158. VII Измерский могильник, раскоп X, план погребения № 45, участок АБ/3-4, глубина 80 см.

Рис. 159. VII Измерский могильник, расчистка погребения № 45.

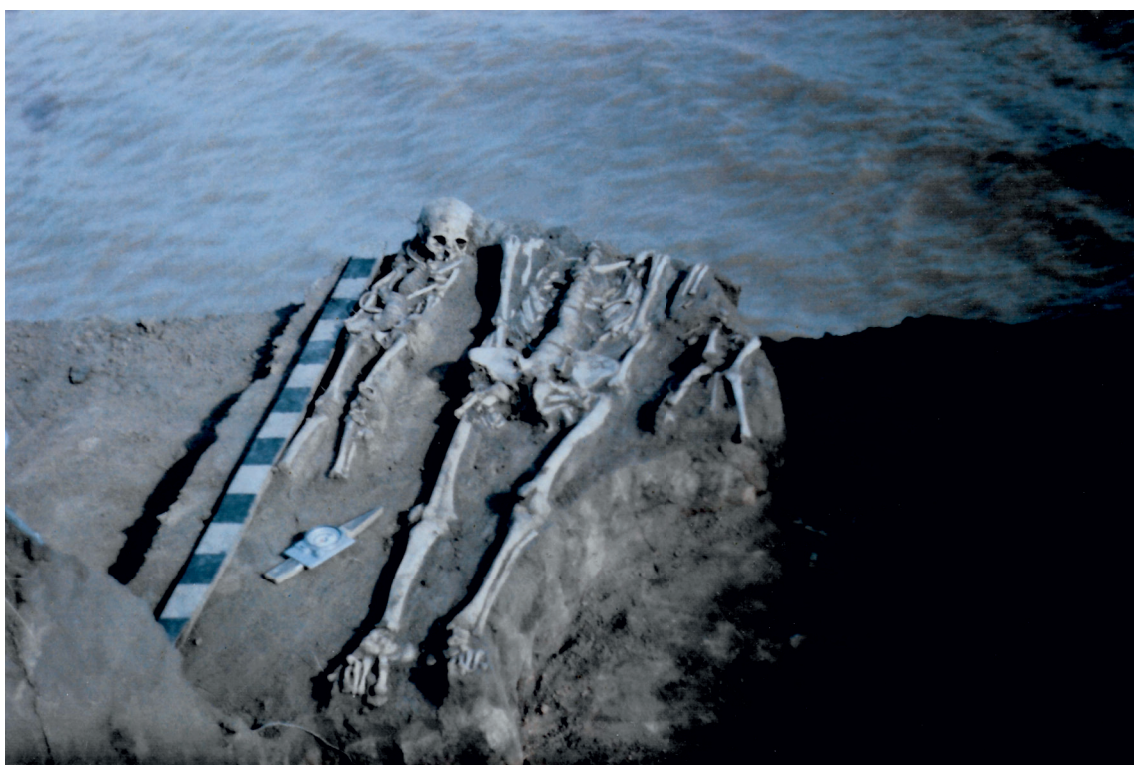

Рис. 160. VII Измерский могильник, погребение № 45. Вид с юго-востока.

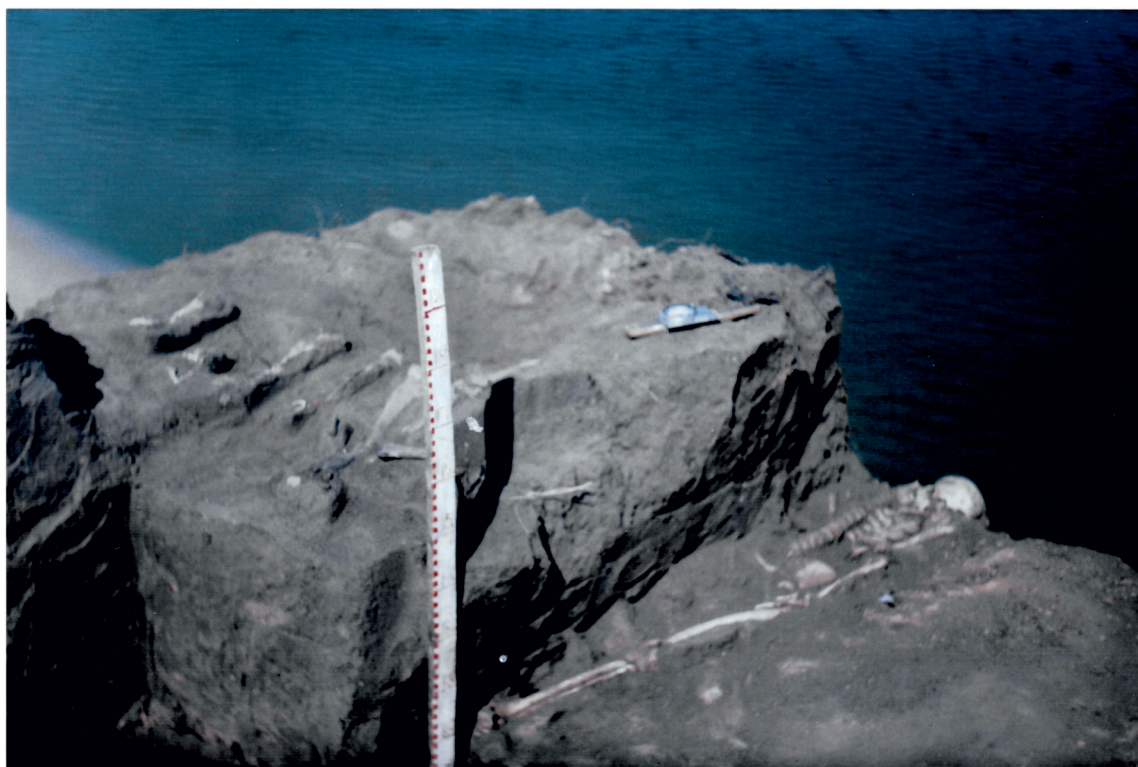

Рис. 161. VII Измерский могильник, фотофиксация погребения № 46, расположенного под погребением № 43. Вид с востока.

Рис. 162. VII Измерский могильник, погребение № 46 в процессе расчистки. Вид с юго-запада.

Рис. 163. VII Измерский могильник, расчистка погребения № 46. Вид с юго-востока.

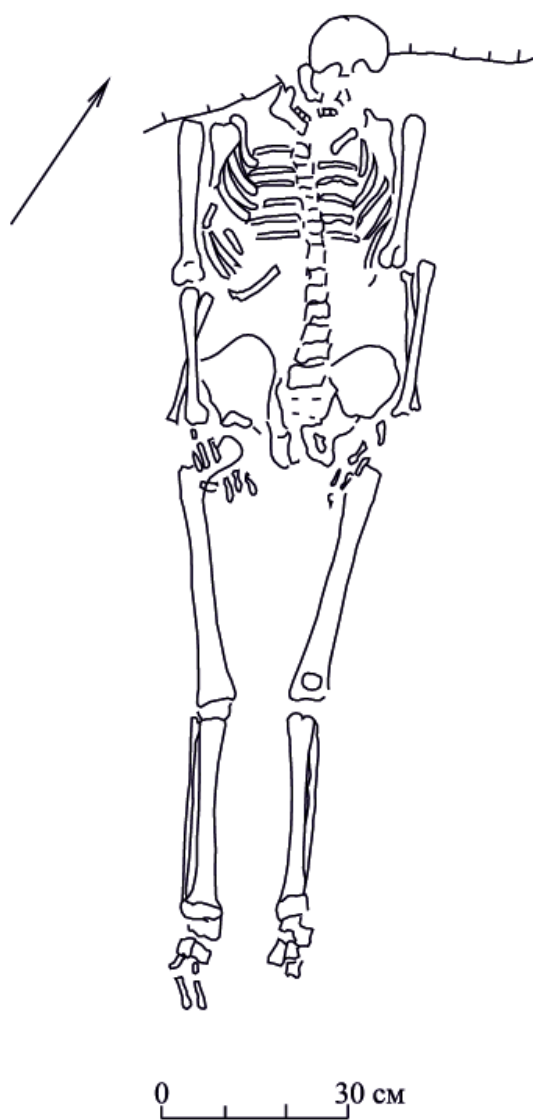

Рис. 164. VII Измерский могильник, раскоп X, план погребения № 46, участок АБ/3, глубина 100 см

Рис. 165. VII Измерский могильник, погребение № 46. Вид с юго-востока.

Научное издание

Казаков Евгений Петрович

**МОГИЛЬНИКИ ПРИУСТЬЕВОГО ЗАКАМЬЯ
ПЕРЕХОДНОГО ПЕРИОДА: ОТ ЭПОХИ БРОНЗЫ
К РАННЕМУ ЖЕЛЕЗНОМУ ВЕКУ**

Монография

Оригинал-макет – *А.С. Беспалова*

Технический редактор и корректор – *И.А. Першагина*

Художник – *Р.Р. Садыков*

Компьютерная обработка иллюстраций:
Г.Р. Ибатуллина, А.С. Беспалова

Подписано в печать 22.09.2025 г. Формат 60х84 ¹/₈
Бумага офсетная. Усл. печ. л. 16,74
Общий тираж 500 экз. Первый завод 200 экз.
Заказ № 22/09

Издательство Академии наук Республики Татарстан
420111, Казань, Баумана, 20